

Анатолий Савельев

Сельские сказы

Сборник

Колывань, 2021

Сердечная благодарность

Алексей Владимирович Мануйлов и Евгения Александровна Своровская - земляки-предприниматели на протяжении пяти лет оказывают финансовую помощь в издании моих сборников.

Огромное им за это СПАСИБО.

Девяносто копиц

Мой папа – Савельев Петр Алексеевич был из большой крестьянской семьи. У его отца Алексея было восемь сыновей и одна дочь. Потому как землю нарезали на лиц мужского полу, землицы было достаточно, чтобы жить сытно и безбедно. Только работай побольше, да с умом распоряжайся и землей, и скотиной.

Папа рассказывал нам историю про их соседа Никодима. Разговорились Алексей с Никодимом о предстоящей зиме. Никодим и говорит: - Думаю, сена мне в этом году хватит. На моих лугах оно зеленое было, скошено вовремя и богатое разнотравье».

- А много ли поставил сена-то? – спросил Алексей.

- Довольно, - ответил сосед, - девяносто копиц (т.е. копен), скотина голодной не будет.

- Ну, девяносто это хорошо, - поддержал его мой дед – конечно, скотина будет сыта, молоко-то у коровы на языке, как сенца поест, водицы попьет столько в ведре и молока будет.

- А у тебя, Алексей, много ли ты поставил нынче сена? – в ответ спросил Никодим.

На что мой дед сказал: - Я, конечно, меньше твоего. Копен шестьдесят получилось, но тоже, думаю, голодного рева скотины ты, соседушка, не услышишь.

На том и разошлись. Но зима есть зима. Ей-то все равно, сколько у тебя копен сена – шестьдесят или девяносто. Тем более скотине. Она считать не обучена. Ей сено натуральное подавай. Но вернемся к нашей истории. После праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, что отмечает

православный люд в апреле, идет Никодим к моему деду с разговором.

- Слушай, Алексей, у меня беда, сено кончается. До зелени не дотяну, выручай, сосед.

- Никодим, - отвечает Алексей, - ты ведь хвалился «у меня девяносто копиц, сена хватит!» И что же случилось?

- Да что? Копиц-то девяносто, да все получились легковесными. Да еще сено зеленое, душистое, скотина его быстро подбирает.

Что же делать нечего, в деревнях российских была сильна общинная психология: «Один за всех и все за одного». Не бросали в беде односельчан, попавших в трудную ситуацию. А здесь был именно такой случай.

- Сколько тебе до выгона скотины сена надо? – спросил Алексей.

- Да хотя бы возочка два, - ответил Никодим.

- После обеда подъезжай, - сказал дед, - я как раз новый стог распочал. Сено тоже хорошее. Выручу тебя, осенью вернешь.

Вот так закончилась эта история. И у моего отца, когда мы жили на Пристань Почте, копны ставились полновесными. Не каждая лошадь с первого рывка стаскивала ее с места. И убирать сено старались вовремя, главное, без дождя. Чтобы было зеленое да душистое.

2016 г.

Новенькие туфли

Ещё лет тридцать назад моя родная деревня Пристань Почта выполняла почетную миссию речных ворот или речного порта Колыванского района. На нефтебазу завозили нефтепродукты: бензин, керосин, дизельное топливо, масла, а затем все это развозилось по селам для обеспечения работы техники колхозов и совхозов. Пристаньпочтовское заготзерно имело огромные склады и сушилку, где поступившее со всего района зерно очищалось, сушилось, складировалось, а затем отправлялось по Оби на новосибирский мелькомбинат и возвращалось в район уже мешками муки. Но для жителей деревни и близлежащих сел и деревень: Вьюнов, Таловки, Черемшанки наша деревня была ещё и пристанью, на которую они могли приехать из Новосибирска и туда же уехать обратно. К дебаркадеру - это такая плавучая пристань, которую отбуксировали на время навигации, пришвартовывались небольшие теплоходики типа «ПТ», которые в народе звали «пэтэшки» и красавцы Омы, быстроходные «Ракеты», а мимо проносились величественные «Метеоры» с пассажирами до Кожевникова и Томска. На нашей пристани у них не было остановки. Пассажиров всегда было много. Людей привлекали цены, хорошие условия, относительно недолгое время в пути: от города по течению – 3 часа, в город против течения – 5 часов. И красота обских берегов для любования.

Особенно много было пассажиров в пятницу – после рабочей недели. Взрослые дети, живущие в городе, спешили навестить своих родителей, помочь им по хозяйству. Соответственно в воскресенье, с деревенскими гостинцами,

нужно было возвращаться в город, опять же на теплоходе. Рабочая неделя требовала порядка и дисциплины.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел в один из летних пятничных поздних вечеров 1965 года. Подчеркну - второй половины июля, так как именно в это время созревали черная смородина и ежевика, привлекающие большое количество любителей сбора этих вкуснейших лесных ягод, в изобилии произраставших вокруг деревни. Садоводство ещё только давало первые шаги, первые ростки. Дачи и дачники были редкостью. В тот вечер на теплоходе, красавце Оме, ехала за черной смородиной одна городская супружеская пара с сыном примерно десяти - одиннадцати лет. Теплоход хоть и был заполнен пассажирами, выражаясь современным языком, «до упора», все же легко скользил по водной глади матушки Оби. И вот долгожданный дебаркадер нашей деревни. Теплоход осторожно пришвартовался, и по команде капитана с теплохода был подан трап – перекидной мостик, по которому пассажиры переходили на дебаркадер. Контролер проверяла билеты, капитан судна через рупор предупреждал пассажиров не толкаться, не прыгать с теплохода на дебаркадер. Но давка на трапе была неимоверная. И вот в этой давке мальчик тех самых родителей, не удержался и упал в воду, в промежуток между судном и дебаркадером. Шум, крики, давка вдруг словно выключились. Был слышен только крик обезумевшей матери: «Сынок упал! Помогите!...». Стихшие было шумы возобновились с ещё большей силой. Теперь все взоры людей были обращены вниз, на узкий промежуток воды, где беспомощно барахтался, упавший ребёнок. Течение реки, да еще в узком месте, могло затащить мальчишку либо под

теплоход, либо под дебаркадер, что в обоих случаях означало мгновенную смерть. Спасать надо было немедленно, на счету - секунды. Кричали многие, кричали почти все, но прыгнуть решился только один – мой брат Геннадий. В одежде, не

раздумывая, он бросился в воду, схватил барахтавшегося пацана и, отталкиваясь и от теплохода, и от дебаркадера, сначала выплыл с ним из опасной зоны, а затем уже вместе с ним добрался до берега и вытащил испуганного мальчишку на песок. На берегу его уже ждали родители. Толпа облегченно вздохнула и мгновенно разошлась по домам, унося с собой картину этой трагической истории со счастливым концом.

Наутро, сквозь сон, я слышал, как в наш дом приходили родители того мальчика и, плача от радости, благодарили и Гену, и моих родителей за спасение своего сына. А ещё через неделю они принесли брату новенькие туфли взамен тех, которые он утопил во время ночного «купания».

Вот такой героический поступок совершил мой родной брат Геннадий. На тот момент он только что окончил восемь

классов Пристаньпочтовской школы и сдал документы в индустриальный техникум. В скоротечной деревенской жизни люди быстро забыли об этой истории. Ни у кого даже и не возникло мысли и желания представить брата к награждению медалью «За спасение утопающего». Ну, да и ладно. А мой брат – отчаянный деревенский юноша, продолжал жить своей жизнью.

2016 г.

Корыто

Известную историю про корыто (лохань) писателя Льва Толстого, мама рассказывала немного по-другому, по-тамбовски. Думаю, знаменитый писатель взял сюжет рассказа, так скажем, из народа. В каждой губернии он пересказывался по-своему и жил своей жизнью. Проблема-то была актуальна.

Вот, что я слышал в детские годы от своей мамы Савельевой Пелагеи Васильевны.

Жила была одна деревенская семья: муж, жена, сыночек Ванечка. С ними жил отец мужа, свекр жене и, следовательно, дед Ванечки. По традиции старики доживали свой век с последним своим сыном. Дед, когда-то сам глава большого семейства, в свои преклонные годы был человеком скромным, немногословным, а старость делала свое дело. Становился он менее проворным, слабели глаза, руки. Его сын, как и все деревенские мужики, вел напряженную работу в поле и по хозяйству, встречался со своим отцом, в основном, за столом. Жена его, в отличие от мужа, была женщина нрава

далеко не кроткого и имела женскую власть над мужем, а свекра порой обижала, просто за его старческую нерасторопность. Муж потакал ей во многом, чаще всего только потому, чтобы в доме не было ругани.

- Это просто невозможно дальше терпеть, - пилила она мужа, - твой отец за столом чавкает, как свинья, крошки от него на столе. Сделай ему столик за печкой, пусть он ест отдельно от нас. Сын сколотил отцу столик и отделил его, как сказала жена, за печку.

Через несколько дней снова за столом шум.

- Вот посмотри, - продолжала пилить жена мужа, - твой отец разбил миску, посуды на него не напасешься. Сделал бы ты ему корытце из дерева. Уже точно не сломает. Выдолбил сын отцу корыто. В него наливали ему и суп, и кашу, и кисель. В доме тишина и спокойствие. Отец смиренно принимал все изменения в своей жизни, большую часть своего времени проводил на печке или на лавке за той же печкой.

Все бы хорошо, но в семье еще был и внучек Ванечка, на глазах которого деда сначала пересадили за печку, потом дали вместо миски - корыто. Прошло какое-то время, мальчик подрастал. И как-то, проходя мимо Ванечки, отец спросил его:

- Сынок, что это ты мастеришь из деревянной чурки?

На что сын ответил:

- Папа, я хочу выдолбить тебе корыто, ведь ты тоже скоро станешь стареньким. Будет из чего тебе кушать.

И вот только теперь понял взрослый сын, что же он натворил, зачем шел на поводу у своей строптивой жены. Время разговора было как раз перед обедом. Быстрым шагом

вошел он в дом, взял отца за руку, вывел его из-за печки, где тот ждал обеда, посадил за стол, на его прежнее место и сказал:

- Прости меня, отец. С этого дня ты будешь сидеть с нами за одним столом. Жена, дай отцу миску, а это «чертово» корыто я выброшу в печку, в огонь, пусть сгорит.

Жена, понимая решительное настроение мужа, покорно исполнила все, что было сказано.

С тех пор в этой семье мир и покой. Отец, дедушка Ванечки, сидел за общим столом, а после обеда рассказывал ему разные деревенские небылицы, учил внука житейской мудрости. А его сын в дальнейшем не допускал глумления над отцом.

Вот такая поучительная история, которую должны знать наши дети, особенно мальчики, на которых лежит особая ответственность за старость своих родителей. Этот рассказ я также включаю иногда в тему урока «Семья и семейные отношения».

Рассказ коснулся и меня самого. Я был в семье последним сыном и на меня легла ответственность за старость моих родителей. Поэтому из района я никуда не уехал, всегда был возле, рядом с ними. Мои родители достойно, в любви и уважении, доживали свой век. Последние годы моя мама жила в моей семье, в почете, любви и уважении и умерла на моих руках. Я честно и до конца исполнил свой сыновий долг.

2016 г.

Иконочка

Моя мама была глубоко верующим православным человеком. Она родилась в старинном, основанном стрельцами в 1695 г., большом селе Пахотный Угол (Солдатчина), что на Тамбовщине.

Крещеная и венчанная в прекрасной, видной со всех точек села, Богоявленской церкви, построенной в 1721 году и перестроенной в кирпичную в 1893 году на средства прихожан. Она сохранила веру в Господа нашего Иисуса Христа до своего последнего вздоха. Когда они переселялись в Сибирь, а на это решились шесть братьев Савельевых, в том числе и мой отец Савельев Петр Алексеевич, то среди домашнего скарба (вещей), конечно же, были и иконы. У моей мамы из родительского дома была увезена с собой небольшая, простого написания, иконочка Божией Матери с младенцем Иисусом Христом. И когда у родителей на Пристань Почте появился свой дом (это были 1930-е годы), иконка заняла свое почетное место в переднем углу комнаты.

История, рассказанная мамой, относится к послевоенному периоду. Папа уже вернулся с фронта. Работал заготовителем в деревне от Колыванского райпотребсоюза. Были уже 50-е годы XX века. В Колывани еще работала церковь благоверного князя Александра Невского, удивляя окружающих и гостей своей красотой и благозвучием колокольного звона. Но натиск на православную церковь усиливался. Вот в такой период, в один из зимних дней, в наш дом пришел вместе с папой его колыванский начальник, пообедать. Мама наскоро накрыла стол, усадила мужчин. И тут взгляд заезжего упал на

иконочку Божией Матери с младенцем Спасителя. Бесцеремонно вскочив из-за стола, он обрушился на родителей с руганью и требованием немедленно убрать и выбросить, как он выразился, эту «деревяшку». Главный удар приняла на себя моя мама. Она всегда была спокойна и уравновешенна. Такой она оставалась и в этой ситуации. Она остановила ругань взбесившегося начальника и твердым голосом ответила ему: «Не вами эта иконочка повешена, не вам ее и убирать. Божия мать с ликом Спасителя – хранительница нашего семейного гнезда, да и всех живущих на земле!». Удивительно, но мамины слова возымели свое действие. Начальник в один миг переменялся в лице, успокоился, сел за стол, откушал чего Бог послал и ушел. Больше он в нашем доме не появлялся. И, самое главное, не было никаких последствий. Видимо мама с помощью Божией Матери остановила этого начальника.

Мама моя последние годы своей жизни провела в моей семье в Пихтовке, где я работал Главой администрации сельского Совета. Каждый праздник она начинала с молитвы. У нее был небольшой домашний иконостас, где висела ее домашняя реликвия - иконочка Божией Матери с младенцем Христом на руках. Последними словами моей мамы были слова: «Поверните меня к Богу». С ними она и отошла в царствие Небесное.

Эта икона, привезенная с родины моих родителей, сейчас на почетном месте уже в моем доме и Божия Матерь с младенцем Иисусом Христом хранит меня и мою семью.

2016 г.

История о простом парне

Герой этого повествования - Козулин Иван Николаевич – мой земляк, рожденный в 1958 году в деревне Пристань Почта. У его родителей жизнь совместная не сложилась - они разошлись, а полуторогодовалый Ваня оказался сиротой при живых родителях. Мама в поисках нового семейного счастья оставила сына своей престарелой матери. Поэтому, как вы поняли, все заботы по воспитанию мальчика легли на плечи бабушки Евдокии Андреевны и дедушки Кирсантия Никитича Козулиных. Но и тут судьба не была благосклонна. Когда Ване было пять лет, неожиданно умирает дед. Бабушка становится для него всем – и мамой, и папой. К семи годам, как и все деревенские мальчишки, он переплывал Уень - речушку, протекавшую у нас за огородами, мог наловить рыбы на уху и «жаренку», набрать в ближайшем лесу грибов и ягод, прополоть грядку с морковкой и выполнить еще массу «маленьких» работ, без которых невозможен быт деревенской семьи. Становление личности Ивана Николаевича происходило в условиях нескончаемых сельских забот и общения с бабушкой. Она была его главным воспитателем, обучала его необходимым навыкам, позволявшим ему с ранних лет быть самостоятельным, а главное, ответственным. Его голова наполнялась простой человеческой деревенской мудростью. В деревне Ваню хорошо знали - знали, что живет с бабушкой, много работает, старается учиться. Никому в голову не приходило его обидеть. Он рос веселым, общительным и сообразительным мальчишкой и к моменту окончания Пристаньпочтовской восьмилетней школы имел уже собственное представление о

жизни, ориентировался в человеческом пространстве, был самостоятельным и ответственным в своих поступках. Итак, в свои 15 лет, он уже чувствовал себя вполне взрослым человеком. Шел 1973 год. И еще один нюанс из детства. Небольшой домик, где жил Ваня с бабушкой, был в конце деревни и располагался у самой дороги, ведущей на Юрт-Ору. В сильные морозы татарские ребяташки часто заходили к ним, чтобы погреться. До сих пор у Вани много друзей и товарищей среди татар. Его одноклассник, а ныне Председатель Правления местной организации мусульман деревни Юрт-Ора имам Шагабутдинов Навиль Хасанович, так рассказывает о нем: «Иван – добрый и отзывчивый парень, всегда готовый поделиться с друзьями всем, что у него есть. Он надежный и верный товарищ и друг. Мы по-прежнему общаемся с ним и по возможности видимся. Нашим разговорам, порой, не бывает конца». После школы было СПТУ №9 – профессия тракторист-машинист широкого профиля. А по его окончании - юношеская романтика завела его в город Волгоград. Поехали с другом Савельевым А.И. на Волжский автомобильный завод, но остановились в городке-герое. Это была осень 1976 года. Сибиряков удивило обилие фруктовых деревьев – яблонь, груш, персиков. Ребята решили: «Будем обосновываться здесь!» И началась трудовая жизнь Ивана Николаевича. Работа на алюминиевом заводе, заочное обучение в Волгоградском инженерно-строительном институте. Потом - армия, Афганистан, военные действия в пригороде Кабула, районе Кандагара... Вернулся из армии зрелым, мудрым мужчиной. Работал по специальности. В 1990 году, когда промышленное строительство испытывало, мягко говоря, не самые лучшие времена, организовал

бригаду специалистов-огнеупорщиков по кладке стеклоплавильных печей. Сам освоил в совершенстве все тонкости этой профессии и научил этому десятка два молодых парней. Вскоре слава о бригаде разнеслась по всей России. Его приглашали на строительство печей в Норильск, Дудинку, Красноярск, Абакан, Владимир, Ростов-на-Дону, Гусь-Хрустальный, Краснодар и другие города. Он строил стекольные печи, аналогов которых нет в мире, не дал погаснуть многим печам, а главное - сумел сохранить, казалось бы, простую, но очень важную рабочую профессию огнеупорщика. В городе Красный Сулин Ростовской области он был начальником строительства самой большой в России стекольной печи совместного российско-американского производства. В Нижегородской области его бригада провела ремонт стеклоплавильной печи, не останавливая процесса плавки. На это не решились мастера из Англии, Германии и Турции, привлеченные руководством предприятия. Печь работает бесперебойно уже несколько лет. В 1995 году он уже мастер огнеупорщиков, и в этом же году - главный инженер Волгоградского управления стекломонтажа. С 2007 года он был переведен в Москву начальником управления стекломонтажа столицы. С 2013 года Иван Николаевич на пенсии, по, так называемой в народе, «горячей» сетке. Но до сих пор востребован. Когда готовился этот материал, он консультировал специалистов стекольщиков в городе Уфе, где работает совместное российско-турецкое предприятие. Вот такой у меня земляк, профессионал, мастер своего дела. Как и положено мастеру, у него есть ученики, которые продолжают дело своего наставника. За трудовые успехи он имеет не один десяток грамот и благодарственных писем

разного уровня от местных до министерских. Особой строчкой в его жизни вписан Афганистан. Медаль «За отвагу» (1981 г.), «За боевые заслуги» (1982 г.), благодарности командования говорят о том, что Иван проявил себя и в ратном труде. Примером военного братства, товарищеской верности и дружбы является и тот факт, что Иван с момента начисления ему положенной пенсии не пользуется ею. Дело в том, что пенсию он перевел своему боевому товарищу, который получил серьезное ранение при выполнении задания, там, в далеком Кандагаре.

Мы, его земляки, благодарны ему за организованную встречу выпускников Пристаньпочтовской восьмилетней школы, состоявшуюся в июне 2012 года. В планах – проведение такой встречи в 2017 году. Иван Николаевич женат. Жена, Татьяна Александровна, - учительница. Дочь Наташа – работник военкомата. Скоро будут внуки. Вот такой у меня земляк. Простой парень из простой семьи, достигший успеха в жизни своим трудом.

18.10. 2016 г.

Картошечка

Мои родители - Савельевы Петр Алексеевич и Пелагея Васильевна – уроженцы села Пахотный Угол, или, как по-другому называли его, Солдатчина, Тамбовского уезда, Тамбовской губернии. Это, можно сказать, центр России. До революции 1917 года высокая плотность населения вызывала малоземелье у крестьян, а отсюда и нехватку продовольствия в отдельных семьях. Особенно в тех, где было много детей,

причем девочек. Дело в том, что земельные наделы давались на мужчин – как на будущих хозяев, а главное – налогоплательщиков царской казны. А девочки должны были готовиться к семейной жизни и жить «за мужем». Вот и вся мудрость.

Так вот, в папиной семье было восемь мужчин – Савельевых, и только две женщины. Земли хватало, жили в достатке. А в маминой – наоборот – всего двое мужчин и семеро «ртов» женского пола. Следовательно, и земли было маловато, и на всю зиму собранного урожая не хватало. Приходилось родителям на всем экономить, делать какие-то ограничения. Вот об этом и пойдет рассказ.

Как-то Арина – мамина мама, моя бабушка, – на обед сварила картошки «в мундире», то есть в кожуре. Это было самое частое блюдо в небогатых деревенских семьях. Картошка, насаждаемая нашими царями своему народу, в скором времени стала «вторым хлебом» и постепенно вытеснила с российских огородов традиционного лидера – репу. Так вот, сварила Арина картошки, усадила за большой стол свою семью и каждому из девяти едоков положила на стол по восемь небольших картофелин, а самой маленькой, Любочке, положила всего семь. Начали обедать. Люба быстрыми детскими глазками осмотрела стол, посчитала картошинки у каждого из членов семьи, поняла, что ей дали на одну картошку меньше, чем остальным – и в рев!

Родители не сразу поняли причину слез маленькой девочки, и только когда она сквозь слезы проговорила:

- Ага, мама, у всех вон восемь, а у меня семь картошечек!...

Разобрались, наконец, поняли причину. Отец поднялся было свое слово сказать, но Арина тихонько от своей кучки одну картошечку отделила и положила перед Любашей, обсчиталась, мол. Наступило молчание и спокойствие, обед пошел своим чередом.

Пролистывая историю вперед, надо сказать, что бабушка моя, Арина, прожила короткую жизнь, всего сорок лет. Заботы о семье, о пропитании детей в условиях малоземелья была тяжелой ношей. И не каждый мог ее выдержать. Моя мама часто говорила:

- Сынок, ведь я живу второй век.

Я спрашивал ее:

- Мама, почему ты так говоришь?

-Моя мама всего сорок лет прожила, а мне-то куда больше, - отвечала мама....

Вот такая история про картошечку.

2016 г.

Копеечка

Как я уже рассказывал, моя мама, урожденная Матыцына Пелагея Васильевна, 1908 года рождения, жила в многодетной бедной семье. И поэтому забота о пропитании была обязанностью всех членов семьи, в том числе и детей.

Когда маме было восемь лет молодая соседка на время покоса решила попросить на время покоса Поленьку понынчиться с её маленьким сынком, а заодно и за домом присмотреть. За эту работу в конце лета она обещала заплатить большие для деревни деньги – три копейки.

Родители Поленьки, мои дедушка и бабушка, согласились на это предложение: все лишняя копеечка в дом. Со следующего раннего утра Поленька уже в соседском доме. Соседка её дает наказ: «За ребенком следи: накорми, попой, в зыбочке (такая подвесная кроватка) покачай и усыпи. Пока ребенок спит, пол подмети, да курочкам корма дай и водички налей».

Когда хозяйка ушла, Поленька ребеночка накормила, напоила, в зыбочке покачала, а когда тот уснул, взяла веник и стала пол подметать. Под хозяйской кроваткой она вымела копеечку. Что делать? В детском воображении возникло две картинки: первая – она отдает хозяйке найденную денежку, и вторая – с этой копеечкой она бежит в лавку и покупает всяких сладостей. Но тут же она вспоминает строгий наказ матери: «Чужого не бери!». Подняла Поленька эту копеечку и положила на край стола. А когда хозяева пришли с поля, она с радостью доложила:

- Тетя Маша, а я копеечку нашла! - та взяла копеечку и, всплеснув по-деревенски руками, запричитала:

- Господи ж Боже мой, а я-то ее всюду проискала, нигде не могла найти. Спасибо тебе, Полюшка. Беги домой.

На следующее утро хозяйка, выгоняя коров на пастбище, говорит моей бабушке: «Вот что я тебе скажу, Арина, хорошая у тебя дочка. Я ведь копеечку-то специально под кровать подложила, проверить Полиночку: вернет ее мне или утаит от меня. Честная она у тебя, оставляю ее и дальше на все лето домовничать да за сыночком глядеть».

Когда подошло время расчета, соседка сияющей Полиночке вручила три копейки и добавила к ним и ту копеечку, которую вымела она из-под хозяйской кровати.

Честность и бескорыстность воспитывались в деревенских детях с самого детства. Библейское «Не укради», житейское «Не бери чужого», - был одним из главных принципов, передаваемых из поколения в поколение. Когда я был маленьким, я часто слышал от мамы такой наказ: «У соседа ничего не бери, не воруй. Ведь у него, как и у нас, все добывается тяжелым трудом и мозолями». Вот такая история с этой копеечкой. Эту историю я не раз рассказывал и своим детям, и своим ученикам.

2016 г.

Платочек

Моя мама родилась и детские годы провела в большом красивом селе Пахотный Угол, что на Тамбовщине. Жили бедновато, как и большинство односельчан. И дети с ранних лет включались в домашнюю работу и искали возможность где-то подработать, чтобы как-то пополнить семейный бюджет. Когда моей маме было уже лет девять, она с подружками ходила в соседнее село полоть просо к барину, т.е. к помещику. Там их нанимали за определенную плату.

Историю, о которой мне рассказала мама, произошла в один из июньских дней. Группа девчонок направилась на очередную прополку. Было жаркое летнее утро. Пройдя километра два, девочки решили отдохнуть у большого раскидистого дуба. Прежде, чем дальше описывать происходящее, необходимо небольшое пояснение. Дело в том, что абсолютное большинство жителей дореволюционной России было людьми верующими,

православными. Женщины в семьях ходили с покрытой головой, т.е. в платках. И в другом головном уборе вы деревенскую женщину в летнее время не встретите. Зимой платки заменялись шалями, полушалками. Но вернемся к нашим девочкам. Они уже отдохнули, попили водички из родничка, который бил из-под земли вблизи дуба, и пошли дальше. Но отойдя несколько сот метров, одна из подружек спохватилась:

- Девочки, ведь я платок на ветке оставила. Подождите меня, я быстро сбегая за ним.

Она уже собралась бежать за забытым платком, но увидела идущую за ними женщину. Обрадовалась, та, наверняка, видела платок. Путница, конечно же, не могла не заметить висящий на нижней ветке дуба яркий девичий ситцевый платочек. Взяв его, она не собиралась его возвращать, и наспех затолкала его под кофточку. Краешек платочка предательски выглядывал из-под одежды. Но женщина этого видеть не могла и когда взволнованные девчонки спросили:

- Тетенька, а вы не видели висящего платочка?

Она твердо и с сочувствием ответила:

- Да что вы, девчонки. Что-то я даже внимания не обратила. Какая жалость. Ох и попадет же кому-то из вас от матери. Но остренькие девчоночьи глазки сразу увидели торчащий уголок платка.

- Тетенька, - спросила одна из них, что побойчее, - а что это за красный материал, который виден у вас из-под кофточки? Это же Анин платочек.

Смущенная, пойманная, можно сказать, за руку женщина, которая годилась девчушкам в матери, вдруг как-

то вострепелась, покраснела и быстрым голосом запричитала:

- Ой, девчонки, я же ведь совсем забыла. Я же сняла ваш платочек. Да вот же он, возьмите.

Она быстрыми движениями достала платок и подала его расстроенной, но уже обрадовавшейся девчужке. Еще быстрее она удалилась с места своего позора, уличенная детьми в воровстве.

Неудачно начавший день, завершился, наоборот, очень даже хорошо. Управляющий хозяйством помещичьей усадьбы рассчитался с поденщицами за работу, да еще пряниками угостил.

Вот такая история про платочек. Как и историю с копеечкой, эту я не раз повторял своим детям, рассказываю ее я и своим ученикам. Кто-то из них может и последует ее выводу: «Не укради!», «Чужого не бери!».

2016 г.

Тыковка

Довоенная деревня Пристань Почта представляла из себя довольно крупный населенный пункт. Там проживало около одной тысячи селян. Был свой сельский Совет и в сельском Совете свой председатель. Одно время председателем Пристаньпочтовского сельского Совета работал мой папа - Савельев Петр Алексеевич. Вот одну из историй, связанную с его работой, рассказала моя мама Савельева Пелагея Васильевна.

Среди женщин пошли разговоры что, мол, всюду появились базары, в Колывани целая базарная площадь, а у нас в деревне – нельзя что ли сделать базар? Каждая хозяйка могла бы принести туда излишки со своего огорода и продать. Так возникло стихийное шествие женщин в Сельский Совет с ультиматумом: «Делай нам, председатель, в деревне базар, поставь лавки, и мы будем торговать». Председатель, понятное дело, первые минуты «отмахивался» от шумных женщин, но это их только раззадоривало. Натиск на председателя был настолько велик, что никакие уговоры о бесполезности и никчемности базара привести к миру не могли

- Давай нам базар, поставь лавки и все тут! – таково было решение женской делегации. Что оставалось делать председателю? Пришлось пообещать разгоряченным женщинам, что базар им будет. Лавки поставят в центре деревни, рядом с магазином. И, действительно, через несколько дней столы из свежеструганных сосновых досок уже стояли. Был назначен день открытия базарной торговли. Это было в середине сентября.

И вот с раннего утра к базару потянулись деревенские хозяйки. Кто нес лук, кто чеснок, кто свеклу, кто морковь, а одна женщина с окраины деревни катила по улице огромную тыкву. Люди шли в магазин, подходили к своему базару, смотрели на предлагаемые овощи, и вот что происходило: никто ничего не покупал. Причины было две: ну, во-первых, у каждой хозяйки все это росло у самой, причем хватало не только на еду, но и на корм скотине. А с другой стороны, в деревне у людей никогда не было лишних

денег, чтобы тратить их, да еще на то, что у каждого самого есть.

Постояли женщины, постояли, да к обеду начали расходиться. Торговля явно не пошла. Понятное дело, что и эту злополучную тыкву тоже никто не купил, даже, что самое обидное, прицениваться не стали. На следующее воскресенье базар был пуст, а еще через одно воскресенье столы и лавки по команде председателя убрали. Вот так закончилась эта история с деревенским базаром, о которой давным-давно позабыли, а если и вспоминали, то с улыбкой. И почему-то самым ярким впечатлением была тыква, которую через всю деревню, на базар и обратно, катила сердобольная хозяйка.

Уголечки

Когда я рассказываю эту историю про уголёчки, современные школьники, мои ученики, с трудом понимают, о чем речь, они не могут представить, как это люди могли жить без спичек, электричества, и зачем это ранним морозным утром нужно было бежать по соседям за уголочками.

Но начну все по порядку. Даже в начале XX века, (а мама – Савельева (Матыцына) Пелагея Васильевна 1908 года рождения) в некоторых деревнях в большинстве семей не было денег, чтобы их потратить на покупку привычных для нас спичек. Спички были, они продавались. Не было денег. Отсюда и начинается эта история. В деревнях российских каждый имел свой земельный надел. Он был, конечно же, разный: у одних 5 десятин, у других – 25 десятин. Пшеницу,

рожь, ячмень, овес сеял каждый на своем участке земли, зерно мололи, получали муку и из нее стряпали хлеб, пекли русские пироги, русские блины. В каждом доме были большие печи, в них тесто из муки превращалось в хлеб, пироги, блины. Растапливали печи рано, чтобы сварить завтрак для семьи, а главное – испечь хлеб. Если спичек не было, то было два варианта растопить утром печь. Первый – не гасить огонь в печи и поддерживать его в течение ночи – это дорогой вариант, если учесть, что лес, как правило, барский (помещичий), его мало – малолесье, и он дорогой. Тогда люди нашли второй – коллективный, когда первый растапливающий печь делится с односельчанами угольками. Для этого в каждой семье был специальный обитый железом совочек, в нем – то и переносили угольки.

Однажды очередь бежать за угольками выпала моей маме, маленькой Полиночке. Взяв совочек, она пошла, куда ей указала мама Арина. Зайдя в дом, Полиночка поздоровалась и, перекрестившись на икону, спросила:

- Тетенька, не дадите ли вы мне уголечков?

- Подожди, девонька, - ответила хозяйка. – Сейчас еще немного погорят дрова, я тебе набью уголечков.

Через несколько минут Полиночка уже бежала с уголечками домой, мама ведь наказывала ей сделать это быстро. Думая о жаркой печке, она не заметила скользкого места – видно, кто-то пролил воду, она за ночь замерзла, покрыв дорожку льдом – и упала. Совочек выпал из рук, уголечки оказались в снегу, как и сама девочка.

Первая реакция на случившееся – слезы, а вторая – без уголечков домой-то нельзя. Вся в снегу, слезах, замерзающих

на морозе, с пустым совочком она снова стоит перед хозяйкой. Та, увидев девочку, только и промолвила:

- Давай совок, угольков еще много. Да будь осторожна, не упади больше.

И Поляночка быстрыми шажками, но уже глядя под ноги, поспешила домой.

Мама, встретив дочку и все сразу поняв, спросила:

- Не ударилась, нет? Ну, и хорошо. Иди, поспи еще немного.

Вот так жили люди в российских деревнях, поддерживая друг друга: кто, как и чем мог помочь, помогали. Так что когда я вижу угольки в печке ли, в костре, я всегда вижу свою маму маленькой девочкой, спешащей домой с кучкой угольков в небольшом совочке.

2016 г.

Самый первый

Мой племянник Владимир Михайлович Литовченко родился 25 августа 1963 года в г. Волжском Волгоградской области – так записано в паспорте. Однако, в действительности, все немного не так. Моя сестра Александра Петровна – своего первенца приехала рожать на Родину – деревню Пристань Почту. Родные места придавали силы моей сестре, обстановка в семье, где любили и окружали заботой, способствовала благополучному появлению на свет Володеньки – первого сына у матери, первого внука у бабушки с дедушкой и первого племянника у четырех дядьков и одной тетушки. Когда подходил день

родов, мой папа Савельев Петр Алексеевич, взял у своего кума, Морозова Николая Петровича, лошадку. Запряг ее в телегу, посадил на мягкую перинку роженицу и повез в родильное отделение участковой больницы села Вьюны, что в девяти километрах от нашей деревни. Там сестру приняли и оставили до совершения рождения.

Роды были успешными, малец появился здоровеньким, заявив о себе во весь голос. А через несколько дней, на том же транспорте (для придания торжественности взял папа с собой меня, - десятилетнего дядю) мы поехали к больнице. В то время она располагалась на краю села, в сосновом бору, месте, скажу вам, удивительно красивом. Окна в больнице были большими, обзор открывался и на речушку Вьюнку, и на деревянный мост через нее, и на село Вьюны. Была видна дорога на Пристань Почту, Красный Яр и Новотроицк. Приняли мы сестру с младенцем и двинулись домой. Ребенок крепко спал, подпрыгивая на всех неровностях проселочной дороги. По ней то и время встречались нам грузовые машины груженные пшеницей и овсом, направлявшиеся на пристаньпочтовское заготзерно. Как вы понимаете, шел август, его последняя неделя, и уборка в хозяйствах района шла полным ходом. И погода стояла сплошь - ведро! Моя мама Савельева Пелагея Васильевна – как могла, подготовилась к встрече дочери и внука. Домик у нас был небольшой, но и в нем был выделен уголок – чистый и ухоженный. На второй или третий день мама провела вместо крещения обряд погружения. Это как-то напоминало таинство крещения, совершаемое верующими людьми без церковнослужителей. Дело в том, что к этому году храм благоверного князя Александра Невского в

Колывани был уже закрыт. Мама, человек верующий в Бога, как сумела в тех обстоятельствах, передала под покровительство и заботу Спаса нашего Иисуса Христа появившегося на Белый свет своего внука. Так названный Владимиром, в мир вошел новый человек.

По прошествии нескольких десятков лет, Володя крестился в одном из православных соборов республики Беларусь.

До совершеннолетия Володя был тесно связан с деревней своих бабушки и дедушки. До семи лет он жил здесь подолгу. Это были замечательные годы раннего детства. Летом его главным занятием была рыбалка. Страсть к рыбалке общая для нашей семьи, и Володенька с раннего утра, взяв удочку, а иногда две, да бидончик под рыбу, уходил на берега живописной реки Уени, опоясывающей нашу деревню с двух сторон. Хорошим местом для рыбалки считалось устье, т.е. место, где Уень впадала в красавицу Обь. Так что моя мама искала увлеченного и страстного рыбака вдоль всей речушки. Дело в том, что Володя забывался рыбалкой, и ему было не до еды. Вот мама и носила ему в узелочке баночку со свежим молочком и домашним хлебцем. Перекусив, рыбак не торопился домой, а еще задерживался на час – другой. А еще любимым занятием было купание. Деревенские дети с малых лет привыкали к реке, знали как себя вести в воде и к годам шести-семи хорошо плавали. Малыши до школы – и мальчишки и девчонки – переплывали Уень, а подростки уверенно чувствовали себя и на Уени, и на Оби.

В другое время, объединившись со сверстниками, Володя лихо носился по улицам деревни, играя в лапту, мяч,

догонялки. У него были свои лук со стрелами, рогатки, из которых одно время увлекались стрелять все деревенские пацаны. Зимой катание с гор на лыжах, санках, игра в снежки. Все сугробы были изрыты снежными крепостями, игра по захвату снежной горки была одной из самых любимых. После таких игр Володя приходил весь мокрый от растаявшего в валенках снега, иногда и с разбитой губой. Ведь те, кто оборонял гору, и кто пытался ее захватить – выполняли свою главную роль – были воинами, вооруженные саблями, автоматами, снежками. В школу Володя пошел по месту жительства сестры – в Волжском. Когда семья переехала в Новосибирск, он также часто бывал в деревне. А когда поступил в речное училище – был уже в деревне своим парнем. Он всегда назывался Володей Савельевым, именно так знали его односельчане. Надо отметить, что он гордился этой фамилией. И непременно подчеркивая, чей он и какого роду-племени. Заботы и проблемы нашей семьи были всегда и его заботами, и проблемами. До сих пор Володя интересуется, как идут дела у всех Савельевых.

Оценивая все прожитые годы моим племянником, я делаю вывод: если бы не было у него такого свободного, вольного детства, проведенного на Пристань Почте, то уже точно такого Владимира, я хочу сказать Владимира Савельева, конечно же, не было.

Володя, заканчивая рассказ про тебя, я хочу сказать, что наша семья гордится тобой, твоими успехами, жизненными победами. Такие, как ты, и составляют основу гражданского общества нашей великой Родины – России.

2016 г.

Детская логика

В 1979 году меня пригласили на работу в школьный отдел Колыванского райкома комсомола. В советское время комсомол – или полное название - Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи – объединял в своих рядах наиболее продвинутую, инициативную, сознательную и патриотическую часть молодых людей в возрасте от 14 до 28 лет.

Работа была интересная, захватывающая и носила разъездной характер. Колыванский район большой, школ было много и мне приходилось посещать комсомольцев наших школ для того, чтобы помогать им в проведении различных мероприятий.

Я лично к этому времени был женат и имел двух малолетних детей детсадовского возраста. Утром мы с женой их уводили туда, а вечером, после работы, забирали. Точно также, как сейчас делает это уже другое поколение родителей. Так вот получилось так, что жена уехала на учёбу в город Новосибирск и не могла забрать детей в положенное время. Ответственность за малышей ложилась на меня. И вот как раз, как назло в этот день была дальняя командировка в Королёвскую среднюю школу. Путь туда и обратно предстоял не близкий, но надежда вернуться вовремя была. Это было зимой, дороги тогда заносило снегом, и дорожники не всегда успевали вовремя их чистить. И вы правильно подумали уважаемые читатели, мы забуксовали, и ждали пока подъехавший трактор не выдернул нас на чистое место. И как вы тоже правильно поняли, я немного опоздал. Бегом лечу к детскому садику. Вижу свет только в одном

помещении. Захожу в комнату, а там сидят мои дети: дочка Людмила и сынок Петенька. И воспитательница с лёгкостью вздохнула: «Ну вот, ребяташки, и ваш папа пришёл». Многократно извиняясь, я забрал детей, и мы пошли в магазин – универсам – надо было купить хлеба и молока. Проходя мимо памятника В.И. Ленину, Петя неожиданно спросил:

- Папа, а это кто?

- Это дедушка Ленин, - ответил я.

- А чего он говорит? – спросил сынок.

- Как чего, - ответил я, собираясь с мыслями, - он говорит: люди живут хорошо. - Это первое, что пришло мне в голову.

- Нет, твёрдо поправил меня Петя, - он говорит, - папа приходи за нами раньше.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с этой поправкой. Пока дети посещали детский сад, у меня было ещё несколько подобных ситуаций. Дети выросли, и все трудности быстро забылись, потому что на смену тех детских проблем, пришли другие - взрослые. В этом и есть смысл человеческой жизни.

2016 г.

Помирились

В русских деревнях исстари любили позабавляться на кулачках, то есть выясняли отношения, утверждались в лидерах именно с помощью кулачного боя. Проводились даже такие соревнования с определением победителя и

вручением награды. Но эти времена все в прошлом. Однако отголоски этих лихих традиций, конечно же, ещё долго будут жить в наших селениях, особенно среди молодёжи. Разбирательство «один на один» и сейчас наиболее распространённый способ выяснения отношений между парнями.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошёл в нашей деревне Пристань Почта в 60-е годы прошлого века, то есть лет семьдесят назад. Никого из участников этой истории нет в живых. Фамилии называть, тем не менее, не стану, сохраню лишь для истории их имена: Николай и Евграф. Наша деревня в те годы была многолюдной, в восьмилетке училось более 200 учеников, а население составляло под тысячу человек. Праздники проходили весело, шумно. В клубе молодёжи – не протолкнуться. Парни своими кучками, девчата – своими. Здесь же и женатые мужчины со своими половинками. На танцы ходили многие кому и за тридцать. Нашим героям было около тридцати. Слегка выпившие, весёлые, ищущие приключений, они распорились во время перекура на крыльце клуба. Разбираться ушли в рощу: клуб располагался прямо среди сосен. Позабавлялись на кулачках, поразбивали друг другу носы, но Евграфу досталось побольше. У него ещё был и огромный синяк под глазом. Но как утверждали очевидцы, вина его в конфликте была явной, и именно он предложил драться, надеясь на быструю победу. Но вышло не по его. Мужиков разняли, развели по сторонам, а жёны увели их домой. Утром, как говорится, похмелье всегда бывает горьким. Николай, как победитель разборок на кулачках, утром почувствовал некую собственную виновность перед Евграфом за телесные повреждения. Но это

чувство было у него двояким – задирой и зачинщиком всё же был не он, а Евграф. Брат Володька посоветовал старшему брату купить бутылку водки и идти к Евграфу мириться, а то не дай Бог, у того возникнет желание обратиться с заявлением в милицию. Так и было сделано. И вот Николай в доме у товарища, сидят за столом и пьют «мировую». Налили по полстакана, выпили, ещё по полстакана, выпили. Начались объяснения. И здесь Евграф снова вёл себя задиристо и дерзко. Николай, чтобы остановить товарища, встал из-за стола и сказал: «Евграф, хватит перепираться, я ведь пришёл к тебе мириться. Давай в знак примирения поцелуемся». Они по-русски, крепко поцеловались, да так, что Николай захватил у товарища нижнюю губу зубами, и откусил целый кусок и тут же выплюнул.

Крик, кровь, мат сотрясли комнату. Заскочила в комнату жена Евграфа, кинулась на Николая. Свалка, неразбериха, хозяин пытается прилепить кусок губы обратно. Накладывают повязку из порванной простыни. Все в крови: одежда, стол, пол, обувь.... Закончилось тем, что пострадавшего увезли на конных санях во Вьюны и там ему зашили губу. Кусок губы пришлось выбросить. С неделю мужик из дома не выходил, но лечение прошло, и надо было идти на работу.... Детали дальнейших отношений двух земляков я не знаю, но точно знаю одно: суда не было....

Николай вскоре с женой уехал из деревни, а пострадавший остался, ещё долго работал в заготзерно. Затем тоже уехал и поселился в Колывани. Своим новым знакомым историю со шрамом на нижней губе он, конечно же, не рассказывал.

2016 г.

Фамильные курьёзы

В своё время великий русский писатель Антон Павлович Чехов написал рассказ «Лошадиная фамилия», в котором лошадиная фамилия оказалась вовсе и не лошадиной, а фамилией – Овсов. Такие курьёзные истории происходят и в наши дни. Я хочу рассказать о двух из них.

В деревне Пристань Почта, откуда я родом, жили Овечкины. Нормальная крестьянская семья, держали в хозяйстве всю скотину. По отдельным дням недели к нам приезжал заготовитель из Колывани на подводе – лошадке запряжённой в сани, принимал шкуры овец, коз, крупного рогатого скота и даже свиней. Кто не знает, то скажу, что в то время владельцы свиней были обязаны сдавать свиные шкуры. Но рассказ не о них. А об овечьих шкурах. В назначенный день приехал заготовитель, остановился возле магазина. И люди потянулись сдавать шкуры, кто какие. Овечкины к этому дню приготовили шкуры: накануне они закололи три овцы. Заготовитель посмотрел шкуры: порезов нет, сало и жилы на внутренней стороне кожи отсутствовали. Взвесил, а платили за шкуры с их веса, стал выписывать квитанцию, чтобы выдать положенные деньги. Надо сказать, что шкуры привез не сам хозяин – Иван Овечкин, а его сын. Заготовитель и спрашивает пацана: «Шкуры чьи?». Тот отвечает: «Овечкины». Заготовитель говорит: «Да я вижу, что овечкины, не бычьи. Вот и спрашиваю тебя, чьи шкуры-то?» Парнишка повторяет ответ: «Овечкины». Тут заготовитель не сдержался: «Ты мне голову не морочь, я вижу, что шкуры овечьи. Ты мне скажи в квитанции как записать, чьи шкуры?» А мальчик невозмутимо повторяет: «Шкуры - Овечкины».

Может быть, этот диалог длился бы ещё долго, но подошедший сосед Овечкиных разъяснил, обращаясь к заготовителю: «Пишите: Овечкины, фамилия у них такая - Овечкины». «Так бы и сказал - обращаясь к пареньку заготовитель, - а то овечкины, да овечкины». «Так я вам это же и говорил, - сказал паренёк, - а вы начали кричать». Так закончился этот диалог. Парнишка взял положенные ему за овечьи шкуры деньги и радостный побежал домой. Такая вот фамилия - Овечкины.

Фамилии нередко дают повод к двусмысленному их понятию, порой вводят людей в состояние растерянности и путаницы. У моего родного брата Геннадия – жена Людмила, в девичестве носила фамилию «Папина». Ну, вот Папина она, Людмила Васильевна и всё тут. В семье было их трое детей: Людмила, Наташа и Володя. И с ними всегда происходили какие-то недоразумения в связи с этой фамилией. Один раз Нина Александровна – это их мама, привела Наташеньку в новый детский сад. Первый день в новом коллективе. С детьми девочка познакомилась быстро, а вот нянечкам и воспитателям ещё и фамилию скажи. Она им и отвечает: «Папина я, Наташа Папина». Взрослые соглашались с девочкой: «Ну, конечно же, ты папина. А вот фамилия-то у тебя какая?» И так целый день. Подходит вечер, Нина Александровна пришла забирать ребёнка домой. Подходит воспитательница и говорит: «Девочка у вас хорошая, подвижная, быстро свыклась с детьми в группе. Молодец. Только вот фамилию она почему-то свою не знает. А вроде бы уже четыре года девочке». «Как это не знает, - возразила Нина Александровна, - Наташа, какая твоя фамилия?» Та ответила: «Папина». «Ну, вот, видите, -

обрадованно сказала воспитательница, - так целый день, спрашиваем фамилию, а она нам одно и тоже: папина, папина, да папина...». Нина Александровна сказала: «Послушайте, ребёнок знает свою фамилию, фамилия наша – Папины, и Наташа, следовательно – Папина. Знает она и улицу и номер квартиры, где живёт. Назови, Наташа». Та выдала полную информацию о себе. Вот такая интересная история с этой фамилией.

2016 г.

Это любовь

Мои родители Пётр Алексеевич и Пелагея Васильевна прожили долгую супружескую жизнь: около шестидесяти лет. Воспитали шесть детей: четырёх сыновей и двух дочерей. Выходцы из Тамбовской губернии, они сами выросли в крестьянских патриархальных семьях. А когда соединили свои судьбы, то построили такую же крестьянскую патриархальную семью, основанную на взаимоуважении, понимании и доброте. Полагаю, что и любовь присутствовала, но никогда я не слышал от родителей объяснений в любви. Этого, наверное, и не было принято в таких семьях. Существовало правило: поженились, завели детей, живите в согласии, растите детей. И мы видели именно такими наших папу и маму. Папа, как глава семьи, был главным добытчиком средств к пропитанию семьи, владея многими навыками – плотничая, столярничая. Был заправским убойщиком скотины, умел делать лодки-долблёнки, рыбачил, охотился, ремонтировал летнюю и

зимнюю обувь и многое, многое другое. Мама, как хранительница домашнего очага, ухаживала за домашними животными, которых в деревне называли словом «скотина», чинила и штопала нашу одежду, вязала нам шерстяные носки и варежки, содержала в чистоте дом, готовила и солила, жарила и парила для семейного стола разнообразные, простые, но очень вкусные деревенские блюда. Среди этих родительских забот росли мы – их дети. Подрастали, учились у них уму-разуму, без насилия, назиданий и нравоучений. Но я хочу рассказать об отношениях между папой и мамой. Папа больше был на работе, а после работы – на работе по хозяйству дома. Последние годы не против был принять рюмочку другую горячительных напитков. За что получал «выговор» от мамы. Я сейчас понимаю, что «выговор» – это когда мама «выговаривала» ему его провинности, пытаясь остановить неправильные поступки. Сквозь сон я однажды услышал мамины слова, сказанные ровным голосом: «Отец, ты, наверное, всю водку хочешь выпить. Бутылку, да другую. Не старайся. У тебя всё равно ничего не получится. Вчера вот опять в магазин целую машину водки привезли...». Конечно, эти слова не всегда имели успех, и через какое-то время ситуация повторялась, но ни разу маму не видел кричащей, оскорбляющей кого-либо. Я повторяю: «Кого-либо». Спокойствию нашей мамы завидовали многие женщины в деревне. Сколько нужно было душевных сил, чтобы при скромных достатках сохранять в доме тепло, уют, мир и согласие. Помнится, в школе предлагали материальную помощь – вещами нашей семье, как многодетной, но мама

отказалась. Она считала, что они с папой могут сами нас обути и одеть.

Не могу не рассказать случай в отношениях между родителями, который я помню до сих пор. Я уже говорил, что объяснений в любви, разговоров о ней между ними я никогда не слышал. Но оказывается, она незримо была, просто мы, дети, её не могли видеть в силу своего возраста.

Случай был в конце июля какого-то семидесятого года. Мы были уже все женаты и замужем. Приехали на выходные и решили съездить на Большой остров, чёрной смородины набрать. И родственников нас набралось человек десять. Решили плыть на двух лодках. Лодки были на вёслах. Поднявшись вверх по течению за нашу пристань - это почти в самое начало деревни - мы стали переправляться на ту сторону Оби. Нас здорово сносило течением. Но всё равно мы удачно причалили к противоположному берегу. Брали часов пять ягоду, перекликаясь в лесу, чтобы не потерять друг друга. И набрав по ведру лесной душистой ягоды, мы стали собираться на берегу. Из нашей лодки были все, кроме папы. А первая лодка уплыла домой раньше нас, там ею руководил мой брат Геннадий. Посидев, подождав, мы решили, что папа уехал на первой лодке и со спокойной душой, оттолкнувшись от берега, взяли курс на свою сторону.

Весёлые, довольные, с полными вёдрами смородины, мы подошли к дому. На лавке сидела мама. Я первый показал ей свою ягоду, а она меня спрашивает: «Сынок, а папа-то где?» Я ответил вопросом на вопрос: «А разве он не с Геной приехал?» А мама в ответ тихонько заплакала. Поставив ягоду, схватив вёсла, мы с братом побежали к лодке.

Переправились на ту сторону реки. И уже издали увидели папу сидящего на берегу. Забрали его, привезли на свой берег. И только дома, сидя за столом, мы с братом немного отошли от душевного смятения, овладевшего нами.

Больше сорока лет прошло после того случая. Я все эти годы не раз вспоминал о нём. И всякий раз приходил к одному и тому же выводу. Да, это любовь, которая была между родителями всегда.

2016 г.

С легким паром!

Русские люди никогда не теряли чувство юмора. Оно помогало им в трудные времена, скрашивая лишения и трудности таких лет, а в обычное время просто не давало впадать человеку в уныние и хандру, поднимало настроение, повышало интерес и стремление жить, как бы смеясь над этими всеми трудностями и лишениями, тем самым подчеркивая их временность, невозможность серьезного влияния на душевное равновесие. Короче говоря, чувство юмора помогало нашему русскому человеку жить и выживать, сохраняя оптимизм и веру в будущее, хорошее, светлое для него будущее.

В нашей деревне Пристань Почта в предвоенные годы шел активный процесс миграции населения. Люди трудились самоотверженно, не жалея сил. Строили социализм. И, как обычно, быт их желал быть лучшего. Деревня развивалась. Строилось заготзерно, куда стали свозить урожай зерновых со всего района с тем, чтобы отправлять его водным транспортом по матушке-Оби в

Новосибирск. Для снабжения района нефтепродуктами открылась нефтебаза. Строился клуб, семилетняя школа, фельдшерский пункт, большой магазин, столовая. Был свой Пристаньпочтовский сельский Совет. Деревня становилась речным портом Колыванского и Пихтовского районов. Шло и строительство жилья. Люди получали работу, по-своему решали жилищный вопрос. На первых порах жили даже в землянках, а затем постепенно отстраивали деревянные дома. Понятное дело, что за таким строительством жилья и ростом населения, а деревня насчитывала более тысячи человек, не успевало расти оборудование бань, так необходимых, как вы понимаете, для личной гигиены. Поэтому те, кто имел хоть какую-нибудь баньку, пользовались авторитетом, такие соседи были особо уважаемыми.

Недалеко от домика, где жила наша семья, жил дед Тихон. Это был крепкий сибиряк. У него были дом пятистенничек и баня, рубленая из осины. Несмотря на внешнюю строгость, он никогда не отказывал соседям в бане, которая топилась по-черному, как, впрочем, и у других хозяев. Кто не знает, что такое «баня по-черному», кратко поясню.

Клали печку из кирпича, а сверху на металлическую решетку клали камни. Такая печь называлась «каменка». Сюда же ставился котел с водой. Огонь разогревал воду и накаливал камни для пара. Дым выходил через дверь или через отверстие в стене.

Такая вот баня и была у деда Тихона. Когда к нему приходили соседи с просьбой истопить баню, то на этот случай у деда существовал целый ритуал. Встретив просительниц, а чаще всего к нему обращались хозяйки, он

внимательно выслушивал, уточнял количество моющихся, возраст, просил назвать всех по именам (хотя хорошо знал их на память). Справлялся о дровах, уточнял, кто будет носить воду, как долго будут мыться, и кто скажет ему, что баня освободилась. Потом он выходил на улицу, слюнявил указательный палец, торжественно поднимал его вверх, определял наличие ветра. Несколько минут молчал, наверно обдумывал еще какие-то известные только ему условности и только после этого важным голосом сообщал: «Ну что ж, затапливайте!» Этот ритуал повторялся из раза в раз. И вот вокруг этой бани и развивалось событие, о котором я хочу вам рассказать.

Понятное дело, в эту баньку просилось помыться определенное количество семей. В данном случае их было три. Они были из приезжих, с детьми. Баня была им просто необходима.

И вот одна из трех хозяек, что была побойчей, уже прославилась в деревне как заводила, певунья, решила разыграть двух своих подружек. И решила она это сделать как раз на первое апреля. А в этот день, как гласит народная пословица, никому не верь. Апрель в Сибири довольно холодный месяц, по утрам заморозки, и воздух довольно морозно-свежий. Стучится наша заводила к первой подружке часов в пять утра и говорит: «Маша, мы уже пошли мыться в дедову баню, я сегодня истопила пораньше, вы к шести подходите. Баня получилась жаркая, так что и тепла, и воды всем хватит. Подходите». От первой подружки она побежала ко второй и тоже позвала ее в «жаркую» баньку к шести часам утра.

Женщины были рады такому предложению и, быстренько подняв ребятишек, собрали все необходимое для мытья: тазик, вихотки, мыло, полотенце - и гурьбой к шести часам двинулись к бане, предвкушая приятную процедуру банного мытья. Надо сказать, что подружки были людьми пунктуальными и ровно к шести они уже были у заветной двери с ребятишками и всей утварью. Они буквально столкнулись на пороге баньки. Поздоровавшись, они обменялись вопросами, что привело их к баньке и, получив ясный ответ, решили подождать, пока одна семья моется. И какое же их ждало разочарование, когда хозяйка первой очереди отворила дверь не в предбанник, а в саму баню. Да, читатель, вы очень догадливы. Баня была холодна, а оставленная кем-то вода в медном тазике превратилась в лед. Вы представляете, наверное, первую и вторую реакцию на создавшуюся ситуацию. Выразив свои чувства, женщины, вдруг вспомнили, какой сегодня день, и пошли домой, прерывая разговоры о таком розыгрыше громким смехом. Это был рабочий день. Наскоро позавтракав, семьи разошлись кто куда. Кто на работу, кто в школу. Эта история долгое время передавалась из уст в уста. А через какое-то время о ней забыли вообще.

Но нам-то с вами не надо расслабляться, терять бдительность и помнить в этот день: «Первое апрель никому не верь!».

17.07.2017 г.

Испытание водой

Пихтовка время от времени подвергается такому серьезному испытанию, как наводнение. Разгул водной стихии охватывает не всё село, а только самую её нижнюю часть - как правило, это улицы вдоль течения реки Баксы. Это серьёзное испытание для тех, к кому вода подходит в огород, ограду, в подпол, и самое неприятное – в дом. Здесь тоже своя градация, просто вода на полу, вода до подоконника, выше подоконника и вода к самому потолку. В 1997 году наводнение охватило половину Пихтовки, уровень в реке составил 7 метров и 3 сантиметра. В разных частях села уровень воды был разный: у кого в огороде, а у кого под потолок, это уже зависело, где стоял дом. Первый удар принимала улица Кирова, растянувшаяся вдоль Баксы более чем на километр. Весна в том году оказалась ранней, тёплой. Уже в начале апреля стали распускаться листочки на деревьях и одновременно стала прибывать вода в реке. Стояла тёплая солнечная погода. Как на удивление: все дни большой воды было тепло, солнечно и тихо. И много-много воды, она прибывала довольно быстро, всё ближе и ближе подбираясь к жилым домам и хозяйственным постройкам. Пихтовчане – народ бывалый. Крупнорогатый скот перегнали к родственникам и соседям, у кого в стайках не могло быть воды. А поросят, кур, овец, коз и другую мелкую живность подымали на крыши сараев, ну а сами устраивались, кто как мог, стараясь не покидать своих жилищ. При сельском Совете был организован штаб по борьбе с наводнением. Все жители были оповещены путём подворного обхода. Вода никого из селян не захватила неожиданно. Её ждали, к ней готовились. К 3 апреля уровень 703 см рекой Баксой, был достигнут, все, что могла, она затопила своими водами, и этот уровень держался в течение почти трёх недель. С депутатами сельского Совета мы, как могли, поддерживали односельчан, подвозили питьевую

воду, раздавали нуждающимся бесплатно хлеб. Совершали ежедневные объезды по воде на моторной лодке улиц, пострадавших в результате большой воды. О наводнении быстро узнали в районе, области. Приезжали представители средств массовой информации. Фактический материал снимали для телевидения, фотографировали для газет. В один из объездов на лодке по улице Кирова я встретил несколько рыболовов, они рыбачили сетями у своих домов. А сети ставились прямо поперёк дороги от забора на одной стороне улицы до забора на другой стороне – ведь вода была сплошняком. Ефремов Николай выбирал рыбу из сети – были чебачки и окуньки. На уху и жарёнку попадалась рыбёшка. Картина впечатляющая. Улицы, сети, рыба. У нас в районе такое можно наблюдать только в северных сёлах. По возвращении в сельский Совет после объезда затопленной части села отвечаю на телефонный звонок из районной администрации. Мне сообщают: «В Пихтовку едет корреспондент областной газеты «Ведомости». У меня сразу почему-то возникла мысль показать эту картину: рыбак вытаскивает рыбу из сети напротив своего дома, перегородив ею улицу. Я звоню Николаю, спрашиваю, что, не успел ли он распотрошить свой улов. «Да нет, вон ещё в ведёрке прыгает», - ответил он. Я очень обрадовался и попросил его своих чебачков и окуньков вставить в ячейки сетки, а когда я повезу корреспондента, он бы снова эту рыбу вытаскивал. Я подумал, что эта картина будет впечатляющая.

Я не ошибся. Николай сделал, как я просил. Я предупредил его, что мы выезжаем с осмотром вместе с корреспондентом, а это была молоденькая девушка. Он уже был в лодке и ждал нашего появления. Девушка видела, как рыбак достаёт рыбу из сети, которой он перегородил улицу. Картина поразила, восхитила девушку. Она сделала несколько снимков. И все часы пребывания в Пихтовке только об этом и говорила. «Как, на улице, возле дома из сети выбирается рыба. Я этого никогда не видела», -

удивлялась корреспондент. Мы же с Николаем и вида не подавали, что это сделано специально для прессы. Наоборот, оба удивлялись, какой же хороший сегодня был улов! Рыба в сети тоже вела себя достойно, отчаянно билась хвостами. Всё выглядело очень даже натурально, эффектно, здорово...! И ведь это не было обманом. Это просто был повтор...

После двадцать пятого апреля вода стала быстро уходить, оставляя людям сорванные изгороди, разрушенные сараи, размытые дороги. Отдельно водная стихия «поработала» в жилых домах: вздутые полы, обваленная штукатурка стен, испорченные отопительные печи, покореженная размоченная мебель. Последствия для каждой семьи были ощутимыми. Областная власть, к сожалению, не восполнила затраты на восстановительные работы жителей Пихтовского сельсовета, хотя обещания были даны. А со стороны жителей и администрации Совета была проведена огромная бумажная работа. Говорят, что деньги выделялись, но до жителей Пихтовского Совета они так и не дошли...

К чести пихтовчан нужно отнести то, что эту невзгоду они приняли во всеоружии, то есть подготовленными, мужественно и организованно её пережили. И несмотря ни на что, восстановили свои усадьбы в прежнем виде. А на стенах домов, сараев, заборов ещё долгое время была видна полоса от воды, оставшаяся после её ухода.

12.06.2018 г.

Оригинальная методика выживания

В конце мая 1993 года мне в кабинет, а я тогда работал главой администрации Пихтовского сельского Совета, позвонил Глава района – Виктор Михайлович Ноздриухин, по благословению которого, кстати сказать, я и оказался в этой должности.

«Слушай, Толя (а он меня всегда называл по имени, и мне это очень нравилось), ко мне обратилась женщина, чтобы я ей помог приобрести семенной картофель. Так вот, как будешь в Кольвани, заедь, пожалуйста, на учхоз Кольванского сельхозтехникума, там тебе дадут четыре мешка картофеля. Я с управляющим учхозом Геннадием Васильевичем Ракитиным договорился. Они уже мешки приготовили. Увезёшь этой женщине. Накажи, пусть сажает, растит, да семью кормит», - сказал Виктор Михайлович.

При первой же возможности я заехал на учхоз, нашёл Геннадия Васильевича, которого я знал по совместной работе в техникуме, получил картофель и увёз по назначению.

Работать я в эту должность заступил в феврале того же года и не мог знать всех жителей. Женщина, обратившаяся к Виктору Михайловичу, назовём её Галина, была из приезжих. В перестроечный период их немало выехало в деревню в поисках «лёгкой жизни». У многих горожан раньше, да и теперь бытует мнение: «В деревне хорошо, у них там всё своё».... Но они совершенно не представляли, что «всё своё» достигается тяжёлым каждодневным трудом днём и ночью летом и зимой. Так вот, эта Галина, оказалась в деревне пихтовской стороны примерно с таким же представлением о сельской жизни.

Но, увы, реальность оказалась не такой радостной, какая ей представлялась с высоты городской благоустроенной квартиры. Отсутствие навыков деревенского быта, некая зависть к односельчанам, у которых «всё своё», в конце концов, сформировали у молодой (относительно молодой – она была замужем и имела двух детей школьного возраста) женщины своеобразный, оригинальный способ выживания в условиях северной части нашего района. Села называть не буду, где проживала эта семья, но многие пихтовчане, прочитав это повествование, без особого труда узнают мою героиню.

И что же такого оригинального придумала Галина? А всё было просто. Например, утром ей надо было приготовить завтрак и отправить домочадцев кого куда. Она одевалась и шла

к соседям, например, в правую сторону от своего дома. Таким простецким, озабоченным голосом она просила у соседей не ведро картошки, не бутылочку подсолнечного масла или вязанку лука. Нет. Она говорила так: «Поставила мясо варить, кинулась, картошка закончилась. Дай, Машенька, три-четыре картошечки. Головку лука, да с полстаканчика маслица, да горсточку мучки для подлива». В данном обращении было всё придумано до деталей: стаканчик у неё свой, пакетики для картошечки и мучки тоже. Ну, скажите, какая женщина, хозяйка, мать откажет в такой просьбе? Вы угадали. Практически этот ход Галины был блестящим. А если бы вы слышали, как она благодарила соседку, да чего желала всей её семье, то и вы бы ещё чего-нибудь добавили этой милой просительнице. Тем более, Галина всегда не забывала подчеркнуть, что она мол городская, многое у неё не получается, а вот у тебя, соседка, всё растет, да всё родится....

И ещё. Срабатывал один чисто деревенский момент. Женщины, при встрече друг с другом, обменивались такими фразами: «Опять эта Галька приходила. Опять просила, дай того, Машенька, да дай другого. Да как у тебя всё успевает вырасти, а у меня не получается. Ну, что делать, девчонки, куда её девать? Опять всего надавала. Семья ведь у неё, жалко же». Женщины слушали, поругивали, конечно, Галину на чём свет стоит. Но, когда та появлялась и у них, тоже накладывали ей и того, и другого, и третьего. Надо сказать, что в посёлке этом, не самом маленьком из населённых пунктов нашего Совета, было сотни три хозяйств. Начиная с осени и до тепла следующего года, Галина в каждом доме-то и была два-три раза. Не очень обременительно для хозяек и семье жилось не то, чтобы сложно, но, так скажем, не голодно.

Галина иногда вспоминала, что и у неё есть огород, что и у неё могла бы быть своя картошечка и другие овощи да припасы. Но попрошайничество настолько завладело ею, что она не могла заставить себя работать. Она лучше несколько лишних минут постоит в дверях у соседки, прося продуктов и

расхваливая ту, как это «у той всё растёт, да всё родится, а вот у неё...». Этим можно было, и объяснить очередное обращение к Главе района за посадочным картофелем. Но, как правило, на посадке этого картофеля всё и заканчивалось.

Пихтовские жители, потомки тех, кого в 30-50 годы ссылали сюда по различным статьям и ярлыкам, были отзывчивыми и добрыми людьми. Стремление помочь, поддержать друг друга в трудную минуту, помочь выжить, во что бы то ни стало, заставляло их спланиваться, не бросать друг друга в беде.

Наша Галина и это учла в своей методике выживания. И несколько лет кряду она действовала безотказно. Но и у сердобольных женщин были глаза. Они видели, что её огород не пашется, ничего не сеется.

А если вспашется и посеется, то ничего не обрабатывается, а, следовательно, ничего не вырастает. И определили женщины причину – лень да нежелание трудиться. И решили однажды: больше Галине ничего не давать, пусть трудится сама, как и все они.

И вот после такого женского постановления, Галина, ничего об этом «сговоре» не зная, по обыкновению, утречком заскочила, как бы невзначай, к соседке спросить соль да 2-3 лаврушки, да две морковочки для заправочки. И была просто шокирована – ей отказали! Это повторилось и во втором и в третьем домах.

Возмущённая до глубины своей души, она в этот же день в магазине принародно костерила своих соседок и сказала свои главные обвинительные слова:

- Это же надо подумать! Такая большая деревня и одну семью прокормить не может.

Как вы понимаете: канаты были обрублены, мосты были сожжены.... Ещё какое-то время Галина с семьёй пожила в посёлке и вскоре уехала в город, где жила мама пенсионерка.

А чтобы поставить точку после того, с чего начат был рассказ, доложу Вам, мои дорогие читатели. Ту картошку,

которую Виктор Михайлович послал Галининой семье, всё-таки посадили. Только не обрабатывали. Естественно, осенью уродилось столько, а то и меньше того, что посадилось.

Но не хочу, чтобы у моих читателей сложился только отрицательный образ Галины, дополню его несколькими положительными чертами. В доме у неё был всегда порядок, в школу дети ходили опрятными, учились в меру своих способностей, были вежливыми и приветливыми, как, к слову сказать, и сама Галина. Вот только жительницы села из Галины так и не получилось. Она была вынуждена вернуться в привычную городскую среду.

16.06.2018 г.

Православная обитель

После празднования Тысячелетия крещения Руси (1988г.) пришли изменения и в православную жизнь Колывани. С 1990 года на средства Новосибирской епархии Русской Православной церкви начали проводиться восстановительные работы в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского. В этих работах принимали участие как строительные организации, предприниматели, так и простые прихожане, которые желали скорейшего возобновления церковного служения. Кто видел этот храм, построенный на средства колыванского купца II гильдии Кирилла Климовича Кривцова и освящённого 4 декабря 1887 года епископом Томским и Семипалатинским Исаакием (Положенским), перед реставрационными работами, тот не может вспомнить эту картину без ужаса и содрогания. Церковь стояла как пример жестокого вандализма, как Божий укор всем жителям Колывани...

Мой рассказ – это повествование о той капельке, о том малом участии, которое приняли мои ученики – учащиеся первого курса агрономического отделения Колыванского сельхозтехникума в восстановлении храма. В то время я работал в этом учебном заведении в качестве заместителя директора по воспитательной работе и преподавал уроки истории и обществознания. Как-то на одном из уроков истории зашёл разговор о нашей Колыванской церкви. На тот момент это была церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского. Объясню почему. Домовая церковь при городском училище, что возле второй школы, была разрушена и на её месте выстроили двухэтажный жилой дом, а Собор Святой Живоначальной Троицы в сознании молодого поколения колыванцев никак не ассоциировался с Божьим храмом. В нём работал кинотеатр «Победа». Колыванцы в большинстве своём даже не подозревали, что это когда-то было главным Божьим храмом всей Колывани.

Мои ученики уже знали, что по стране идёт восстановление церквей и монастырей. Я им рассказал немного об истории нашего храма и сообщил, что и в нём тоже начались ремонтные работы. Юноши живо вызвались принять посильное участие в этом важном богоугодном деле. Мы даже договорились о том, что посвятим этому несколько уроков истории. Я попросил учебную часть, которую возглавлял Аркадий Флегонтович Типсин, поставить мне в расписании сдвоенные пары уроков истории. Мне пошли навстречу. И вот в течение июня месяца раз в неделю мы с ребятами уходили в церковь и помогали убирать мусор внутри храма. А его там, я вам скажу, было немерено. Ребята

работали с желанием, иногда даже оставались после окончания времени, отведённого на занятия...

Священнику церкви отцу Валентину понравилось трудовое усердие юношей, и по окончании нашей работы он даже окрестил нескольких из них. В газете «Трудовая правда» от 23 июня он отметил ударную работу добровольных помощников. Эта заметка была размещена на передовой странице печатного издания. В техникуме без особого труда установили, что с агрономами ходил я. В то время я состоял членом КПСС, и не просто состоял, а был секретарём партийной организации. Рядовые коммунисты старшего поколения были возмущены таким моим поступком. И на очередном партийном собрании поставили вопрос о персональном деле коммуниста Савельева А.П., который вопреки атеистической позиции компартии, принял участие в восстановлении колыванского храма, да ещё с привлечением учащихся техникума. Однако в повестку собрания этот вопрос так и не был включен. Молодые коммунисты, среди которых были Примычкина В.Г., Веденцов Г.Г., Кононенко П.Н. и другие, поддержали меня. Разбирательства были отменены, и впоследствии к этому вопросу больше не возвращались. Поворот нашего народа к вере невозможно было остановить. Уж слишком сильны традиции православия в России.

Через год Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II во время своего визита в Новосибирскую епархию 16 мая 1991 года совершил молебен в Колывани и освятил закладной камень келейного корпуса будущего женского монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы и благоверного князя Александра Невского, а также большой деревянный Крест, ныне расположенный в притворе храма.

А ровно через два года 19 июля 1992 года в день празднования Собора Радонежских святых епископ Новосибирский и Барнаульский Тихон (ныне митрополит Новосибирский и Бердский) в сослужении духовенства епархии освятил восстановленный храм. Владыка благословил открываемый при храме первый в Новосибирской епархии монастырь.

Казалось бы, все эти события происходили недавно, но прошло уже более четверти века.

Храм и женский монастырь стали центром всей православной жизни Колывани и всего района. Богослужения, исполнение всех христианских таинств, крестные ходы в Колывани и городе Новосибирске, Рождественские образовательные и Кирилло-Мефодиевские чтения, а также и другие церковно-государственные мероприятия, без которых уже не мыслима культурная и духовная жизнь в нашем посёлке.

А монастырская обитель изменилась за эти годы неузнаваемо, с Божией помощью построена монастырская ограда со Святыми вратами, келейный и административный корпуса, трапезная, гараж, хозяйственный двор с фермой и птичником, теплицы. Воздвигнуты водосвяточная часовня и малая звонница. В память погибших при колыванском восстании священников и православных христиан установлен Поклонный Крест. Вся территория монастыря украшена цветниками.

Со дня основания епархиального женского монастыря настоятельницей его является матушка игуменья Надежда (Ерёмина), которая определением Священного Синода была утверждена на эту должность 11 августа 1992 года. До

монастыря матушка Надежда более 20 лет трудилась в Вознесенском соборе г.Новосибирска.

26 июня священник Алексей Малахов, насельницы и группа прихожан церкви от всей души поздравили игуменью Надежду с днём рождения, отслужили молебен во здравие настоятельницы с пожеланием многих лет. Я, как большинство мирян, мало разбираюсь в монастырской жизни, однако хотел бы высказать мысль, что только благодаря мудрому руководству игуменьи Надежды обитель изменилась до неузнаваемости. Дай Бог настоятельнице монастыря здоровья на многие-многие лета, усердия во славу Божию.

Моя жизнь удивительным образом связана с церковью Александра Невского. О помощи в восстановлении храма я вам, дорогие читатели, сообщил. С 2012 года я регулярно посещаю воскресные и большинство праздничных богослужений, участвую в крестных ходах в Колывани и г.Новосибирске. В далёком 1953 году мама моя, Пелагея Васильевна, крестила меня. Как она рассказывала, это был жаркий летний день, и она на руках из деревни Пристань Почта, а это двадцать пять километров, несла меня в Колывань, чтобы окрестить. Своей лошади у нас не было, и она туда и обратно несла меня на руках. Ни попутной машины, ни конской подводы не встретилось. О том, что я окрещён, мама никогда не говорила. Уже во взрослые годы я узнал о крещении. А молчание своё мама объяснила так: «Сынок, я вручила тебя Господу Богу, а говорить об этом в то время было нельзя. Тебя бы в школе хулили...». Когда мама умерла в 1997 году, церковь уже была действующей, я привёз гроб из Пихтовки, и батюшка Алексей провёл обряд отпевания рабы божией Пелагеи.

Когда в 2017 году я побывал на родине своих родителей в селе Пахотный Угол Бондарского района Тамбовской области, то Священнику местной Богоявленской церкви отцу Александру я привёз в дар книгу «Колывань православная» о наших православных святынях.

Вот таким получился рассказ. Сейчас храм имени святого благоверного князя Александра Невского – на гербе Колывани, и он по праву является украшением посёлка, центром духовной православной культуры нашего района.

27.06.2017 г.

Одноклассники

Как-то я заглянул к своему давнему товарищу. Он работал в школе, вел урок трудового обучения. Дело шло к концу урока, среди ребят царило оживление. Они заканчивали свои поделки. Задание было одно – сделать кормушку для зимних пернатых. Мальчишки то и дело подходили к учителю, показывали свои работы, а тот делал какие-то замечания, и работа продолжалась. Были и те, кто уже справились с заданием и гордо держали в руках свои произведения. В возникшей небольшой паузе мой товарищ обратил внимание на двух учеников:

- Вот, посмотри, у седьмого верстака стоит паренёк. Самое большое на что он согласился при входе в мастерскую – одеть рабочий халат. И всё. Делать кормушку для птиц он категорически отказался, гордо заявив, чтобы слышали все ребята: «Что я, ненормальный? Работать буду, когда мой папа, если надо, купит мне десять таких кормушек. Да, даже лучше этих, самоделок». Сказано это было так надменно, с

такой брезгливостью к простому труду, что ребята никак не отреагировали, по крайней мере, словесно. Каждый ученик взялся за изготовление кормушки. И, как видишь, у многих это получилось вполне достойно, для их возраста.

- Посмотри на двенадцатый верстак, - обратился вновь ко мне товарищ. Парнишка за верстаком работает с большим старанием, изготавливая свою кормушку. Он даже где-то в интернете нашёл необычную форму. И вот теперь свой проект претворяет в действительность.

Я подошёл поближе к пареньку. Кормушка у него была в форме старинной лодки-ладьи с красивым вырезным носом и такой же оригинальной кормой. Произведение прикладного искусства, и только!

- Кстати, я у этих мальчишек классный руководитель и скажу тебе, что отец у него владелец крупной компании и так уже, если сравнивать, побогаче того, у которого сын растёт «белоручкой», - продолжил мой товарищ...

Что можно сказать, какой вывод из этого можно сделать? А вот какой. Моё знакомство с отношением к труду двух разных школьников-семиклассников состоялось лет пятнадцать тому назад. Срок не такой уж и маленький. Закончив среднюю школу, первый паренёк на папины деньги закончил университет, но работать по профессии не мог, так как профессии не освоил. Продолжал жить за папиной спиной, подсел на наркотики и с большим трудом выкарабкался из этой трясины, конечно же, не без папиной помощи.

Второй наш школьник сам выбрал учебное заведение, профессию, уехал в Москву, поступил, с отличием окончил академию и сейчас он – успешный бизнесмен-меценат,

покровительствует одному из российских театров в глубинке. Вот такие одноклассники, очень даже разные.

Выводы за Вами, уважаемые читатели.

25.12.2017 г.

Календарик

Первоклассник Серёжа, познакомившись в школе с соседом по парте Витей, в один из сентябрьских дней побывал у него в гостях. У ребят в этом возрасте школьные предметы соседствуют с игрушками, и это нормально.

Процесс познания мира с помощью школьных занятий и через детские игрушки идёт одновременно – это просто замечательно. И дружба в таком варианте складывается удачно, основательно и надолго. По крайней мере, в данном случае так и получилось. Но речь немного о другом...

Вернувшись от товарища, уже вечером перед сном, Серёжа стал переодеваться в ночную пижаму, и из-под рубашки у него выпал на пол небольшой календарик. Папа, готовивший сына ко сну, поднял календарик, на котором была изображена красивая спортивная машина, и удивленно спросил у сына:

- Серёжа, а откуда у тебя этот календарик? Я такого тебе не покупал, да и мама тоже.

- Я взял его у Вити. Там такая машина, Посмотри, папа! – бойко произнёс сын

- Вижу. А что, Витя тебе его подарил?

- Нет..., - уже не так задорно отвечал Серёжа.

- Тогда как же он оказался у тебя? – спросил папа.

- Я его под рубаху спрятал, – голос сына уже совсем поник

- А Витя видел, как ты прятал календарик?

- Нет, папа! Его не было в комнате. Он не видел! – голос мальчика слегка приободрился.

- Молодец, сынок, умеешь воровать, – ровным голосом произнёс отец

- Папа, я не воровал, я просто взял и всё, – опять поникшим голосом пытался себя оправдать Серёжа

- Сынок, взять чужую вещь без разрешения его владельца – это самое настоящее воровство. А это очень скверно!

Сын стоял молча, не зная, что ответить.

- Ладно, Серёжа, одевайся, – сказал папа

- Зачем, папа? Ведь спать пора, я спать хочу, – тихо возразил Серёжа.

- Одевайся! – настойчиво повторил папа, - Надо отнести календарик туда, где ты его взял.

- Папа, уже темно, я боюсь... я... я завтра отнесу, – пробормотал Серёжа

- Нет, сын, надо сделать это сегодня, чтобы со спокойной совестью ложиться спать! – уверенно и настойчиво произнёс отец.

Уже темнелось, осенние дни скорые. Одевшись, Серёжа взял календарик и пошёл к Вите, который жил по соседству через дорогу... Сын пошёл к однокласснику, а папа, незаметно для сына, сопровождал его туда и обратно. Думается, что у Серёжи в эту ночь был действительно спокойный, крепкий, здоровый сон.

Воровство, как и все другие нехорошие привычки, начинаются с малого. Нам, родителям, необходимо это помнить и сразу же обращать внимание на принесённую игрушку из детского сада, красивую закладку из школы или, как в этом случае, маленький календарик...

25.12.2007 г.

Кураж

Это слово пришло к нам из далекой Франции. Словари его относят к устаревшему, редко употребляемому в современной разговорной речи. Наверное, это и на самом деле так... Означает оно смелость, задор, развязность, непринужденное состояние. Я вам, дорогие мои читатели, расскажу об одном моем земляке, который иногда находился в таком непринуждённо-развязанном состоянии, от которого плохо не было никому.

Мои земляки, жители деревни Пристань Почта, люди моего поколения, хорошо знали Морозова Николая Петровича, который долгое время работал на пристани. Он встречал и провожал теплоходы на дебаркадере - такой плавучей пристани - следил за порядком и на дебаркадере, и в помещении для пассажиров, находившемся не у самой воды, а на высоком обском берегу, в тени раскидистых ив. Кстати сказать, пристань: и дебаркадер, и помещение на берегу для пассажиров, которые у нас назывались «ожидаловкой», - были у нас центром досуга молодежи в вечерние и даже ночные летние часы.

Люди собирались для того, чтобы встретить гостей, прибывших на теплоходе из г. Новосибирска, или, напротив, уехать самим в город по какой-либо надобности. Человеком, отвечающим за порядок на этом важном транспортно-культурно-развлекательном месте и был названный мною

Н.П. Морозов. В деревне его звали соответственно кто Коля, кто Николай, а для молодежи он был дядя Коля.

Для моих родителей кроме всего прочего дядя Коля и его жена тетя Нина были кумовьями, крестными брата Геннадия.

Надо сказать, что в годы моего детства и юности в деревне на праздниках еще гуляли большими компаниями, переходя от одного дома в другой. Вспоминаю скромность угощения – почти ничего магазинного, всё со своего огорода. Исключением были одна-две бутылки «московской» и столько же красного вина. Пили в основном самодельное пиво и реже самогонку, за которые было положено наказание – разбор на товарищеских сельских судах (были такие) и небольшие, по тем временам, штрафы.

Ситуацию, которую иначе как кураж не назовешь, я наблюдал в нашем доме несколько раз. Происходило это во время праздничного застолья. Дядя Коля с тетей Ниной как кумовья занимали за столом почетные места. И вот в разгар веселья, когда уже спето несколько русских песен, выдано в пляске десятка полтора задорных деревенских частушек, начиналось само «представление». Состав компании был примерно один и тот же: родня, близкие, соседи. Все уже ожидали: сейчас начнется. Дядя Коля вдруг начинал вести себя беспокойно: сбрасывал пиджак, два-три раза расстегивал и застегивал верхние пуговицы новой рубахи. Жена тоже была в напряжении. Дядя Коля, как бы раскачиваясь, поднимался из-за стола. Обеими руками брался за воротничок рубахи, часто-часто произносил: «Рву, рву, рву...». Гости замолкали, внимание было только на куражёра. Тот еще несколько раз повторил свое: «Рву, рву, рву...». Жена слезно просила мужа: «Николай, Коля, рубаха-то новая. Не надо!». Но это были сигнальные слова, толкавшие мужа на решительные действия. В последний раз повторив: «Рву! Рву! Рву!..», он с силой разрывал рубаху: отлетали не только пуговицы, но и с треском расходилась и ткань из ситца или

сатина свежекупленной рубахи. Тетя Нина только с сожалением произнесла: «Ну вот, в доме ни одной целой рубахи. И эту разорвал». Гордый и довольный дядя Коля садился на свое место и веселье продолжалось. Я слышал, как тетя Нина говорила моей маме: «Вот, кума. Что тут поделаешь. Это он смолodu рубахи рвет». И больше никаких слов. В голосе только сожаление в невозможности что-то исправить и перечить мужу.

Такой вот был у человека кураж. В остальном это был замечательный человек. Честный, справедливый, трудолюбивый, добрый и отзывчивый односельчанин, хороший семьянин, воспитавший отличного сына Юрия.

Рассказывали, что отец Николая Петровича – Пётр Алексеевич в годы войны по возрасту призыву на фронт не подлежал. Он обладал интересной особенностью: мог работать не только днем, но и ночью. Ему хватало 2-3 часа в сутки для сна, а всё остальное время он трудился.

Его мастеровые руки ремонтировали лопаты, вилы, грабли, телеги, сельский инвентарь, чинили кастрюли, котелки, ведра и выполняли другие необходимые в хозяйстве дел. Еще долгие годы уже после войны поминали Петра Морозова добрым словом. Как поминают до сих пор добрыми словами Николая Петровича Морозова.

Пельмени

Эту забавную историю мне рассказала Н.А. Папина, тёща моего брата Геннадия. Речь пойдёт о пельменях. Пельмени, как известно, продукт питания довольно вкусный, калорийный и в сибирских условиях очень удобный в плане хранения и, тем более, приготовления. Следовательно, пельмени это блюдо чисто сибирское. Русская смекалка наших первопроходцев способствовала распространению и

широкому использованию пельменей в ходе различных походов, экспедиций, плаваний.

Вполне понятно, что в европейской части матушки России этот сибирский деликатес был малоизвестен или не известен вообще. Вот об этом и пойдёт речь. История произошла в начале 1945 года в Ленинграде. Город уже как год был освобождён от блокады. Восстановление города – колыбели русской революции – шло быстрыми темпами. Вторая столица, как-никак. В магазинах появились продукты в ассортименте, правда, ещё по карточкам. Среди предлагаемых продуктов были и сибирские пельмени, продаваемые на вес.

Одна из подруг Нины Александровны в одной из бесед так горячо хвалила пельмени, которыми её, в свою очередь, угостила её уже подруга. И вкусные-то они, и сочные-то они, ну сплошное объедение. Нина Александровна до этого даже слова такого не знала – пельмени. А тут – нате вот, и хорошие-то они, и пригожие-то они. И решила девушка по совету подруги отведать этот сибирский деликатес. Зашла в гастроном, купила этих пельменей двести грамм – дорогие они были по тем временам. Да нужно было и самой попробовать, ведь на вкус, на цвет товарища нет, как в народе говорилось. Итак, взяла она эти двести граммов пельменей, принесла в общежитие, высыпала из кулёчка в тарелочку. Мороженными есть не стала – зубы ломит, пождала пока растают, достала один для порядка, разрешила его пополам и стала пробовать. Сырое тесто с сырым мясом, да ещё холодноватое, сразу не понравились Нине Александровне. Выплюнула она пельмень, обругала мысленно свою подругу, посоветовавшую ей купить эти злосчастные пельмени, содержимое тарелки вывалила в мусорное ведро. Разогрела чайку, попила с сухариками и легла спать.

Наутро Нина Александровна не просто горела, а вся пылала желанием в яркой, доступной форме, выразить своё

негодование по поводу этих пельменей. Во время обеденного перерыва она встретила подругу и обрушилась на неё своим резким красноречием. Та стояла и никак не могла вразумить, за что её ругают. Через три-четыре минуты страстной речи Нины Александровны она стала помаленьку понимать, что произошло. Тогда дождавшись краткой паузы в монологе разгорячённой подруги, девушка, еле сдерживаясь и от смеха и от желания самой сказать что-то резкое, ровным голосом спросила:

- Пельмени-то ты хоть догадалась сварить, перед едой?

Нина Александровна вдруг вся замерла, губы что-то невнятное пролепетали, и она спросила:

- А что, их ещё и варить надо было?

Эта история рассказывалась нам, родившимся уже после войны, всякий раз, когда на столе появлялись ароматные, сытные, а главное горяченькие, с парком, сибирские пельмени. Они завоевали своё достойное место на праздничном столе русского человека в любой точке России. Но, а начиналось знакомство с этим удивительным сибирским продуктом, так, или, примерно, так, как поведала нам Нина Александровна Папина, с удовольствием угощавшая после этого пельменями всех своих родственников и друзей.

08.01.2017 г.

Подруги

Этой истории более сорока лет, она протекала на моих глазах. Думаю, её стоит послушать.

Вика и Марина считались подругами с самого детства. Вместе в ясли и детский сад, вместе в школу, с разницей в один класс. Жили на одном квартале. Подруги не разлей вода, как говорят в таких случаях. Интересы и то были одинаковые: музыка, лёгкая атлетика, волейбол. По учёбе

тоже шли ровно, поведение только примерное. Вика рано вышла замуж – это, пожалуй, единственное, что их отличало. Марина на свадьбе была подружкой у невесты и, казалось, громче всех кричала: «Горько!». После свадьбы Вики и Сергея, так звали жениха, отношения между подругами не прервались, а продолжались в прежнем состоянии. Вскоре Вика родила девочку, и это было общей радостью. Марина была среди тех, кто забирал молодую маму из роддома. Она хлопотала над распашонками, пелёнками, старалась во всём быть нужной подруге в такой ответственный период. Доченька Настенька, росла, как говорят, не по дням, а по часам, была развитой: в семь месяцев она уже сделала первые шаги, к году начала лопотать на своём детском, понятном только маме с папой, языке. Была всеобщей любимицей и предметом такого же обожания.

Марина всё это время была рядом. Своей семьи она завести не успела, и поэтому во всём помогала подруге: гуляла с Настенькой, иногда забирала из детского сада, оставалась с ней, когда родителям надо было куда-нибудь уйти.

Вика настолько привыкла к тому, что подруга у неё, как палочка-выручалочка, что была не против, когда та делала покупки в магазине для семьи, дарила им всем забавные подарки, помогала в уборке дома и т.д.

Сергей и Вика были красивой парой. Оба видные, оба получили в своё время высшее образование, были уважаемы и авторитетны в своих коллективах. Вика работала в одной солидной фирме экономистом. Сергей – на транспортном предприятии – инженером-механиком. Как молодым специалистам им без проволочек выделили двухкомнатную благоустроенную квартиру, от которой обоим супругам до работы было совсем недалеко. На работе Вике многие завидовали – такой удачный брак, прекрасный ребёнок, квартира, машина, которую Сергею помогли купить родители. Ну и, конечно же, муж. Сергей был старательным

хозяином: в квартире он всё обустроил на свой лад, сделал даже душевую кабину, что в то, советское время, было большой редкостью. Всё необходимое в доме было, можно сказать, дом – полная чаша. Вика была на вершине своего женского счастья. Что ещё можно было пожелать? Да ничего и не надо было ей. Она любимая жена и любимая мать своей доченьки Настеньки...

Но счастливая и влюблённая Вика не замечала, как подруга Марина становилась нужной не только ей, но и её мужу Сергею. Сергей начал отмечать, что Марина к нему очень даже не равнодушна, внимательнее, чем жена. Он видел, что Марина более хозяйственная, аккуратная, отмечала все его заслуги и преимущества, как мужчины, так и хозяина дома, главы семьи. В отношениях между Сергеем и Викой начала возникать небольшая трещинка, которую Вика, по своей наивности и влюблённости, никак не могла связать со своей подругой. Ей казалось, что та была по-прежнему её верным помощником и сторонником.

Но на самом деле было уже немножечко не так. Наблюдая за молодой семьёй своей подруги, Марина вдруг поняла, что Вике незаслуженно свалилось счастье в лице Сергея. Не Вика, а она, Марина, более достойна иметь такого спутника жизни. Ей казалось, что Вика недооценивает своего мужа, беспричинно устраивает ему глупые сцены ревности, женские истерики по пустяковым ситуациям, не так внимательна и заботлива к нему. Она даже не знает, когда именно, но у неё возникла мысль, что с Сергеем должна быть такая женщина, как она. Оставаясь внешне подругой Вики, она целеустремлённо шла к намеченной цели. Шутливыми фразами, простенькими замечаниями, вниманием, она старалась показать Сергею, что вот она бы, Марина, была бы для него лучшей партией. Надо отдать должное терпению Марины, ведь не год, не два, а в течение почти семи лет она покоряла сердце своего возлюбленного.

А Вике даже и в голову не могла прийти мысль, что Марина способна на подлость. Они в молодости, ещё в классе десятом, поклялись друг другу, что никогда, ни при каких обстоятельствах, не нарушат клятву девичьей верности. Как-то вечером Марина несколько задержалась у подруги и побоялась идти одна домой. Вика попросила Сергея проводить подругу до дома, благо, что расстояние было в пределах трёх кварталов. Сергей вроде даже хотел отшутиться и не пойти, но Вика настояла. Это было зимой. Такой же случай произошёл весной. Тогда Сергей даже немного задержался у Марины, что-то там ей помог сделать. В третий раз, а это было уже следующей осенью, Сергей задержался на целую пару часов. Жене он объяснил, что пришлось менять в двери замок, который неожиданно сломался.

Да, дорогие мои догадливые читатели, после новогоднего праздника, провожая Марину, Сергей пришёл домой уже утром. Состоялся серьёзный разговор между молодыми супругами. Такой же разговор состоялся у Вики и с Мариной. Та по-прежнему отшучивалась, говорила какие-то глупости, извинялась. Только тогда сердце Вики впервые заныло от боли, от боли предательства и измены.

Разрыв не заставил себя долго ждать. Однажды Сергей позвонил после обеда и сказал, что сегодня задержится на работе часов до двенадцати ночи, нужно было там что-то срочно смонтировать. Домой он ночевать не пришёл ни на следующий день, ни через день...

Встреча бывших подруг состоялась, но она была очень короткой. На вопрос Вики, почему Марина так поступила с ней, она ответила, что та, Вика, Сергея не смогла удержать, что он её больше не любит, а любит её, Марину, и они решили пожениться. Не стану описывать трагизм положения Вики. Дом Счастья и Влюблённости рухнул у неё в один миг.

Сергей женился на Марине. Они живут дружно. Новая жена Сергею пришлась по сердцу, в котором уже не было

больше места никому. У них родилось два сына. Сейчас это уже взрослые мужчины.

Вика, несмотря на многочисленные предложения поклонников, так замуж и не вышла. У неё взрослая дочь, замужем и подарила бабушке двух внуков.

Я рассказал вам историю о Вике и Марине, которые считались подругами. Эти отношения проверила жизнь, и оказалось, что так они просто считали сами для себя. В действительности оказалось несколько иначе...

07.07.2018 г.

Детская честность

Детская непосредственность, простота и наивная честность всегда являлись причинами многих наших поступков в годы, когда мы были маленькими.

Вспоминается один забавный случай, который произошёл, когда мне было лет пять-шесть. Мои родители всегда держали корову, свиней, овец, куриц, гусей и другую живность, обеспечивая таким образом основные потребности своей семьи в продуктах питания и в других необходимостях.

Мама вязала нам тёплые шерстяные носки, рукавицы. Сосед пимокат дядя Саша катал нам из овчины шерсти мягкие валенки. Однако овец держали не все в деревне и, естественно, шерсть для этих нужд была не у каждого.

И в один из осенних дней к нам пришла соседка с просьбой продать ей с килограмм овечьей шерсти. Она объясняла, что у её детей накануне зимы нет тёплых варежек и носков. А у нас-то шерсть была, и даже я знал, где она лежала. Мама стала отказывать соседке, говоря, что у нас у самих нет шерсти.

Моя детская наивная честность не могла меня сдержать, и я сказал: «Мама, как же, у нас есть ведь шерсть». И даже вытащил из-под кровати большой по объёму узел с шерстью.

Меня удивила реакция мамы и той женщины. Мама мне ответила: «Сынок, конечно же, у нас есть шерсть. Но мне сначала надо вам всем связать по носкам, да рукавицам. У нас в этом году даже на валенки своей шерсти не хватит. Надо будет самим где-то килограмма три-четыре шерсти прикупить. А вот если не купим, папа вам старенькие валенки подошьёт». Мне стало всё понятно и немного стыдно. А шерсти мы, действительно, тогда не смогли купить, папа подшил нам старые валенки, и в них мы проходили всю зиму.

29.07.2018 г.

Завязочка

В довоенные и послевоенные годы в деревне Пристань Почта проживало около одной тысячи человек. Даже был свой сельский Совет. Как и в каждом таком населённом пункте люди знали друг друга. Все хорошие и нехорошие поступки односельчан рано или поздно становились известны. Ведь это же деревня, а этим всё сказано.

Мои родители, скопив некоторое количество денег, купили небольшую половинку небольшого дома пятистенничка напротив разрастающегося, на берегу реки Оби предприятия по заготовке и первичной обработке зерна, называемого в народе «Заготзерно».

Дома через три от нас жила одна семья, фамилию называть не буду, а хозяйке, героине рассказа, дадим имя Зинаида. Семья Зинаиды была по почтовым меркам небольшая. Она с мужем да двое детей-мальчишек. Вот эти мальчишки в разгар осени забили палками случайно забежавшего к ним в ограду молоденького барашка. Что

делать? Подставлять сыновей Зинаида не решилась, а пошла ещё на более тяжкий грех. Сказала мужу, чтобы он быстренько освежевал баранчика. Через час всё было готово. Баранчик был подстрижен, поэтому шкура была небольшой. Зинаида положила шкуру и голову барашка в металлический таз, а сверху завалила небольшими внутренностями. И закрыла всё это половичком. Она собиралась этот груз вынести из ограды днём на речку. Это не могло вызвать никаких подозрений. В те годы почтовые женщины обязательно полоскали бельё и делали это либо на реке Уени, либо на Оби. Обе реки были метрах в 500 от деревни. Так что Зинаида с тазом, идущая на речку не вызвала бы у односельчан никаких вопросов. Чистоплотная хозяйка опять идёт полоскать бельё.

Мясо же Зинаида умело разложила по кастрюлькам, крепко посолила. Десятикилограммовая тушка была искусно прибрана. Комар носу не подточит. На обед Зинаида наварила со свежей капустой борща, на второе натушила баранины с картошкой. Прямо-таки царское угощение.

После обеда пошла в магазин, хлеба купить, да запас соли пополнить. В магазине была очередь. Женщины сочувствовали другой нашей соседке Клавдии, у которой пропал молодой барашек. К обеду овцы всегда прибегали в ограду, она их немного подкармливала, а после обеда снова выгоняла на пастбище. Пропажу баранчика, которого буквально перед этим подстригла, он у неё был зимнего окота, она сразу заметила. Поспрашивала у кого были овцы, может, прибился к кому, но получив отрицательный ответ, не на шутку заволновалась. «Знаете, бабы – сказала она женщинам, стоящим в магазине, - я в милицию уже

сообщила, через два часа участковый обещался подъехать и мы прямо пойдём по дворам. Сама всё просмотрю и проверю стайки-сарайки. Кое-какие подозрения у меня уже есть». И ещё сказала что-то в этом роде разоблачительное...

Зинаида еле дождалась своей очереди, купила четыре булки хлеба и быстро, почти бегом, устремилась к дому. Магазин был недалеко, и через каких-то пять минут бега уже перекладывала содержимое таза в мешок. Плотно перевязала, и у неё получился небольшенький свёрточек. Его она решила погрузить в огромную жидкую лужу, которая располагалась прямо напротив её дома.

Выждав момент, когда на улице никого не было, она быстренько опустила мешок в лужу, и он также быстренько оказался в грязи. Дело в том, что кроме внутренностей и шкуры с головой баранчика, там лежал тяжёленький обской камушек. Делая вид, что она вытряхивает из половика пыль, осмотревшись ещё раз, довольная собой, она вернулась в свою ограду.

Никакого милиционера хозяйка барашка на самом деле не вызывала. Это обычный деревенский приём, когда хотят сослаться на какую-то начальственную силу. Этот день прошёл для Зинаиды спокойно.

Однако скоропалительное решение Зинаиды бросить мешочек в лужу имело свои печальные для неё последствия. В те далёкие годы собак в домах не держали, собачий корм в магазинах им не покупали. Они, как правило, кормились на улице, промышляя охотой за грызунами и другой мелкой живностью. Поэтому собаки не могли не учуять запах свежей баранинки, идущий от лужи. Одна из собак вытащила мешок и стала его рвать зубами. К ней присоединились и другие.

Проснувшись на следующее утро, соседи увидели около лужи целую свору собак, с лаем и визгом пирующих возле мешка. Чьи потрошки пожирали собаки, мужики определили сразу, а вот кто этот мешок бросил в грязную лужу, выяснилось не сразу. Но милицию вызывать всё равно не пришлось. Когда мужики разглядели мешок, обратили внимание на завязку. Она была «фирменной». Дело в том, что муж Зинаиды – Степан, плёл из лески прочные четырехгранные бичевки. Плетение было свойственное только для степановских верёвочек, тоненьких, но очень прочных. Именно куском этой верёвки и был связан мешок с остатками бедного барашка.

Отпираться было бесполезно, да и Степан с Зинаидой не стали этого делать. Повинились перед соседями, восполнили деньгами нанесённый урон. Отдельное отцовское наказание получили и сыновья.

Вот вам и завязочка. А главное-то дело не в завязочке, а в деревенском укладе жизни. В деревне нельзя пакостить односельчанам. Сраму и позору не оберёшься. Да и зачем? Трудись и живи по своим возможностям.

28.07.2018г.

Рублик

В самом начале восьмидесятых годов мне предложили путёвку в один из санаториев города Пятигорска - здравницы Северного Кавказа. Я с удовольствием согласился, тем более подлечить было что.

Путёвка стоила более трёхсот рублей, профсоюз оплачивал девяносто процентов, плюс... И оплачивался проезд туда и обратно. Транспорт выбрал авиационный.

И вот я уже в Пятигорске, городе, где когда-то проживал во время военной службы великий русский поэт М.Ю. Лермонтов. Отличный санаторий, гостеприимный город. Достаточно высокий уровень обслуживания нас, отпускников и лечащихся, по тем параметрам, что предусмотрено стоимостью путёвки. До этого я никогда не был в таких местах, и меня впечатляло всё: природа, люди, обилие всевозможных развлечений, чего я, работая, в силу своей занятости, не видел в Сибири. Когда я уже осмотрелся, так сказать, втянулся в то, что мне прописали лечащие врачи в санаторно-курортную карту, я оказался в недоумении, например, мне на живот накладывают небрежно кучечку грязи, в то время, когда другим пациентам с вниманием и уважением накладывают живительной чёрной массы щедрым жирным слоем. Я не мог понять: почему при одинаковом диагнозе мне чуть ли не каплями размазывают «чудодейственное лекарство», а другим.... Своими сомнениями я поделился с соседом по комнате. Выслушав меня, он задал вопрос, просто, одной фразой огорошив меня:

- А ты разве рублик не кладёшь в санаторно-курортную карту?

- Какой рублик?

- Как какой? Самый, что ни на есть наш советский рублик!

Первое, что выпалил я ему, как человек, воспитанный на идеалах советского общества:

- Так ведь это же взятка!

- Какая же это взятка, не смеши, здесь все так делают, видишь, вон мужик только что зашёл, подал санаторную карту и его сразу пригласили на процедуру, без очереди.

Я, сибирский парень, восхищённый великолепием природы, укладом жизни южных жителей, не замечал раньше этой «волшебной системы», ключиком к которой был рублик.

- И всё же это неправильно, всё равно это взятка, - уже не таким решительным голосом ответил я своему собеседнику.

Я долго мучился, переживал, спорил сам с собой, уговаривал, ругал, осуждал... боролся с собой и... на следующую процедуру в свою санаторную карту дрожащими руками сунул бумажный советский рублик. Положил его так, чтобы не торчали жёлтенькие краешки купюры. Зашёл в приёмную с чувством обеспокоенности, положил книжку на стол со «злополучным» рублём и стал дожидаться своей очереди. В моём сознании мелькали страшные картинки моего разоблачения.

То я видел, как красная от возмущения санитарка, кричит на меня, размахивая моим рублём и стыдит меня при всех: какой я подлый и как мог решиться на взятку.

На смену этой картине, возникала новая, более суровая.

Вместе с санитаркой выходят два милиционера, одевают взяткодателя наручники и уводят в РОВД под возгласы осуждения советских порядочных людей. А ещё страшнее я представил, как меня встретят на работе и как я буду смотреть в глаза родным и сотрудникам, ведь раньше всё сообщалось на работу. Вот это я съездил оздоровиться, спасибо профсоюзу. Мысли мелькали. Казалось, я нахожусь в этом страхе вечность.

Оказывается, это было всего минута... Вышла, вся в лучах света, мило улыбающаяся медсестра и пригласила меня на процедуру, где щедро выдала на моё тело кусок грязи, заботливо поправила все, что необходимо. Ну, вот теперь я, как и все - не обделён ни порцией, ни вниманием со стороны медперсонала, и грязи у меня на моём теле достаточно... а «грязи» у меня в душе даже переполнено. Вышел, забрал свою карту, уже без рубля и пошёл дальше проходить путь оздоровления.

Переживания по поводу вложенного в карту рублика, были очень сильными. Ни в Колывани, ни в Новосибирске с такими ситуациями я раньше никогда не сталкивался.

В моём сознании молодого советского человека произошёл какой-то надлом. Что же это? Разве так можно? Ведь это всё равно взятка.

Этот постоянный протест постепенно заглушился. Работа, повседневная текучка делали своё дело. Но в памяти остался какой-то неприятный след - взятка за грязь... Потом грянула перестройка, развал нашего великого Союза. Они дали такие жуткие картины безобразий на самом высоком государственном уровне, что тот рублик уже казался таким несерьёзным и несущественным. А с другой стороны, это был маленький сигнал того, что в нашем обществе надо было что-то менять, подправлять. Как, в общем-то, и произошло. Но ни я, и никто другой, из тех, кто вкладывал рублики в санаторно-курортные карты, не могли даже и представить, какие, страшно уродливые и шокирующие перемены нас ожидают. И что будет с нашей страной через какой-то десяток лет.

А всё началось с простого рублика.

03.03. 2018 г.

Юный жених

Как обычно, в начале учебного года в восьмилетние школы нашего Колыванского района приезжали новые учителя. Кроме педагогов со специальным образованием, были и молоденькие девушки, не сумевшие поступить в высшие учебные заведения, и поэтому у них был и год на обдумывание своего дальнейшего жизненного пути, и возможность подготовиться к вступительным экзаменам. Специалистов не хватало, и отдел образования прибегал к использованию таких кадров. Так вот, одна из таких выпускниц средней школы приехала к нам на Пристань Почту, в нашу восьмилетнюю школу. В 60-80е годы вместо девяти лет, как сейчас, учились восемь лет. А в средней школе выпускным классом был десятый. Так вот, красивая, молодая, семнадцатилетняя выпускница была назначена к нам учительницей. Она работала в средних классах. Назовём её Татьяной. Отдельного жилья в деревне для учителей не было, и она жила «на квартире» у тёти Лены Дивногорской. У тёти Лены домик был небольшой, но отдельная комната была. В ней и поселилась наша Татьяна. Домик находился возле сосновой рощи, за которой была наша школа. Рядом, удобно ходить на работу. Это, так сказать, предыстория.

Перехожу непосредственно к сути. Наш дом находился метрах в ста от дома тёти Лены и я, шестилетний мальчуган, не мог не заметить на нашей улице этой девушки. Как-то играя на песке, а на Почте (это же берег Оби) улицы были песчаные – чистые и сухие, я познакомился с ней. Детские разговоры, которые вела со мной Татьяна, мне были приятны, и скоро мы подружились. Я даже у мамы выпросил

баночку смородинного варенья и угостил Татьяну. Наверное, были ещё какие-то обоюдные знаки внимания. Она меня даже пригласила в школу, куда я прибежал с радостью. По голосу я сразу узнал, где идёт урок с моей знакомой. Татьяна разрешила мне войти в класс, указала на пустующую парту в конце класса и даже дала мне пластилин. Я тут же начал лепить из пластилина танки, самолёты и «наших», то есть советских солдат, которые мужественно сражались с «фашистами». У мальчишек того времени одной из главных игр была тема войны. И вот когда «военные» действия достигли своей кульминации, я начал издавать возгласы: «Ура!» «Вперёд!» и другие. Естественно, меня попросили выйти из класса, чтобы не мешать вести урок.

Этот случай никак не омрачил наши отношения. Они продолжались, и на каком-то этапе мне, пацану, пришла мысль, что я должен жениться на ней. Кстати, сама Татьяна, почему-то, то ли в шутку, то ли всерьёз, называла меня своим женихом. О своём решении жениться я сказал маме и попросил её собрать мои вещи. Мама с пониманием отнеслась к моим чувствам. И вот уже с узелком, не помню, что там конкретно было, я гордо пошёл «жениться». Тётя Лена и «моя» Татьяна были дома. На вопрос, зачем я пришёл, я гордо ответил: «Жениться!». Моя детская память не сохранила слова отказа мне в женитьбе. Помню только, как мне было стыдно, и как я по-детски горько плакал. Когда меня выпроводили из дома, по улице я не стал возвращаться. Отвергнутый, с узелком вещей, я обогнул дом тёти Лены, спустился за огороды и только таким путём вернулся домой, весь обиженный, посрамлённый и заплаканный. В семье

нашей мою «несостоявшуюся» женитьбу не обсуждали, и она как-то быстро забылась.

В памяти восстановилась, когда я уже вошёл в настоящий возраст жениха. И даже сам себе сказал: «Толя, так это уже у тебя было». Но озвучивать свой детский конфуз тогда не стал. А вот сейчас решил написать небольшой рассказик и придать публичности вот такую интересную историю из моего далёкого детства.

26.12.2018 г.

Семечки

Лет тридцать тому назад деревенские огороды и начинающиеся дачные участки в деревне Пристань-Почта Колыванского района, как и по всей округе, с середины июля расцвечивались желтыми шапками подсолнухов. Хозяйки их садили помногу. Подсолнухи любили все. Женщины щелкали их в долгие зимние вечера, молодёжь – на своих встречах и свиданиях, ну а летом зеленые сочные листья с удовольствием поедали коровы, овцы и козы. В общем, сеяли помногу, любили все, хватало тоже всем.

В нашей деревне было принято лазать по огородам. Занималась этим ночным промыслом, в основном, молодёжь. Между собой мальчишки и девчонки узнавали, у кого раньше созрели огурцы, значит, лазали за огурцами, и чаще всего по предложению молодого хозяина огорода. Была даже какая-то негласная очередность. Сегодня лезем ко мне, а завтра – к тебе... Мероприятия эти проводились относительно культурно – деревенская молодёжь хорошо

знала, где на грядке нужно искать спелые огурчики и как сорвать, не повредив плеть. Действовали по принципу «не пакостить и не вредить». Взял, вернее, украл, но аккуратно. Утром, конечно, были какие-то разборки с родителями, но, как правило, без наказаний. С рассвета сельчане торопились в поле, в лес, на рыбалку и охоту, заготовку сена, дров, грибов и ягод, выполнять другие важные работы. Наскоро позавтракав с родителями, полусонные ночные гуляки садились в конные телеги или шли пешком выполнять деревенские заботы.

Но вернёмся к семечкам. Вернее, к подсолнухам. Слово «подсолнух», как название растения, в деревне как-то не употреблялось. Его заменяло слово «семечки». Посеяли семечки, взошли семечки, поспели семечки и щелкали тоже семечки. Моя мама Пелагея Васильевна знала о «ночных гуляниях по огородам» и сеяла семечек помногу. В конце огорода иногда даже оставляла полсотки земли – специально для семечек. Семечки щелкали-лузгали и свежими и сушёными. Сушили их простым способом: срезали спелые круги, складывали, обязательно, семечками вниз на крыше или сеновале и ждали, пока подсохнут. Сухие зёрна выбивали из круга, провеивали и рассыпали по мешочкам. Берите, щелкайте на доброе здоровье. У нас в деревне не росли кедры, и мы не знали, что такое кедровые орехи. Поэтому семечки были любимым лакомством и для взрослых, и для детворы.

В нашей семье с семечками связана одна история. Мой брат Юрий в 1959 году был призван в армию. Служил в Омске, на одной из станций противовоздушной обороны (РЛС ПВО). Родители решили на Новый год сделать сыну

подарок и отправили ему посылочку. Туда положили тёплые шерстяные носки, несколько кусочков солёного сала и объёмный мешочек деревенских семечек. Брат любил семечки. Получил брат посылку в части, как было принято в армии, при всех открыл её, и ему достались только носки, связанные материнскими руками, а всё остальное разделили сослуживцы. На следующее утро на подъём, как и полагается, пришёл командир роты и обнаружил некоторые нарушения порядка в помещении – возле урны для мусора и под двумя солдатскими кроватями, валялись несколько скорлупок от семечек. Командир роты тут же установил, что семечками своих товарищей угостил рядовой Савельев, которому была посылка из дома. Солдаты угостились, но проявили небрежность. Командир роты перед строем тут же, во время утренней поверки, объявил рядовому Савельеву два наряда вне очереди за нарушение санитарного состояния помещения казармы.

Об этой истории брат рассказал нам уже после демобилизации, когда вернулся из армии. От услышанного больше всех переживала наша мама. Зато папа, Пётр Алексеевич, дал свою оценку происшедшему: «Знай, кого угощать!»

Эта давняя история время от времени всплывает в моей памяти. Дело в том, что подобные ситуации возникали и в моей жизни, когда приходилось нести наказание вроде бы за доброе дело, как это произошло с моим старшим братом Юрием во время службы в армии.

Вот вам и семечки!

27.01.2018 г.

Удачная сделка

Итак, ситуация.

В конце нашей деревни, рядом с крестьянской усадьбой Тимофея Зарубина поселился вновь прибывший переселенец из Тамбовской губернии Михаил Сартаков. Постепенно обустривая усадьбу, Михаил уже второй год с завистью наблюдал за нетронутой большой кучей навоза, что выросла у соседа сразу возле его сараев. Долго не решался он завести с Тимофеем разговор о покупке этого драгоценного товара.

Там у себя, на бывшей родине, такой кучи не было ни у одного хозяина, каким крепким он бы ни был. Навоз служил на бедных почвах отличным удобрением, дававшим хорошую прибавку к урожаю. Поэтому мысль приобрести навозную кучу не покидала Михаила.

И вот однажды, улучив возможность поговорить с соседом Михаил, как бы издалека завёл разговор о полевых работах и перевёл его к желаемой куче навоза, предложив соседу за его добро хорошую цену. Тимофей для порядка покуражился, сказав, что ему тоже навоз нужен на грядки. Но долго отговариваться не стал и согласился. Он даже себе представить не мог, что навозную кучу, которая ему порядком мешала, а убрать её всё не хватало времени, может ему ещё и прибыль принести. Поэтому он и не стал отказываться от денег, которые ему, как раньше говорили, с неба свалились.

Обрадовавшийся Михаил, боясь, что сосед передумает или заломит большую сумму, поспешил домой. Отсчитывая

деньги, он с радостью сообщил жене о совершенной сделке, названная сумма вызвала улыбку у супруги.

Михаил то и дело повторял: «Ну, Тимофей, за такую кучу навоза и всего-то такие деньги запросил! Вот повезло мне, вот удача!»

Вручив соседу оговорённую сумму, Михаил предложил соседу выпить магарыч, чтобы скрепить добрые отношения. Тимофей отказался, объяснив, сиюминутностью важных домашних работ, якобы ждавших его. Быстрым шагом он пошёл к себе на усадьбу. Как только он закрыл за собой дверь в дом, то сразу разразился громким смехом да с приговорками: «Ну, сосед, ну, чудак. Такие деньжищи отвалил и за что? За кучу ненужного навоза!» Жена Тимофея сразу ничего не могла понять. Но когда в руках у мужа увидела деньги и, главное, поняла, откуда они взялись, тоже была удивлена. Взяла деньги, и, аккуратно перевязав их ниточкой положила за образа.

Ещё раз повторю, такая история могла произойти в любой сибирской деревне. Переселенцы после европейской земельной тесноты, бедности пашенных земель, общей бедности большинства семей с трудом привыкали к устоям новой жизни в Сибири и её богатствам.

28.08.2019 г.

Пожар

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии в июне 1974 года, я активно включился в гражданскую жизнь.

Во-первых, поступил на первый курс исторического факультета Новосибирского пединститута.

Во-вторых, был принят на работу учителем Тропинской восьмилетней школы. Ну, а в третьих, стал готовиться к новому учебному учительскому году. Большую часть своих сил я посвятил подготовке к зиме. Впрок заготовлены банки с вареньем, грибами, солеными огурцами, помидорами, капустой. Погреб и подпол были сплошь уставлены этими запасами. В этот год хорошо уродился картофель и другие овощи. Закрома были полны.

Мама – Пелагея Васильевна, довольная такой домашней ситуацией, дождавшись возвращения сына из армии, решила на поездку в Москву, где жили у нее две ее сестры. Младшенькая Люба – в самой Москве и старшая Мария – на станции Жилево Ступинского района. Сестры давно и настойчиво звали маму к себе погостить и повидаться. В конце сентября мама уехала по гостям.

Папа – Петр Алексеевич – оставался в доме один, под присмотром двух сыновей – меня и старшего Геннадия, которые появлялись на выходные дни. Так что в доме был полный порядок.

Наш почтовый дом был на два хозяина. С одной стороны жила наша семья, а с другой стороны – дачник Алексей – хороший, отзывчивый мужчина, примерно тридцати пяти лет, с семьей. До него в этой половине жили семьи Надбаевых и Оноприенко.

Наша половиночка была небольшая, разделенная на комнатку и кухню, с большой русской печкой и полатями.

Крыша нашей половины была покрыта железом, которое папа купил на вырученные деньги от продажи кедровых орехов. Откуда взялись на Пристань Почте кедровые? Они у нас не росли. На весь Орский бор насчитывалось не более пяти кедровых деревьев. Но в Томской области, на реке Шегарка, в поселке Беговая Плёса, среди кедров, жили старшие братья папы – Михаил и Павел. Вот там одну осень и шишковал папа.

Октябрь 1974 года выдался теплым, сухим месяцем. Дачники стали уезжать в город Новосибирск во второй половине месяца. 20 октября надумал уезжать и наш сосед Алексей. По доброй русской традиции, он пришел к моему папе с водкой и решил отметить отъезд. Водки, наверное, было достаточно. Соседи расстались в часов одиннадцать вечера. Порешили на том, что Петр Алексеевич – так сосед звал моего папу, будет присматривать за половиной дома дачника до следующей весны. Тот, естественно, заверил в строгом исполнении обещания следить за половиной дома Алексея.

А вот около двенадцати часов ночи из половины дома, принадлежащей Алексею, вырвался огромный столп огня и дыма – начался пожар. Моего папу еле растолкали проходившие мимо молодые ребята. Помогли вытащить кое-какие вещи. К половине дома дачника было невозможно подойти – она полыхала вовсю. Через несколько минут весь дом уже был объят пламенем и дымом.

Из заготзерно, расположенного напротив, оперативно организовали тушение гидрантами. Но тушить уже было нечего – дом сгорел почти полностью.

Главной версией, по общему мнению почтовых мужиков, было то, что Алексей курил и окурок мог выпасть у него из руки, так как он был пьян.

Трагедия этого пожара заключалась в том, что Алексея не удалось спасти – он сгорел.

Я в это время находился в Тропино – ведь шел учебный процесс – и был занят на уроках. Позвонили в Тропино и мне сообщили, что дом наш сгорел. Мой тропинский товарищ Тюбцев Александр работал шофером в Колыванском совхозе и на бензовозе привез меня на Почту. Картина была страшная: на месте дома остатки обгоревших бревен, битое стекло, покореженные листы железа и трубы отопления.

В предбаннике – единственном оставшемся месте – сидел папа и брат Геннадий, подавленные случившимся. Саша Тюбцев уехал в Тропино, а я, вооружившись лопатой, ломом, граблями, приступил к разбору остатков своего дома.

Пожар уничтожил все: в уголь превратились содержимое банок с вареньем и соленьями, картошка, овощи. Разбирая половину соседа, я обнаружил два или три обгоревших куска человеческого тела. Аккуратно положил их в ванну и отнес в соседскую летнюю кухню, тоже чудом уцелевшую от огня.

Почти три дня ушло на разбор пожарища. Приехала жена Алексея, попыталась обвинить нас в пожаре и гибели мужа. Но, в конце концов, поняла абсурдность своих слов. Забрав останки тела Алексея, она уехала. Подходил к пожарищу участковый милиционер, но ему была ясна картина произошедшей трагедии.

Мама узнала о пожаре уже по возвращении из Москвы. Чуть всплакнув, она спокойно отнеслась к случившемуся. Перезимовали мы в соседнем небольшом домике,

принадлежавшем когда-то семье Сухоруковых, к тому времени продавших его дачнику из города – Владимиру. Он разрешил нам пожить это время, за что ему огромное спасибо и низкий поклон.

Следующую зиму мы вошли уже в свой новый дом. Руководство района выделило нам красного леса из Орского бора, а председатель Вьюнского сельсовета продал нам по минимальной цене здание бывшей пекарни.

Я взял академический отпуск, на зимнюю сессию не поехал. На каникулах вывозили бревна сосны из бора к месту стройки. Все сбережения, что были у родителей, пошли на возведение дома. Кстати, в той небольшой сумме денег были и те, что родители наложили мне на мотоцикл, который я должен был купить после возвращения из армии.

Стройка мобилизовала все силы нашей семьи. Особо могу назвать вклад брата Юрия, который почти все лето, во время своего отпуска, работал на строительстве нового почтового дома. Во время разбора старой пекарни на папу обрушилась часть стены и повредила ему ногу. На дальнейшую его активную роль в строительных работах рассчитывать не приходилось. Но без его советов и подсказок построить дом мы бы не смогли.

Когда на календаре 20 октября – я всегда мысленно возвращаюсь на место нашего почтового дома 1974 года. Вспоминаю тот ужасный пожар.

03.07.2019 г.

Щедрый подарок

Эта история произошла в далеком 1969 году. Я учился на втором курсе Колыванского сельхозтехникума на отделении «Агрономия». На выходные, как обычно, я приезжал домой, на Пристань Почту. Она от Колывани в двадцати пяти километрах. Автобусного сообщения тогда не было. Вместо автобусов ходили грузовые машины, кузов которых закрывался брезентовой коробкой – от ветра, а вместо кресел – обычные деревянные лавки.

Как-то возвращался я из дома в Колывань. Рядом со мной села пожилая женщина в траурном черном платье с очень грустным лицом. Иногда она всхлипывала, вытирала лицо платочком, я не удержался и участливо спросил:

- У вас что-то случилось?

Женщина откликнулась на мой вопрос и ответила:

- Я похоронила недавно своего мужа.

- Наверное, вы прожили с ним долгую счастливую жизнь? - продолжил свое участие в ее судьбе я.

- Нет, мы прожили с ним совсем немного – всего-то четыре года, - ответила она.

- Да, недолгая была ваша жизнь, - почему-то сказал я.

- Знаете, молодой человек, это мой второй муж. Первый муж у меня умер, попав в автокатастрофу. С ним мы прожили двадцать восемь лет. А с Ванечкой - это мой второй муж – всего четыре года..., - как-то тихо закончила женщина.

Мы несколько минут молчали, покачиваясь в такт движения грузовика. Каждый из нас думал о чем-то своем.

И уже, почти подъезжая к Колывани, она повернулась ко мне и сказала слова, которые я запомнил на всю жизнь.

- Знаете, эти четыре года Ванечка окружил меня такой заботой и вниманием. Я была на вершине своего женского счастья, думала, что ему не будет конца. Жизнь складывалась прекрасно. Мы сошлись с ним вдовцами – у него умерла жена, у меня – муж. Но судьба соединила нас, мы полюбили друг друга, хотя, как видите, не совсем молоды. Страшная болезнь в месяц сделала свое дело, Ванечки не стало... Я благодарна Господу Богу за то, что он сделал мне такой щедрый подарок. Я знаю: оставшиеся годы своей жизни я проживу на белом свете памятью о Ванечке и благодарностью к Богу!

01.07.2019 г.

Посьет

В мае 1972 года меня дважды призывали в ряды Советской Армии. Первый раз в начале месяца. Я попал в одну команду со своим одноклассником по техникуму Сашей Желибо. Из Колыванского райвоенкомата нас провожала его родная тётя, Титарева Полина Ивановна, она преподавала в техникуме бухгалтерские дисциплины, её муж Титарев Филипп Афанасьевич был директором нашего техникума. Лично меня пришла провожать моя девушка, которая обещала ждать моего возвращения из армии. Но ждать она долго не смогла, и уже к Новому году вышла замуж за другого.

Нас отправили в Новосибирск на сборный пункт, который назывался почему-то «холодильником». Там нам была устроена повторная медицинская комиссия, где мне не удалось обмануть врача, как я это сделал в Колывани. Дело в

том, что в детстве у меня болели уши, и, как следствие, левое ухо у меня стало слышать несколько слабее правого. Когда врач меня просил прижать пальцем это ухо, я его не прижимал. Хотя делал вид, что крепко зажимаю ухо. И получалось, что оба уха слышат хорошо. В городе этот номер не прошёл, мой подлог раскрыли, и по результатам медицинской комиссии меня определили в другую команду. А другая команда отправлялась 23 мая.

Вы не представляете, какое чувство позора я ощущал внутри себя. Ведь в деревне, в родительском доме меня проводили в армию, даже устроили вечер. И тут я возвращаюсь и что скажу? Мне было стыдно перед земляками, особенно сверстниками. Тебя «забраковали», ты не годен в команду, солдаты которой должны были служить в группе советских войск в Германии (ГСВГ). Короче, совершенно подавленный, окольными путями я добрался до дома. Через денёк-другой успокоился и, как все парни, по вечерам ходил на пристань: гулял и веселился. Второй раз проводы устраивать не стали. В райвоенкомат 23 мая мне нужно было попасть в 7 утра, именно в это время нам назначили отправление в Новосибирск, на этот же «холодильник». Чтобы успеть к раннему утру, я отправился в путь вечером 22 мая. Попрощавшись с родителями, я пешком пошёл до Скалы, что в десяти километрах от райцентра. В Скале жил мой родной дядя Савельев Василий Алексеевич, старший брат моего папы. У него я переночевал и рано утром, чуть свет, проснулся. Открыл глаза, а дядя Вася стоит на коленях и молится Богу. Просит Господа спасти и сохранить раба Божьего Анатолия. Наскоро позавтракав, я попрощался с дядей Васей и его женой тётёй Машей. В семь утра, как и требовалось, я был в военкомате. Мы сели в

автобус и отправились в Новосибирск на сборный пункт. А там без всякой проволочки нас погрузили в железнодорожный состав и повезли на Дальний Восток – служить, но уже в строительных частях нашей армии.

Первый день лета я встретил курсантом учебного подразделения, расположенного на живописном берегу залива Петра Великого. Населённый пункт назывался странным для меня словом - Посъет. Это морской порт, а назван был в честь русского мореплавателя адмирала К. Н. Посъета (1819–1899). До Кореи было двадцать пять километров, а двадцать километров было до китайской границы. Так что я попал в пограничный район нашей Родины - Союза Советских Социалистических Республик. Удивительнейшая местность. Сопки, которых я в жизни никогда не видел. Растительность мне неизвестная: дикий виноград, маньчжурский орех, чернотвольная берёза, дубы с огромными листьями, разнообразные цветы крупных размеров, но почему-то без всякого аромата. Но главное, передо мной, никогда не видевшим моря, открылся залив Японского моря, входящий в Тихий океан. Кальмары, осьминоги, морские крабы, звёзды, медузы, креветки и ещё многие морские обитатели поражали моё воображение. Всё это видел я своими глазами, и даже мог потрогать своими руками. Климат там для нас, сибиряков, был не очень приятным – была высокая влажность. К этой влажности труднее всего привыкали наши лёгкие. Первый месяц нас преследовал постоянный кашель, потом он постепенно исчез. Но зато до самого декабря было тепло, и мы ходили в летней форме одежды.

Служба давалась мне легко. К встречавшимся трудностям я был привычен, физически крепок. Я не курил,

что помогало мне в различных марш-бросках и легкоатлетических соревнованиях сохранять ровное дыхание. После первого месяца службы и окончания курса молодого бойца, мне было присвоено первое воинское звание – ефрейтор. Закончил я службу в «учебке» сержантом.

В декабре 1972 года я был направлен на службу в город Райчихинск Амурской области, в строительную войсковую часть 01202. Сначала был заместителем командира взвода, а затем старшиной роты. Здесь было немного посложнее и потруднее чем в «учебке» - было просто больше ответственности. Я отвечал за личный состав роты. Но и в части, как и в «учебке», я справлялся со своими обязанностями. За успешно проведенный курс молодого бойца с новобранцами – солдатами, только что прибывшими в часть, я был отмечен отпуском на родину. Была такая мера поощрения в армии. Я пробыл на Пристань Почте десять дней. Все родные, особенно папа и мама, были этому очень рады. А впоследствии мои родители получили от командования части благодарственное письмо за достойное воспитание своего сына, то есть меня.

Демобилизовался я в конце мая 1974 года в звании старший сержант. А после окончания пединститута и военных сборов, мне было присвоено офицерское звание – старший лейтенант запаса, в коем я и пребываю в настоящее время.

Я очень благодарен службе в Армии. Ведь кроме физической подготовки, я увидел, какая наша Россия огромная. Увидел Енисей, озеро Байкал, реку Амур, природу Приморья, границу с Китаем и сухопутную, и по фарватеру реки Амура.

Дисциплина, ответственность за свои слова и поступки, мужские правила поведения и морали, умение общаться с родными людьми, анализировать окружающий мир. В моём сознании произошла целая революция – переоценка человеческих ценностей. Из простого наивного юноши, армия сделала мужчину. Я демобилизовался ещё большим патриотом, каким был до службы в армии.

В 1975 году, уже учась в Новосибирском пединституте, в своей группе, я встретил Тимонина Владимира, который служил в этой же «учебке» Посьета, только год спустя.

А в 2018, в одной комнате со мной в Маслянинском доме отдыха, поселился Велейцев Александр, служивший в Посьете, в то же время, что и я, только на пограничной заставе. Отличный, добрый и старательный парень.

До сих пор я поддерживаю связь с теми, кто служил со мной в Посьете: Коломейцем Олегом из Новотырышкино Колыванского района, Измайловым Александром, сейчас он живёт в Калининградской области. С Володей Тимониным мы вместе закончили пединститут и дружим до сих пор. Постоянно перезваниваемся. Он живёт на берегу Черного моря.

Армейская служба помогла мне и при поступлении в институт. Демобилизованные воины получали льготные баллы и легко проходили довольно высокий конкурс – восемь человек на место на историческом факультете НГПИ.

Два года службы в рядах Советской Армии - это яркая запоминающаяся страница моей биографии. И самым ярким местом в этой странице я считаю службу в учебном подразделении далёкого Посьета - морского порта, - пограничного форпоста СССР.

22.04.2019 г.

Митенька

Старшие сыновья моих сестер Шуры и Вали волей Бога и судьбы появились на белый свет на колыванской земле. О рождении старшего моего племянника Володи я уже писал, он был рожден во Вьюнской участковой больнице 25 августа 1963 года. Это в девяти километрах от Пристань Почты. А вот племянник Дмитрий у Вали был рожден 24 февраля 1972 года в Колыванской районной больнице. Как я полагаю, рождение сыновей, дело было ответственное и серьезное, и сестры приехали рожать на родную колыванскую землю, чтобы получить поддержку в этом важном деле на малой родине.

Итак, о Дмитрие. В Колыванской больнице он со своей мамой задержался немного больше, чем это бывает чаще всего. Пока он окреп, прошло более месяца. Выписка состоялась в апреле. Обь-матушка в том году разлилась как никогда. На Пристань Почту можно было попасть двумя путями: через Новосибирск, а там - на теплоходе до деревни. Второй путь лежал через Скалу - село, что в девяти километрах от Колывани, затем на остров Казачий - это ещё три километра, а там двенадцать километров пешком по берегу Оби. Первый вариант почему-то не рассматривался. Остановились на втором, посчитав его самым простым и быстрым. И на это были свои основания. До Скалы доехать никаких проблем, От Скалы до Казачьего - тоже. В Скале у нас жили родственники: родной папин брат - дядя Вася с женой - тетей Машей. Их сын - Иван Семенович Дружинин в то время был директором Скалинской нефтебазы, а его жена Клавдия Романовна - главным бухгалтером в колхозе «Путь к коммунизму». Люди известные, почитаемые. Кроме

того, Клавдия Романовна была крестной матерью сестры. Поэтому она помогла организовать моторную лодку, на которой мы добрались до Казачьего.

Отмечу, что я к этому времени был человеком свободным, закончил Колыванский сельхозтехникум, получил диплом агронома и в родительском доме ожидал отправки в ряды Советской армии, намеченной на начало мая.

Картина разлива Оби была впечатляющей. От Скалы дорога вся была в воде, лишь островками выделялись незатопленные участки суши. Течение было сильнейшим. Мы плыли по течению и поэтому добрались до Казачьего быстро. От Казачьего до Пристань Почты по Оби было ещё короче, чем по берегу. Разлив воды в некоторых местах сокращал расстояние, но опасностью была сама матушка-Обь. Течение, топляки - плывущие по воде видимые и невидимые части древесины – всё это не могло обеспечить нам безопасное путешествие. И, заметьте, какой ценный груз был у нас – новорожденный Дмитрий Федорович Равдин! Его ждали в семье, как наследника и продолжателя династии. Первой в семье была Светочка – прекрасная малышка, которой так хотелось братика. Так что рисковать мы просто не имели права. Погода стояла прекрасная – теплая, солнечная. Валя несла с собой свои и Митины вещи, а я нёс своего племянника Митеньку. Мальчишка он был здоровенький, но не тяжелый. Эти километры до Пристань Почты мы преодолели пешком за три часа, периодически останавливаясь на десять-пятнадцать минут. В деревню мы вошли в самом начале вечера – где-то часов в пять. Нас уже ждали наши с Валею родители – они очень волновались за

нас: как мы донесем Митеньку, как будем преодолевать ручьи, которые встречались нам по пути? Родители хорошо знали эту дорогу по берегу реки, - отсюда и их беспокойство.

Первое земное путешествие Дмитрия Федоровича Равдина прошло успешно. Все были рады. Я так полагаю, что самым счастливым был отец - Федор Федорович Равдин. Семья в это время жила в городе Волжском Волгоградской области, куда впоследствии и был доставлен малыш.

Вот такая история связана с рождением моего племянника. Сейчас это крепкий здоровый мужчина. Он женат и имеет троих детей - сына и двух дочек.

10.05.2019 г.

Вперёд, на врага!

Летом в деревне много работы. С ранней весны и до поздней осени крестьяне, не разгибая спины, трудились в огороде, дома, в поле, в лесу. Рыбачили и охотились. Всё живо в памяти, все картины крестьянского труда. Одна работа сменялась другой, нужной для хозяйства, и так было весь период.

Первые летние работы для детей - это огород. Полив, прополка, окучивание картофеля. Воду для полива брали из колодца, вырытого тут же, в огороде. Потом вместо колодца проббили железные трубы в землю и качали воду ручным насосом. Поливали не сразу, вода на солнце нагревалась за день в бочках, а вечером тёплой водичкой поливали огурчики, помидоры, капусту и другие овощи.

Самая трудоёмкая, медленная и нудная работа - прополка грядок с морковью, свёклой, луком и чесноком... Особенно тяжело давалась прополка моркови. Всходы у неё тоненькие, черешки листьев хрупкие, корешочки слабые, того и гляди выдернется вместе с сорняками. Работа в наклон, на коленках. Солнце печет, а тут ещё комарищи, пауты норовят твоей кровушкой угоститься. Занятие не из приятных.

На второй или третий год участия в прополке грядок я отработал свою методику борьбы с сорняками. Отмерянную часть грядки, а мама выделила ещё и старшему брату Геннадию, я объявлял советской территорией, временно захваченной фашистами. Их, следовательно, нужно было изгнать – это были сорняки, и освободить наших граждан – это были всходы свёклы, моркови и т.д. Передо мной уже не грядка моркови, а театр боевых действий времён Великой Отечественной войны. Сначала я выпалывал края грядки. Враги оказывались в окружении. Я уничтожал противника, дробя его силы на отдельные участки. Сорняки я поделил по отдельным наименованиям. Легко вырываемые из земли всходы лебеды и мокрицы – это были пехотинцы. Пырей ползучий с крепкими корнями – пушка или зенитка, пробивающиеся всходы осота полевого – это уже танк, если их много – танковая колонна. Были среди сорняков номинанты дотов и дзотов, пулемётные расчеты.

Таким образом, нудное занятие - прополку сорняков - я превращал в грандиозное поле битвы. Главным лозунгом были слова: «Вперёд, на врага!».

Всё это, конечно, было в моём воображении. Но я помнится, настолько заигрывался, настолько входил в роль

полководца – стратега, что не замечал, как бежит время, и как быстро грядки очищались от сорняков. «Наши победили!».

Мой старший брат каким-то образом догадывался, что я был в роли полководца и постепенно увеличивал театр моих «боевых» действий, а иногда просто тихонько исчезал из огорода и оказывался купающимся среди сверстников на Уени, протекавшей метрах в ста от нашего огорода. Мне приходилось одному заканчивать борьбу с неприятелями – сорняками. И это меня нисколько не огорчало.

14.04.2020 г.

Детское желание

Далёкие картины детства вдруг оживают перед нами со всей своей чёткостью, и мы, как в оконце, видим себя, то, что было с нами когда-то.

Мне лет шесть или семь. Я пришел в гости к своему соседскому товарищу Кольке, а у них был обед. Все члены семьи сидели за столом, на столе, помню как сейчас, стояла большая чашка с картошкой, сваренной в «мундире», то есть неочищенной от кожуры, рядом нарезанный домашний хлеб и кусочки свиного сала.

Я, поздоровавшись с домочадцами, так и остался стоять у порога. К столу меня не позвали, пройти в другую комнату тоже. Я наблюдал, как все, сидящие за столом, брали картофелины, очищали их от кожуры. Откусывая картошку, они отправляли вслед за ней кусочек сала и хлеба, тщательно и, не торопясь, пережевывали, и процесс повторялся. В этом обеде не было ничего необычного. Картошка как картошка. Сало, хлеб – обычные продукты в крестьянской семье. Для

меня было необычно то, что в нашей семье картошку в «мундире» никогда не ели с салом. Глядя на обедающих, видя их довольные лица, мне так захотелось тоже откусить такого блюда. Я ещё некоторое время постоял у двери, и что-то буркнув, непонятное для себя и соседей, ушел.

На улице я бегом бросился домой. Дома, запыхавшись, я выпалил маме свою просьбу: «Мама, свари картошки в мундире, хочу покушать со свиным салом. Это очень вкусно. Кольку Тропина так его мама кормила. Я сейчас видел!».

Мама выслушала мою сбивчивую речь и спокойно сказала:

- Хорошо, сынок. Вечером буду топить печку и сварю круглой картошки в «мундире», сало у нас есть. Потерпи.

Ещё какое-то время я побыл дома и вышел на улицу. Друг Колька уже играл возле своего дома. Я присоединился к нему. Время пролетело незаметно. Во время ужина на столе в большой тарелке лежала картошка, сваренная в «мундире», рядом на небольшой тарелочке кусочки солёного сала. Быстро помыв руки, я уселся за стол, очистил картошку, откусил немножко и отправил вдогонку кусочек сала. Оказалось, действительно, вкусно. Я был очень доволен...

Ночью мне приснился такой же вкусный сон, с таким же обедом, как у моего друга Кольки. Только уже в нашем доме. И друг мой уже не стоял у нас под дверями, а чинно сидел рядом со мной, уминая картошку с салом.

18.04. 2020 г.

Заказной завтрак

Я хорошо помню, что эта история произошла со мной накануне нового года, мне было лет десять. В сельском клубе показывали фильм, мы тогда говорили «кино», о разбойниках. Одна сцена очень впечатлила меня. Разбойники сидели у большого костра, на котором жарилась тушка лесного оленя. Все разбойники с нетерпением ждали, когда мясо будет готово. И вот один из них, вернее всего их предводитель, отламывает от туши большой кусок мяса с костью. Держа кость обеими руками, он с аппетитом, смачно, стал откусывать, я бы даже сказал отрывать мясо от кости. Делал он это настолько эффектно, что у меня в буквальном смысле потекли слюнки. Ну очень мне хотелось взять такой кусок мяса и также аппетитно и смачно с ним расправиться, посылая в рот одну порцию мяса за другой. Сюжета этого кино я не помню. В памяти осталась только эта сцена. Запомнил я и то, что со мной происходило после окончания фильма. Бегом я бежал домой и с порога, скороговоркой высказал маме своё желание:

- Мама, в кино один дяденька ел такой большой кусок мяса с косточкой, я хочу также. Мама, свари мне большой кусок мяса, очень тебя прошу...

Мама спокойно выслушала мою сбивчивую речь и ответила:

- Толя, сейчас уже поздно, попей молока и ложись спать, а завтра к утру я что-нибудь придумаю.

- Мама, только не забудь: большой кусок мяса и обязательно с косточкой, - сказал я и пошел пить молоко.

Я долго не мог уснуть. Помню, раз или два смотрел на будильник, стоящий на столе. Мне казалось, что стрелки на часах остановились, и вообще не двигаются. С таким чувством ожидания я и уснул.

Мама пошла в кладовую и выбрала кусочек косточки с мясом, которую она приготовила на холодец, положила его в кастрюлю и поставила на лавку, чтобы к утру оно оттаяло.

Мама всегда вставала рано. Не помню ни одного дня, чтобы мама, лёжа в постели, провожала нас с братом Геней в школу. К нашему подъёму на печке уже что-то варилось, жарилось, парилось. Покушав, мы бегом торопились в школу и никогда не опаздывали.

Вот и на следующее утро, ещё лёжа в постели, я слышал, как мама готовит нам завтрак. Быстро соскочив, умывшись, одевшись портфель был готов ещё с вечера, у нас был такой порядок) я уже сидел за столом. И что я увидел: на небольшой тарелке лежал кусок мяса с косточкой, почти такой же, как у того разбойника, правда чуть поменьше. Мама сказала: «Вот, сынок, это твой завтрак». Я важно взял кусок мяса двумя руками и быстро с ним расправился. Я чувствовал себя предводителем разбойников и испытывал огромное детское счастье. На этом мои воспоминания обрывались, но на каком положительном моменте!

Что об этой истории можно сказать?

Мама не отмахнулась от меня, не стала ссылаться на занятость и нехватку времени, а выполнила мою просьбу. Детское желание было исполнено. Я получил полное удовлетворение. Тогда мне было просто хорошо. Это сейчас я могу сказать, что так относятся в семье к желанным, любимым, дорогим детям. Внимание, ласка, забота о детях возвращается родителям в их старости. Это неписанный закон семейных отношений. Любите своих детей, пусть они увидят, что Вы любите их...

14.04.2020 г.

Инкубатор для ужей

Наша деревня расположена между двух рек – Обью и Уенью. Одна широкая – до километра, другая узкая – метров тридцать в ширину. Место песчаное, легко прогреваемое. Благоприятное место для тех живых существ, которые любят и воду, и сушу. Речь пойдёт о земноводных и рептилиях. В бору много ящериц – различной длины, до двадцати пяти сантиметров и окраса в основном зеленовато-буро-серого. Встречаются ящерицы и в полях, лугах, берёзовых и ивовых зарослях. Но я хочу рассказать историю, связанную с ужами. Эти ползучие существа были нашими соседями, они часто селились возле хозяйственных построек человека. Одна такая ужиная семейка прописалась и в нашем огороде. Самка ужа облюбовала навозную кучу внушительных размеров – высотой 2-3 метра и диаметром до пяти метров, которая накопилась за зиму. С началом тёплых дней, покинув свою подземную «ночлежку», она несколько дней отогревалась и приступала к выполнению своего главного предназначения – продолжения ужиного рода. Ужиха в нескольких местах навозной кучи откладывала свои яйца, окрашенные в беловато-серые цвета. В кладке было 10-15 яиц. В навозной куче было несколько таких кладок.

С установлением тёплых дней в яичках вызревали маленькие ужата и по прошествии определённого срока оболочки яиц трескались, оттуда выбирались малютки – ужата и, погревшись на солнышке несколько минут, тут же расползались кто куда познавать окружающий мир...

На протяжении многих лет этот процесс ежегодно происходил у нас на огороде. Маленьких ужат мне пришлось видеть раза два, а вот подросших и взрослых особей чаще.

В июне из навозной кучи мы делали огуречные грядки. Работая вилами, перекладывая навоз из кучи, нередко видели кладки с ещё не вылупившимися ужатами. Поступали с ними по-разному: отбрасывали в сторону, на землю, что означало их гибель, или клали в грядку, оставляя им возможность выжить.

Взрослый уж - это черного цвета змейка, длиной около метра и диаметром в два, два с половиной сантиметра. Чешуйчатое тело без конечностей - отличительная особенность ужа, а также желтая полоска на голове. Ужи никогда не бывают серого цвета.

Иногда в деревню заползали змеи, но очень редко. Их боялись и старались убить. Ужей же, напротив, не очень боялись. Мальчишки знали, что они не ядовитые, ловили и брали их в руки. Отдельные смельчаки клали их даже под рубашку, чтобы попугать девчонок. Я лично видел только один такой случай. Сам я к ужам относился спокойно, как и большинство наших пацанов, но в руки никогда их не брал. Уже и не вспомню кто мне в руки сунул молодого ужа. Первое, что оттолкнуло меня - это его царапание мелкой чешуей кожи и холодность его тела. И это вызвало у меня чувство брезгливости. А ещё немигающие глаза, которые вызывали какой-то внутренний страх.

На страже ужей стояло крестьянское убеждение в полезности этих пресмыкающихся, охотящихся на грызунов, жаб и лягушек. Вот грызуны-то точно были вредны для хозяйства.

Бывало идёшь собирать в ведро спелые огурцы и видишь: между лунками, на тёплом навозе, свернувшись клубочком, лежит уж. Завидев тебя или услышав тебя, он тотчас же уползает, только хвостик и мелькнёт. Огурцы можно собирать спокойно. Следующий раз можешь наблюдать его дня через два, в зависимости от погоды.

Не знаю до сих пор почему, но уж и доверяли человеку самое дорогое – своих детёнышей. Ведь навозные кучи были в каждом дворе и почти в каждой из них самки ужа откладывали свои яйца, как в своеобразные инкубаторы. Часть ужат погибала (за ними любили охотиться курицы), но этот процесс каждый год повторялся. Могу предположить, что для ужей это был самый удобный вариант. За пределами деревни потери ужат, наверное, были более ощутимыми для сообщества ужей. Люди и эти неядовитые змеи мирно уживались друг с другом, принося взаимную пользу.

20.04.2020 г.

Кусочек сахара

Родился я в деревне Пристань Почта в большой крестьянской семье. Жили мы не то чтобы бедно, но, так скажем, скромно. Примерно так, как жило основное население, наши соседи. Лишней копейки на роскошь не было. Главное, выражаясь мамиными словами, рубаха-перемываха была, да хлеб-соль на столе не переводились. Отличительной чертой того времени было то, что все члены семьи трудились, выполняя для дома посильную работу. Все, что было создано трудом, заработано, шло на внутренние

нужды семьи. Когда я учился в начальных классах, а это начало 1960 годов, со мной произошел случай, оставшийся в моей памяти. Как-то вечером во время ужина пили чай с сахаром. Папа расколол большой кусок сахара на мелкие части. А мама разложила маленькие кусочки каждому члену семьи. Откусывая от своего кусочка сахарок, мы запивали его смородиновым чаем. Такое чаепитие называлось «пить чай вприкуску». И вот когда у меня закончился свой кусочек сахара, а в стакане было ещё больше половины чая, захотелось его подсластить. Сахар, небольшой кусочек, лежал только у маминой кружки с чаем. Я вышел из-за стола, подошел к маме и тихонечко ей сказал такие слова:

- Мама, дай мне свой кусочек сахара, а когда я вырасту, то дам тебе большой-пребольшой кусок сахара!

Мама подвинула в мою сторону свой кусочек сахара, я его взял, сел на своё место и допил свой чай, наслаждаясь вкуснейшим, сладчайшим маминым сахаром. Конечно же, я этот случай с кусочком сахара забыл. Вспомнился он мне тогда, когда мама жила в моей семье в Пихтовке. Этот случай почему-то возник в моей памяти во время вечернего чаепития. Я рассказал о нём маме, но она не могла вспомнить его. Да и это понятно. Такие сладкие кусочки получал не только я, но и все дети в нашей семье.

Я сдержал своё детское обещание. Последние годы своей жизни мама жила в моей семье, была окружена заботой, вниманием и любовью. Мы жили в достатке. На столе был постоянно не только сахар, но и другие разнообразные сладости: варенье, конфеты, торты. Но мне почему-то вспоминается тот маленький кусочек сахара, который мама отдала мне, своему маленькому сыну... отказав в нём себе.

Мама до последнего своего часа, а прожила она восемьдесят девять лет, продолжала отдавать нам, своим детям, внукам и правнукам, свою любовь и доброту. Такой она и осталась в памяти всех родственников.

5.04.2020 г.

Нитку в иголку...

Я в семье был последним ребёнком. Мама родила меня в сорок пять лет. Вспоминается один случай, который произошел в нашем доме, когда мне было лет пятнадцать. Обычный день, хозяйственные дела. Мама решила пришить пуговицы к моей рубашке, которые, надо сказать, отлетали довольно часто.

- Сынок, - обратилась мама ко мне, - вдень ниточку в иголку, что-то в ушко попасть никак не могу, видно нитка толстоватая.

Взяв иголку и ниточку из маминых рук, я произнёс слова, которые всплыли в моей памяти по прошествии многих лет.

- Мама, - сказал я, - это делается очень просто. Берешь иголку и вставляешь нитку прямо в ушко. Всё очень просто.

На маминых глазах я вдел ниточку в иголку, завязал на конце ниточки узелок и подал маме.

- Вот и всё, готово, - закончил я свой диалог с мамой.

Она молча взяла иголку и начала пришивать оторванные на рукавах рубашки пуговицы...

Прошло много лет... Жизнь ведь пролетает так быстро. Вот и мои подошли шестьдесят. Оказался в доме один. Нужно

было срочно зашить шов, который так не вовремя разошелся на рубашке. Иголка с ниткой нашлись быстро, они были рядом со швейной машинкой жены. Я оторвал нужной длины нитку, взял иголку и начал вдевать. Глаза вдруг заслезились, ушко никак не виделось в иголке. Нитка скользила по иголке и никак не могла найти ушко. Так и не смог я вздеть нитку в иголку. Пришлось взять другую рубашку. Кладя нитки и иголку на прежнее место, я вдруг вспомнил случай из далёкой моей юности...

Боже мой, я – юнец, учил свою пожилую маму вдевать нитку в иголку и даже преподнес ей, выражаясь современным языком, мастер-класс. Ну, что сказать – герой. А мама ведь молча взяла иголку и пришила пуговицы к рукавам моей рубашки. А ведь могла что-нибудь и сказать...

Жизнь время от времени преподаёт нам свои уроки, которые чаще всего бывают очень полезными. То спокойствие и терпение, с которым растили нас, своих детей, наши родители, отчасти передалось нам в виде привычек и черт характера. Спасибо им за это.

13.04.2020 г.

Переправа, переправа

Моя старшая сестра Валентина в 1960 году окончила пристаньпочтовскую семилетнюю школу. Школа тогда была ещё семилетней. Учась в седьмом классе, она получила задание (то ли от школы, то ли от клуба) выучить наизусть отрывок из поэмы Александра Трифоновича Твардовского

«Василий Тёркин». Отрывок начинался словами, которые бывшие ученики советской школы помнят до сих пор:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, -
Ни приметы, ни следа.

Сестра замахнулась выучить этот отрывок, довольно большой, почти на четырёх печатных страницы.

Уже первые строки раскрывают страшную картину военных будней красноармейцев в годы Великой Отечественной войны. Это уже потом я узнал, что автор был очевидцем всех описываемых им событий. Твардовский был военным корреспондентом, прошел фронтовыми дорогами и отступления, и наступления, закончив войну в Берлине – столице фашистской Германии.

Почтовый домик у нас был небольшим, половина пятистенничка. Комнатка да кухонька. На тот момент в семье было двое учеников: Валя – семиклассница и брат Гена – третьеклассник. Я в школу ещё не ходил. Мне ещё не было семи лет. Занимаясь какими-то своими делами, я время от времени прислушивался к тексту отрывка, который учила сестра, и повторял за ней:

- Тем путём идут суровым
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём кремнёвым
Русский труженик солдат.
Содержание отрывка мне не всё было понятно.
- Долги ночи. Жестки Зори

В ноябре к зиме седой - продолжала учить сестра. Эту картину я хорошо себе представлял. В ноябре речка не покрывалась льдом, и по ней плыла шуга изо льда и снега. А уж что холодная была вода, это уж точно. Мы свою скотину в это время ещё водили на речку поить, чтобы не носить помногу воды. Так коровы и те попьют немного, сделают паузу, потом ещё приложатся к воде – такая она была холоднющая. Уень в это время уже покрывалась льдом сантиметров на пятнадцать-двадцать. Я помогал маме возить на санках бельё для полоскания. От холодной воды у мамы были красные ладошки и пальчики. Вот ей вода не казалась холодной. Варезки она надевала только на обратном пути. На вопрос: «Холодная ли вода и не мёрзнут ли руки?» - мама отвечала, что когда работаешь – вода не кажется холодной, а прополосканные таким образом вещи были значительно чище, чем бы их полоскали в ванне. Мне было всё понятно: если надо для дома и семьи, значит вода делается теплее.

Но там, на фронте? Переправившихся бойцов разбомбила вражеская артиллерия. Многие солдаты-пехотинцы утонули в этой воде, перемешанной со льдом и снегом.

- Только вскоре стало тихо, -

- Переправа сорвалась... - повторяла несколько раз Валя.

Подвиг Василия Теркина, переплывшего ноябрьскую реку, чтобы сообщить командиру полка, что взвод закрепился, «жив-здоров назло врагу» и просит поддержать его огнём нашей артиллерии Твардовский описывает просто и без пафоса, по-военному. В те года и я принял это тоже просто.

Вслед за сестрой я непроизвольно запоминал отрывок. На второй или третий день заучивания всего текста я повторял его за сестрой сначала в уме, затем проговаривал вслед за ней. Настал момент, когда я, что называется, без запинки, стал рассказывать отрывок вслух, без опоры на текст. Какая опора на текст – в то время я читать ещё не научился. Надеждой была моя детская память.

Интонацию я полностью перенял от сестры и громким, торжественным голосом заканчивал отрывок:

- Переправа, переправа!

Пушки бьют в крошечной мгле.

Бой идёт святой и правый.

Смертный бой не ради славы,

Ради жизни на земле.

Как помнится, я был доволен самим собой, особенно, когда слышал похвалы от подружек сестры, которые бывали в нашем доме. А для них я читал отрывок несколько раз. Сама сестра выучила отрывок и достойно прочитала его, как она сама говорила. Всем понравилось её выступление. Я всё-таки думаю, что она выступала с ним в нашем сельском клубе. В то время была широко распространена художественная самодеятельность. Жители деревни сами готовили свои выступления и, таким образом, ставились целые концерты. Кто пел песни, кто частушки, кто читал стихи. На сцене разыгрывались различные миниспектакли, сценки.

Как напомнил мне брат Геннадий, папа просил меня почитать этот отрывок его друзьям фронтовикам, собиравшимся иногда у нас дома. Папа в 1943 году добровольцем ушёл на фронт. Его товарищи тоже участники

войны. Они даже говорили, что во время войны они читали поэму А. Твардовского, а иногда отрывки из неё слышали во время фронтовых концертов.

Прошло столько лет, а некоторые строчки так и остались в моей голове:

Переправа, переправа!

Берег левый, берег правый.

Снег шершавый, кромка льда...

25.04.2020 г.

Подсказка

В седьмом классе русский язык и русскую литературу вела у нас Людмила Васильевна Колесникова. Мне сейчас уже и не вспомнить, какое у неё было образование высшее, не высшее, но скажу одно - уроки её мы любили. Мне особенно удавались сочинения на свободную тему. Помню, какой у меня живописной выглядела осень, установившаяся по берегам нашей красавицы Оби. К сочинению нужно было нарисовать место, которое ты в нём описываешь. Как я ни старался, но рисунок больше чем на три с плюсом не тянул. И вода в Оби была не такая синяя, как бывает осенью, и деревья прощавшиеся с листвой не получались грустными. Но зато само сочинение, по отзыву Людмилы Васильевны, было замечательным. И она мне поставила общую оценку «отлично». Стихов почему-то писать самостоятельно она не задавала, и у меня они стали рождаться только по окончанию восьмого класса.

Вспоминается ещё один случай на уроке литературы. Людмила Васильевна вызвала меня к доске прочитать отрывок из произведения Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Дома я его выучил, не раз рассказывал самому себе, у доски чувствовал себя уверенно, но, по мнению учителя, рассказать-то я рассказал, да вот с интонацией получилось не совсем хорошо. В общем, она была даже склонна поставить мне пять, но засомневалась, рассуждая об этом вслух. Кто-то из класса предложил задать мне дополнительный вопрос по теме. Людмила Васильевна согласилась и задала мне, по моему мнению, трудный вопрос. А звучал он примерно так: «Кто из русских писателей девятнадцатого века наиболее ярко описывает народную жизнь, быт крестьян и женскую долю?». Меня сбили слова девятнадцатого века. Признаться, я не особо представлял себе, что это за годы и кто из русских писателей жил в то время, да ещё и писал наиболее ярко о крестьянах и женской доле. Но... для некоторых ребят он не казался таким трудным. Мой друг Коля Овтин, сидевший в среднем ряду за третьей партой, стал посылать мне сигналы правильного ответа, показывая на ученика, сидящего за второй партой. А за второй партой в двух метрах от меня, стоящего возле доски, сидел Саша Некрасов. Судя по его виду, он не знал ответа на вопрос учительницы, так же как и я. Но за его спиной Коля Овтин маячил мне, показывая на спину Сашки. Правда, иногда мы бываем настолько бестолковыми. Я ничего понять из его сигналов не мог. И только спасая моё положение, Людмила Васильевна спросила: «Толя, ну кто же этот писатель, как его фамилия?».

Я молниеносно сообразил, что у Сашки фамилия-то Некрасов. Я важно, с достоинством ответил полным ответом: «Русский писатель девятнадцатого века, наиболее ярко описывавший народную жизнь, и особенно женскую долю, был Николай Александрович Некрасов». Людмила Васильевна не стала ставить мне пять, но похвалила и поставила в журнал четверку, которой я был очень рад.

Об этой подсказке я рассказываю впервые в память о нашей замечательной учительнице Людмиле Васильевне и о нашем классе учеников Пристаньпочтовской восьмилетней школы 1968 года выпуска.

20.04.2020 г.

Юннаты

В нашей школе в 50-х годах был большой опытный биологический участок. Он так и назывался: «Пришкольно-опытный участок Пристаньпочтовской школы». Напротив здания школы, а это центр села, для него было выделено около тридцати соток земли. При существующей плотности населения это была большая роскошь. Но власти шли на это и школам выделялись такие участки, чтобы ученики, работая на участке, углубляли свои знания по ботанике. Расцвет этого опытного участка приходился на руководство им со стороны учительницы нашей школы Лунеговой Нины Яковлевны. На этом участке продолжалось изучение растительного мира на практике. Мы, деревенские дети, впервые увидели такие растения, как цветная капуста, капуста кольраби, физалис – мексиканский помидор, кабачки, патиссоны, баклажаны.

Много выращивалось цветов – настурции, бархатцы, мальвы, астры и многие другие. Повторю: многое, что выращивалось на пришкольном участке, для нас было открытием. Ставились различные опыты. Например: влияние глубины заделки клубней картофеля на урожайность, влияние яровизации клубней картофеля на урожайность и другие опыты над растениями.

Ежегодно осенью в школе проводилась выставка того, что было выращено на участке. Лучшие экспонаты выставлялись на всеобщее обозрение.

С такими выставками, обязательно красочно оформленными, наши ученики ездили во Вьюны, ближайшую среднюю школу, в Колывань – на районную выставку и в город Новосибирск в сельхозинститут – для обмена опытом работы.

В стране существовала и отлаженно действовала система изучения растительного мира учениками школ. Ребят, интересующихся ботаникой, называли юными натуралистами – юннатами. Издавали даже специальный журнал «Юный натуралист», где было много интересного и полезного, касающегося растительного и животного мира и опытнической работы. Юннаты были последователями великого советского биолога и селекционера Ивана Владимировича Мичурина. Именно его слова были написаны перед входом на пришкольный опытный участок: «Мы не можем ждать милостей от природы – взять их у неё – вот наша задача!» эти слова были девизом юных натуралистов. А в нашей школе их было немало. Мы с удовольствием участвовали в опытнической работе, которой руководила Нина Яковлевна. Я сам себя тоже относил к юннатам, был любителем природы. В нашем классе все с

удовольствием работали на участке и добивались отличных результатов. Коля Овтин за активную опытническую работу в 1966 году был поощрён путёвкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек» в Крыму. Это высокая оценка работы не только Коли, как юнната, но и всей школы.

Я упробил родителей, и они мне отгородили небольшой участок огорода, сразу за стайками, для ведения собственных опытов с растениями. Я сажал там яровизированный картофель, для этого клубни некоторое время перед посадкой выдерживал на солнце. Рядом с яровизированными клубнями сажал обычные клубни без проведения воздушно-теплового обогрева. Рядом были крошечные ящики с цветами – это были календула (мы её называли, ноготки) разноцветная космея, настурция, петушиный гребешок. Сажал несколько кустиков фасоли, бобов, гороха. Гордостью моего участка было невиданное по тем временам растение – физалис. Его и сейчас выращивают как декоративное растение. Физалис оригинален тем, что его плод – ягода – обрамлён чашечкой, и при созревании эта чашечка разрастается и окрашивается в оранжево-красный цвет. Один побег с несколькими такими чашечками уже оригинален! Но и сам плод, похожий на маленький томатик – помидор – может употребляться в пищу. С мамой мы варили варенье из этих ягод. Получалось оно довольно необычное, с характерным помидорным привкусом.

Когда я учился в 6-8 классах, этот участок действовал и приносил пользу нашему домашнему хозяйству, хотя, скорее всего, символическую. Но зато моё увлечение ботаникой находило в нём продолжение и применение. За это я был благодарен своим родителям. В 1968 году я окончил школу и поступил в Колыванский сельскохозяйственный техникум на отделение «Агрономия», и участок стал уже не нужен. На

этом месте в последующие годы ставили палатки для городских гостей: членов семей сестёр Шуры, Валентины, брата Геннадия.

И ещё одно воспоминание, связанное с этим участком, наверное, было весной 1967 года. Перекапывая землю, я нашел алюминиевую пряжку белого цвета немецкого солдата. На ней была изображена фашистская свастика и надпись «Got mit uns», что означало «С нами Бог». Эта пряжка попала в дом как трофей отца с фронта. Долгое время она хранилась у меня, а потом куда-то исчезла. Фронтовики привозили в качестве подарков для семьи и другие, более нужные вещи. Некоторые из них долгое время служили нам. К ним можно отнести швейную машину «Зингер», наборы посуды, солдатские фляжки для воды, различный инструмент и другое.

В Колыванском техникуме на учителя ботаники мне крупно повезло. Вера Ивановна Закорко, жена заведующего агрономическим отделением Александра Николаевича Сатыги, отлично знала свой предмет. Помнится, на полевой практике по предмету она объяснила нам название растений. – Вот, смотрите, – говорила она, держа небольшой белый цветок, – у меня в руках клевер белый, латинское название – *Triflium repins*, в народе его ещё зовут «кашка». Клевер белый – растение из семейства бобовых, по латыни *Leguminese*. Эту сцену вижу как сейчас. Как она помнила все растущие вокруг растения? Меня эта её эрудиция всегда удивляла и восхищала.

Я посещал кружок, который Вера Ивановна вела при кабинете. Мне достался опыт с картофелем. Как кожура сохраняет клубень от высыхания? – примерно так он формулировался. Несколько клубней очищалось от кожуры, взвешивалось и помещалось в коробку на хранение.

Проходило время, и клубни теряли вес, высыхая без кожуры. Этого не происходило с клубнями неочищенными от кожуры. Таких простых, несложных и поучительных опытов в арсенале Веры Ивановны было немало. Она была авторитетом для нас, учащихся, будущих агрономов.

Увлечение растениями я сохранил на всю жизнь. После окончания техникума я продолжал самостоятельно расширять свои знания о дикорастущих растениях, их названиях и свойствах...

26.04.2020 г.

Воронье коварство

Природа - удивительная вещь. Наблюдая за окружающим нас миром, не устаёшь удивляться гениальности Творца. Всё гармонично, соразмерно, последовательно происходит в живой природе. Всё взаимосвязано и всё прекрасно.

Почти все детёныши зверей и птиц привязываются к тому объекту, кто их кормит. И не обязательно это их биологическая мать. Телята бегом бегают за хозяйкой, которая поит их молоком. Хотя само молоко даёт корова. Также себя ведут ягнятки, поросятки и другие животные. Среди птиц такая же картина: старший, обязательно больший по размеру в сравнение с птенцом, который ведёт их к источнику корма – главный, за ним надо следовать...

А теперь история из деревенской жизни. Пристань Почта – деревня, расположенная между двух рек, давала возможность населению разводить водоплавающую птицу – гусей, уток. Они важно, особенно осенью, большими стадами ходили по улицам и кормились сочной травой за огородами

и водорослями на реке Уени. Соседская девочка Надя, окончившая второй считалась уже большой, ей можно было доверять самостоятельную работу. И такая у Нади была. В конце мая домашние гуси выпаривали гусят, и после двух-трёхдневного содержания дома в загоне, им необходим был простор. Поле за огородами до лесочка (он разделял огороды до реки Уени) было хорошим местом для того, чтобы гусят можно было пощипать молодую травку и быстро набрать вес.

И чтобы не гнать гусиху с гусятами через переулок, Надя собирала малышей в корзинку и через огород, по дорожке, выходила на лужок. Следом, громко, по-гусиному беспокоясь о своих деточках, бежала за Надей гусыня. Выйдя из огорода, Надя выбирала каждый раз новое место со свежей травой, выпускала из корзинки гусят. Гусыня, громко гагача, встречала своих детей, собирала вокруг себя и важно начинала учить их щипать травку, выбирая самую вкусную и полезную.

В обязанности Нади было следить, чтобы гусята не разбредались, чтобы гусиха не теряла из виду своих деток, и чтобы их не подхватил пролетающий коршун или какой-либо другой летающий хищник. Нельзя было пускать гусыню в лесок, там тоже немало опасностей: ямки, канавки, глухие заросли травы. Гусят могли разогнать пробегающие мимо собаки. Это тоже надо было предотвратить. Кроме этого, нужно было по ходу пути гусыни переносить корытце с водой и кормом. Всё это предусмотрела в наставлении её мама, а девочка добросовестно его исполняла.

Но однажды она столкнулась с такой ситуацией, о которой мама ей не говорила...

А получилось так. День выдался тёплым, но пасмурным, с лёгким ветерком. Было всё как обычно, гусыня повела гусят на свежую травку, те за ней, отвечая на её громкое гаканье

тоненьким попискиванием. Каким-то образом к гусятам присоединилась ворона, обычная серая ворона со своим мощным клювом. Она не каркала, мирно прыгала, даже ходила невядалеке от птенцов. Гусиха раза два или три, своим шипением и поднятыми крыльями, отгоняла её от гусят. А ворона, как ни в чём не бывало, снова оказывалась возле гусят, тихонечко прохаживаясь рядом с ними. Ходила она, ходила,, пока один из гусят не принял её за главного, и медленно, постепенно стал отдаляться от гусихи, следуя за вороной. Та уводила гусёнка всё дальше и дальше от стаи. Пощипывая травку, подавая сигналы мирным попискиванием, он зашёл настолько далеко, что ворона решила: она может его безнаказанно утащить на обед своим голодным воронятам, с утра сидевшим в гнезде в ожидании еды.

Из мирной попутчицы ворона вдруг превратилась в свирепую хищницу, набросилась на гусёнка, сбила его с ног и стала клевать по голове.

Сигналы о помощи беспшабашного гусёнка одновременно слышали и Надя, и гусыня-мама. Надя быстро отогнала ворону от гусёнка и взяла его на руки. Он был ранен, но - живой! По человеческим меркам, наверное, он находился в бессознательном состоянии. Немного полежав в прохладе, на травке, он медленно поднялся на лапки и сделал несколько дрожащих шажков. Сел, покрутив головой, поднялся и уже более уверенными шажками подошёл к гусыне-маме, спрятался у неё под крылом. Смертельная опасность миновала, а недели через две или три на голове этого бедолаги исчезли кровяные раны от удара вороньего клюва.

Вот такой приём использовала ворона, чтобы отвести подальше от гусихи гусёнка. И если бы не срочное,

моментальное вмешательство Нади, ворона утащила бы его. О такой вороньей хитрости никто в деревне не знал. Мама Наденьку похвалила за быструю реакцию, но и поругала за то, что на какое-то время выпустила гусёнка из поля своего зрения.

Удивительно создана природа. Хотелось бы узнать все механизмы, с помощью которых она существует миллионы лет. Мне кажется - это невозможно. Всё во власти Творца её.

21.05.2020 г.

Сорочьи сокровища

В народе широко бытует мнение, что сороки птицы очень любопытные, шумливые и непременно прихватят всё, что плохо лежит, т.е. неохраняемое. Эту птицу называют сорокой-воровкой именно из-за этой её особенности. Любят они селиться вблизи человеческого жилища. Наверное, им так легче прокормиться. Особенно в зимнее, холодное время.

И ещё есть у этих птиц одна слабость. Любят сороки всё блестящее. В их гнёздах находили кусочки стекла, зеркала, бусинки, колечки, небольшие цепочки, в том числе и золотые. Вот какие они, эти сороки-воровки. Снимет девушка дорогие серёжки, положит на пенёчек, чтобы в воде не потерять, а сама идёт купаться, да голову в речной воде помыть. Возвращается, а одной серёжки нет. Ищет, ищет девушка серёжку, а её нигде нет. Думает, что обронила возле пенёчка, так и возвращается домой с одной серёжкой. Наругают её родители да купят новые – негоже девушке без серёжек-то ходить, ведь почти невеста.

А серёжку-то унесла в своё гнездо сорока. Пролетала она над этим пеньком, солнечный блик от серёжек её остановил... Ну, не пролетать же мимо такой красоты. Обе серёжки в клюв не вошли, вот она и прихватила всего одну серёжку. Летит, серёжка в клюве блестит, все знакомые сороки ей завидуют. Но где ещё есть такая красота, сорока молчит. Мечтает и за второй прилететь, место у реки запомнила...

Я хочу рассказать вам, дорогие читатели, небольшую историю, которая произошла с моим товарищем Сергеем. И вы догадаетесь, почему я свой рассказ начал о сороках. Сергею было немного за двадцать. С молодой женой на отцовском «Москвиче» - это распространённая модель легковой автомашины в советское время - поехал он грибы посмотреть. Была первая половина сентября - разгар грибной поры.

Окрестности Пристань Почты - нашей родной деревни - изобиловали различными видами грибов, начиная от благородного белого гриба - боровика до разноцветных сыроежек. Корзинки наполнились быстро, грибы, как на подбор - крепкие, ядрёные, а главное, не червивые. Выбрав место на небольшой полянке, молодые решили отдохнуть под высокой раскидистой берёзой. Скушали по домашнему блину, запив свежим коровьим молоком. Грибники отошли от берёзы метров на десять. И надо же было Сергею посмотреть на макушку этой берёзы. Да, мои читатели, на самой вершине молодой красивой берёзы было сорочье гнездо. Сергей сразу понял, что это именно гнездо сороки. Он знал, что сороки строят свои гнёзда не как вороны, а с крышей, то есть из веточек надстраивают над гнездом что-то

наподобие кровли. Наверное, это дополнительно делает его защищённым от дождя и ярких лучей солнца. Птенцам хорошо и в дождь, и в жару.

Сергей даже не колебался: нужно обязательно слазить и проверить, правду ли говорят, что сороки любят всё блестящее. Его жена, девочка городская, такого, конечно, не знала. Она была удивлена такому порыву своего мужа, да и Серёга цель своего «восхождения» на вершину берёзы не стал ей объяснять. Берёза была метров двенадцать высотой, для Сергея это занятие известное. С отцом они как-то ездили в кандауровскую тайгу шишковать, так там кедры были высотой побольше двадцати метров. Поэтому ловко ухватившись за тоненькие, часто расположенные ветки, Сергей уже через пять минут рассматривал содержимое гнезда: никаких блестящих предметов там, к сожалению, не оказалось. А он надеялся спуститься с берёзы героем, держа в руках, например, золотое колечко, или цепочку. Ругая про себя хозяйку этого гнезда, не сумевшую в деревне найти для него дорогого подарка, он стал быстро спускаться вниз и за метра два до земли вообще совершил прыжок. О, как он об этом пожалел, но это было потом, а сейчас он почему-то одной ногой попал как раз на небольшой, но крепкий пенёчек рядом со стволом берёзы. Нога подвихнулась, хрустнула, её пронзила страшная боль. Он хотел встать на обе ноги, но из этого ничего не вышло. Он завалился на бок и какое-то время пролежал на траве, еле сдерживая себя, чтобы не заплакать.

К нему тут же подбежала жена. Ей, да и самому Сергею, было понятно: нога сломана.

Жена помогла Сергею дойти до машины, усадила мужа на заднее сиденье, а сама села за руль. Сергей с первых приездов на Почту научил её управлять машиной, и вот сегодня это очень даже пригодилось...

Узнав о случившемся, я навестил своего товарища в Колыванской центральной больнице, где он проходил лечение. В травматологическом отделении наши хирурги мастерски сложили ему кости голени и загнули. В таком виде я его и застал в больничной палате на втором этаже. Обменявшись деревенскими воспоминаниями (мы с ним не виделись года три), посетовав на неудачное «восхождение», я спросил, что же всё-таки было в этом злополучном сорочьем гнезде.

- Это же был сентябрь, - ответил мне Сергей, - там и лежало несколько жёлтых берёзовых листков и ничего больше.

Вскоре Сергея выписали, он вернулся в город. Но этот случай надолго запомнился всем нам, его друзьям и товарищам. А прочитав рассказ, теперь и вы знаете о нём. Вот и верьте потом в сорочки сокровища.

21.05.2020 г.

Мой дед

Мой дед по материнской линии Матыцин Василий Семенович был главой средней пахотноугольской семьи. Его жена Ирина Степановна родила ему семерых детей: сына и шестерых дочек. Семья была средней и по численности, так как в то время были семьи с десятью, а то и четырнадцатью

детьми. А вот по достатку Василий Семенович жил бедновато. А откуда достатку-то браться? Земля выделялась только на членов семьи мужского пола, на девчонок земельного пая не положено. Их доля – выходить замуж и жить за мужем. Василий Семенович был мастеровым мужиком, хозяйство хоть и бедненькое, держал в аккурате. Дети подрастали и как могли, приносили в дом хоть какую-то копейку. Девчонки нанимались нянчиться в домах состоятельных семей, полоть барские поля от сорняков, дергать лен и на другие мелкие посильные работы. Единственный сын был слаб здоровьем с детских лет и не отличался резвостью, быстро уставал. «На подхвате у отца», как говорили раньше, быть не мог. Ирина Степановна всю свою любовь и силы отдавала семье. Она была рукодельницей: и шила, и вязала, имела домашний ткацкий станочек. Дети были у неё чистенькие, обстиранные, сменка белья у всех была. Она не отличалась крепким здоровьем, но виду не показывала, дети и муж видели ее всегда в хорошем настроении, доброй и заботливой.

Малый земельный надел, выделенный сельской общиной, был недостаточным, чтобы прокормить такую семью. Хлеба до «нови», то есть до зерна следующего нового урожая не хватало. Ближе к весне запасы его заканчивались, не считая неприкосновенного семенного зерна. Василий Семенович запрягал лошадь, брал кого-нибудь из детей, как правило одну из дочек, и ехали они в соседнее село просить милостыню, чтобы как-то дожить до тепла.

В те годы малоземельем страдали многие крестьянские семьи, и многим из них тоже приходилось обращаться за поддержкой. Милостыню просили многие крестьянские

семьи, как правило, в конце зимы. В нескольких поездках участвовала и моя мама Пелагея Васильевна. Как она вспоминала, что милостыню просить в то время многим приходилось. Это было взаимовыручкой, способом выживания семей, попавших, выражаясь современным языком, «в трудную жизненную ситуацию».

Православная церковь поддерживала в верующих чувство сострадания, сопереживания, благотворительности. Мама говорила, что милостыню подвали в каждом доме, только она была разной. Кто давал кусок хлеба, кто два, кто половинку булки, подавали и картофелинами, и морковкой, свеклой. Перед православными праздниками подавали пирожки, булочки, кусочек «пасхи», куриное яйцо. По воспоминаниям мамы, милостыню подавали им с чистым сердцем и не считали это каким-то снисхождением для просящих. Традиции русской сельской общины были сильны в Европейской России. Каждый крестьянин знал, что если понадобится помощь, то и ему, так же бескорыстно, от всей души, будет поддержка общинников.

Своего деда Василия Семеновича в этом рассказе я вспомнил еще и в связи с интересным случаем, который произошел с ним. Он был крепкий, здоровый мужчина, нес на себе все заботы и тяготы большой семьи. Болеть ему, как вы понимаете, было некогда. Но болезнь, она настигает человека порой очень даже неожиданно. Так и у моего деда вдруг заболел зуб. С правой стороны, верхний, коренной. Многие из нас знают, что такое зубная боль. Что только не делала бабушка, чтобы облегчить участь своего мужа. Василий Семенович самогончиком прополаскивал ротовую полость, разные травы прикладывал, над чугуном с

картошкой грел, пеплом табачным натирал – ничего не помогало. Оставалось идти к земскому врачу. Благо, что земская больница в Пахотном Углу была. Взял дед петуха под мышку и пошел к доктору. Вид, конечно, был у него страдальческий. Посмотрел доктор на зубы, зубы у деда были крепкие, все как на подбор – белые, сверкающие. Пробуя зубы руками и медицинской лопаткой, доктор при осмотре, не обнаружил никаких внешних признаков разрушения зуба. Но дед указал на больной зуб, к которому было очень больно прикасаться. Доктор еще раз спросил, тот ли зуб болит, и решил его вырвать. Дед с радостью согласился. Умело вырвав крепкий зуб и спросив больного – есть ли сейчас у него зубная боль, доктор пошел на некоторую хитрость. Зубная боль у деда исчезла, хотя внешних признаков разрушения зуба доктор не увидел, как я уже говорил. В данной ситуации, чтобы больной ушел домой окончательно успокоенным, доктор совершил следующую манипуляцию с вырванным зубом. На глазах у деда он разбил молотком зуб, внутри которого был тонкий беленький сосудик – нерв зуба. Но деду сказал: «Вот причина твоей боли, – показывая на беленький сосудик нерва, – это червячок, который завелся в твоём зубе и не давал покоя». Дед с радостным видом и словами благодарности, уже без петуха, веселым шагом возвращался домой в свою Хомутовку, в свой родной дом, где его ждала обеспокоенная жена. Обычная трудовая жизнь главы семейства продолжалась прежним образом, уже без зубной боли.

Этому случаю более ста лет. Он произошёл с моим дедом Матыциным Василием Семеновичем в самом начале прошлого века. Как-то в разговоре с моими хорошо

знакомыми докторами-стоматологами Выродовым Юрием Алексеевичем и его женой Маргаритой Николаевной я решил уточнить, насколько реален такой случай, когда вырывают здоровый зуб и используется оригинальное объяснение зубной боли. В этом году я услышал объяснение такого немедицинского диагноза.

- Зуб болел?

- Болел.

- Зубная боль была?

- Была.

- Здоровый зуб вырвали – боль прошла?

- Прошла.

Как страдающему доступно объяснить причину боли? Некоторые зубные врачи давно используют эту сказку про белого червячка, как источника зубной боли. Больной верит, боль уходит, все довольны. Такой вот феномен зубной боли, а объяснению доктора, который облегчил твои страдания, конечно же, все верят. Как и поверил мой дед, как поверили все члены его семьи. А его доченька, Пелагея Васильевна, даже рассказывала об этом случае своим детям. А я, как внук Василия Семеновича, рассказал его вам, дорогие читатели. Это как улика из прошлого.

26.08.2020 г.

Туман

Чтобы справить школьную форму к новому учебному году деревенским мальчикам и девочкам приходилось много трудиться. Начиная с мая и по август, вместе с родителями и без них, школьники были заняты. В конце мая

– заготавливали ивовую кору, в деревне это называлось «драть дуб». Это название объяснялось просто: рубили ивовые ветки и с них обдирали кору. Её укладывали в небольшие тюки, сушили и сдавали. А почему – «дуб». Да потому, что в этой коре, вернее её отваре, замачивали и «дубили» шкуры домашних животных. Заготовленная кора использовалась, таким образом, в кожевенной промышленности.

В окрестных лесах росли различные ягоды: чёрная и красная смородина, малина, ежевика, клубника, калина, черёмуха, брусника, шиповник. Их тоже собирали, готовили для себя варенье, сушили. Но значительную часть собранного старались продать, чтобы получить деньги, которых всегда было мало.

Пристаньпочтовские женщины нашли и рынок сбыта – это базар в городе Новосибирске, он назывался Ипподромский рынок. Кроме ягод возили грибы, рыбу, овощи с огорода, мясо, мёд и другие продукты. Горожане с удовольствием покупали привезённое.

Дорога до города лежала по Оби. В ночь от нашей пристани отходил пароход «Урицкий», который ещё двигался по реке за счёт вращения лопастей. Позднее его заменили теплоходы с дизельными двигателями. Грузились со своими вёдрами и корзинами, а их было минимум по одной в каждую руку. Ехали всю ночь, а утром пароход подвозил нас к Чернышевской пристани. Оттуда пешком на базар. Торговля всегда была успешной. Продав привезённое, деревенские с удовольствием покупали городские товары: одежду, обувь, инструменты, посуду.

Мы с братом Геной часто бывали на Новосибирском базаре, сначала с родителями, а потом ездили вдвоём. Возили и ягоды, и рыбу, и грибы. В тринадцать-пятнадцать лет мы уже знали, как торговать, и что нужно было купить на вырученные деньги. Можно сказать, что наше поколение умело торговать ещё до того, как было объявлено о вступлении государства в рыночную экономику.

Вспоминается случай, когда мы с мамой, Пелагеей Васильевной Савельевой, ездили в двадцатых числах августа в город продавать лук, выращенный на собственном огороде. У мамы всегда вырастал хороший, крупный лук. Сажали несколько длинных грядок с расчётом на продажу. И вот, положив в корзинки несколько связок лука, мы поехали с мамой в город продать лук и купить мне что-то из школьной одежды и обуви. А что купить, зависело от того, как удачно или не очень удачно пройдёт торговля.

Кто вырос на берегу реки Оби, тот знает, что в августе на реке бывает туман. Порой он бывает таким густым, что не видно на расстоянии трёх-четырёх метров. Вот в такой густой туман попал наш теплоход. Каким-то чудом пришвартовывались на пристани острова Казачий. Ночь пришла, туман не проходит. Восемь утра, девять утра, теплоход стоит. Мама решает не ехать в город, а идти в Колывань и там продать наш лук. Мы сошли на дебаркадер и пешком двинулись до соседней деревни Скала (это в трёх километрах от Казачьего). Шли ходко. От Скалы до Колывани нас довезла попутная машина. Мама заплатила шофёру десять копеек и поблагодарила.

Базар состоял из нескольких рядов торговых лавок, я запомнил ещё какие-то небольшие деревянные ларёчки с

промышленными товарами. Мы зашли на базар с мамой уже к часам двенадцати или даже к обеду. Основная волна покупателей прошла. Но нам всё-таки удалось продать лук, хотя, как сказала мама, не очень удачно.

Мама купила мне к школе ботинки, фуражку, ремень и школьную сумку, которую носили через плечо. К вечеру мы были уже на Пристань Почте.

Мы, деревенские дети, участвующие в совместном труде со взрослыми и в формировании семейного бюджета, впоследствии, становились рачительными самостоятельными хозяевами своих семей, знали цену каждой копейке.

Туман, выпавший в ту ночь, немного подпортил нашу торговлю. В городе мы бы продали лук подороже и купили бы товара побольше. Но ничего не поделаешь. Туман на Оби - это серьёзное препятствие для всего речного транспорта. Были случаи, когда баржи с грузом садились на мель, бывали и столкновения. Суда, как правило, останавливались, бросали якорь и подавали сигнал гудком, чтобы не допустить столкновения при такой видимости.

Обь - это река моего детства. Она величественна, прекрасна и сурова. Не зря в переводе с татарского она означает «тётя». Но эта «тётя» поила нас, кормила нас, воспитывала и развивала нас физически, нас, живущих на её берегах. Жители деревни Пристань Почта с благодарностью и любовью относятся к своей реке - кормилице Оби.

25.08.2020 г.

Пошла в Тамбов

В 1934 году семья моего папы, Савельева Петра Алексеевича и его старшего брата Василия, переехала из деревни Береговая Плёса Кожевниковского района Томской области на Пристань Почту. В это время в деревне, тогда это было село, так как здесь был сельский Совет, шло бурное строительство. Возводились склады «Заготзерно», производственное здание сушильного завода, оборудовалась нефтебаза. Братовья нашли себе работу без всяких проблем. Правда, сложности были с жильём. Население быстро росло, дома не успевали строить. Первое время приходилось жить в землянках.

Но постепенно быт обустроивался. К сыну Алексею, 1928 года рождения, прибавились Виктор (1935 г.р.), Юрий (1940 г.р.), Александра (1943 г.р.), Валентина (1946 г.р.), Машенька (1948 г.р.), Геннадий (1950 г.р.), Анатолий (1953 г.р.). Алексей родился на Беговой Плисе, умер от тифа 01 августа 1937 года на Почте, Машенька умерла в 1953 году на Почте.

У дяди Васи, он был с 1894 года рождения, от брака с первой женой, умершей рано, было трое детей – Мария (1919 г.р.), Алексей (1923 г.р.) и Иван (1925 г.р.). Он женился второй раз на Дружининой Марии Ефимовне (по мужу, который погиб во время гражданской войны), у неё был свой сын Иван Семёнович Дружинин (1919 г.р.). Братовья жили меж собой дружно. У дяди Васи с тётей Машей дети были рождены в Пахотном Угле, что на Тамбовщине. Будучи маленьким, я ещё слышал удивительный тамбовский говор, диалект, который привезли со своей родины наши родители, но чётко и дольше всего, он, можно сказать, до последних дней её жизни, сохранился у тёти Маши – Марии Ефимовны

Савельевой. Он настолько запал в мою память, что когда в 2017 году мне посчастливилось побывать в этом прекрасном селе Пахотный Угол, я, послушав земляков своих родителей, сказал сам себе:

- Толя, ты это уже слышал! - А слышал я этот говор от тёти Маши. Она была старше моей мамы на десять лет и поэтому сохранила тамбовский диалект.

Я не случайно привожу это столь длинное вступление к своему, по сути, короткому рассказу.

Тётя Маша и дядя Вася с 1964 года переехали с Пристань Почты в деревню Скала, Колыванского района. Туда было решено перевести контору почтовой нефтебазы. А Иван Семёнович – сын тёти Маши, к этому времени стал директором нефтебазы. Все последние годы дядя Вася с тётей Машей прожили рядом с дружининской семьёй, которая была достаточно многодетной, старики, как могли, помогали в воспитании внучат.

В 1974 году, в восьмидесятилетнем возрасте, умирает Василий Алексеевич, в 1985 году, уходит из жизни мой отец, Пётр Алексеевич. Моя мама, Пелагея Васильевна остаётся жить в домике в Колывани, тётя Маша переходит жить в дом к сыну. Иван Семёнович однажды решил привезти тётю Машу к моей маме погостить. Две сношеницы, которых связывают долгие родственные отношения, конечно, нашли темы для совместных разговоров. Два или три денёчка тётя Маша погостила у моей мамы. Надо отметить, что у тёти Маши, а ей было уже 87 лет, начинались проблемы с головой. И вот, сидят они на кухне с мамой, ведут разговоры. Тётя Маша вдруг стала какой-то обеспокоенной, начала одеваться. Мама не могла ей помешать, только спросила: «Кума, ты куды пошла?» На что та ответила: «Я, кума, пошла в Тамбов».

И пошла, с улицы Ворошилова, 28, посёлка Колывань Новосибирской области, она пошла в Тамбов. По её представлению, он находился совсем недалеко, и она, конечно же дойдёт...

Что я хочу этим сказать, вам, дорогие мои читатели? Мария Ефимовна прожила в Сибири более пятидесяти лет, здесь живут её дети и внуки. А на подсознательном уровне, там, где-то глубоко-глубоко, она всё ещё в Тамбовском краю. Её родина – село Пахотный Угол, Бондарского района Тамбовской области. Тётя Маша, наверняка, в молодости не раз ходила пешком и ездила на лошади в Тамбов. Это осталось, это сохранилось. Конечно же, её, как и моих родителей, тянуло в Пахотный Угол. Мысленно они, наверняка, проходили по улицам своего прекрасного села и подолгу разговаривали с родственниками и соседями в Хомутовке, - так называется одна из частей Пахотного Угла.

Поэтому неудивительно, что на вопрос: «Кума, ты куда пошла?» - тётя Маша ответила: «Я, кума, пошла в Тамбов».

До последнего мои родители, мои родственники оставались жителями Пахотного Угла – прекрасной Тамбовщины.

10.06.2020 г.

Пристань Почта – деревня с удивительным названием

У нашей деревни, где я родился и вырос, удивительное название – Пристань Почта. Мы родились на Пристань Почте, окончили Пристаньпочтовскую восьмилетнюю (семилетнюю) школу. Уходили в армию и возвращались на

Пристань Почту. Между собой мы звали себя «почтовские». Так покороче и попонятнее для нас, жителей Пристань Почты.

Мой брат Геннадий рассказал мне одну историю с названием нашей деревни. После окончания местной школы брат уехал в город, как это делало большинство юношей и девушек из нашей деревни, да там и остался. Женился, завел двух прекрасных дочек. Связи с малой родиной Геннадий не прерывал и на выходные ездил на Пристань Почту к родителям. Гена с семьей жил одно время в четырехкомнатной квартире вместе с тестем и тещей. Жили хорошо, дружно.

И вот Гена с семьей уехали на Пристань Почту, а на квартиру звонит его товарищ. Телефонную трубку берет теща Геннадия, Нина Александровна, и происходит примерно такой разговор:

- Алло, здравствуйте. Позовите, пожалуйста, Гену.
- А кто его спрашивает?
- Товарищ по работе.
- А Гены дома нет. Он на Почте.
- Хорошо, я позвоню попозже.

Проходит около часа или чуть более того. Снова телефонный звонок, и снова Нина Александровна поднимает трубку:

- Здравствуйтесь ещё раз. Это снова я, товарищ Гены. Гены нет дома?
- Да нет. Я же говорила, что он на Почте.
- Хорошо, я перезвоню.

Проходит ещё час-другой и снова звонок. Тот же голос спрашивает:

- Гена не появился?
 - Да нет. Я же вам сказала, что он на Почте.
 - Странно, прошло уже столько времени, а он с почты не пришёл. Что он там так долго делает?
 - Гена уехал к родителям в деревню, которая называется Почта. Поэтому он будет в городе только в воскресенье, поздно вечером.
 - Тогда извините. Никогда не слышал, что деревня может носить такое удивительное название – Почта.
- Такой вот забавный случай поведал мой брат, связанный с названием нашей родной деревни – Пристань Почты.

01.05.2019 г.

Поучительная история

Обычный будний день главы администрации. Я сижу в кабинете, отвечаю на чьи-то звонки, сам звоню... Осторожный стук в дверь.

- Разрешите, - в кабинет входит мужчина лет 60-65.
- Да, заходите, присаживайтесь, - приглашаю я посетителя. Вид у него был какой-то подавленный, встревоженный какой-то проблемой.

Первое, что он спросил у меня:

- Нет ли в Пихтовке свободных незанятых домов, принадлежащих сельскому Совету?
- Таких у нас, к сожалению, нет, - ответил я, - а частные дома для покупки есть. Два-три дома в разных частях села.
- Да нет, этот вариант меня не совсем устраивает по очень простой причине. У меня нет денег. - горестно произнес посетитель. Вкратце он разъяснил свою жизненную

ситуацию. В последние годы он жил в гражданском браке с женщиной из соседней деревни. Жили хорошо, вели хозяйство. Два месяца назад она умерла. Похоронили, провели девять дней, сорок, а затем её дети заявили в ультимативной форме, чтобы мужчина покинул родительский дом. Идти же ему некуда, вот он и пришёл в сельский Совет с надеждой получить бесплатное жильё.

Внимательно выслушав посетителя, я спросил его:

- А собственных детей у вас нет? В этом возрасте родители, как правило, устраиваются поближе к детям, либо вообще живут с ними одной семьей.

- Есть, конечно, собственные дети. Теперь они самостоятельные, взрослые люди – с какой-то горечью в голосе произнес посетитель.

- Ну, вот и хорошо, - обрадовано воскликнул я, - это же замечательно. Надо вам ехать к ним. Или они живут отсюда далеко?

- Да нет, не очень. Все в пригороде и в самом Новосибирске.

- Так что же мешает вам ехать к детям? На проезд мы вам с деньгами поможем! – уверенно сказал я.

Мужчина не сразу смог ответить мне. Его вид стал не просто горестным, а каким-то жалким, поникшим. После нескольких минут молчания и нервного потирания рук он наконец-то произнёс фразу, которую я запомнил на всю жизнь:

- Я их не воспитывал... - с трудом произнёс пожилой мужчина.

Сначала я хотел было сказать что-то воспитательное, нравоучительное, но, мгновенно сориентировавшись,

промолчал. Что надо было ему сказать, ему сказала его судьба. И, наверное, сами дети, которых он оставил в малолетнем возрасте.

Он тихо покинул кабинет, так же тихо выехал с территории сельского Совета. Никаких весточек никто о нем не получал...

Какие выводы можно сделать? Думаю, эта история во многом поучительная. Заставляет задуматься тех, кто с легкостью уходит из семьи и забывает о том, что кроме любимых женщин есть ещё и родные дети, нуждающиеся в родительской заботе и ласке.

2019 г.

Ну, как вы там, в Сибири?

(Пахотный Угол. Тамбовская область)

Сибирские богатые земли давали отменный урожай, и первые годы не нуждались ни к какой подкормке. Вот поэтому на усадьбе у Тимофея лежала куча навоза, в общем-то, не востребованная.

Другое дело в Россеи. Там были в основном земли истощенные. Да к тому же было малоземелье при высокой плотности населения. Из-за земли было много различных столкновений между помещиками – собственниками земли и крестьянами, временно пользующимися ею за плату. Нередки были столкновения из-за межи - линии раздела соседских земельных участков. Иногда они заканчивались трагически.

По семейной легенде, мой дед, отец моего отца Алексей Иванович Савельев, был убит племянником в споре за землю,

на меже. Я побывал на родине своих родителей в селе Пахотный Угол Бондарского района Тамбовской губернии. Село большое, до революции 1917 года в нём проживало более четырёх тысяч человек, пахотной земли не хватало, спор мог возникнуть из-за каждого метра. Наверное, так и получилось среди «савельевской» родни.

Сейчас в селе проживает, наверное, только третья часть прежнего населения. Земли хватает всем, есть даже брошенные участки. Прошло сто лет, а как резко изменилась ситуация в деревне. Земля потеряла для селян ту цену, которую она когда-то имела.

Село замечательное, старинное, основанное в 1695 году стрельцами. Церковь стоит прекрасная, в пять куполов, Богоявленская. 55 километров до Тамбова. Пробыл в селе три дня, жил в семье своего сродного брата – Ивана Федоровича Матыцина, брата по материнской линии, и его жены Евгении Андреевны. Он помнил рассказ об этой трагедии. И что меня больше всего удивило? Живёт мой брат средне, в не большом достатке, но спрашивая о моём житье-бытье в Сибири, он как-то с жалостью ко мне спросил: «Ну, как вы там, в Сибири-то?».

Сибирь у простых людей, не видевших эти края, перемены, которые здесь произошли, по-прежнему считают наши с вами места, тяжёлыми для жительства. Они добровольно бы сюда не поехали. Поэтому и такие переживания за нас, переселившихся в далёкие Сибирские земли.

Дорогие земляки, отсюда и вопрос: «Ну, как вы там, в Сибири?»

28.08.2019 г.

Бурундук

Мои родители, как говорила мама, пятьдесят лет держали корову. В годы войны, как бы ни было трудно, мама, оставшаяся одна (отец был призван на фронт) с малолетними Виктором (8 лет), Юрием (3 года), Шурой (1 год) продолжала держать свою «рогатину», которая была кормилицей для такой семьи. Как говорила мама, соседям и эвакуированным она время от времени отливала часть молока, чтобы поддержать их малолетних детей.

И вот с военных сороковых я переношу свой рассказ в мирные 60-е годы. Лето, идёт заготовка сена для коровы, в деревне это называется покос. На покосе участвовали все домочадцы, которые в меру своих сил и умений косили, сгребали, копнили, метали, ставили стога. В один из таких дней на покос пошёл с нами муж моей сестры Фёдор Равдин. Запомнилось не то, как он косил и сгребал, а совсем другое. Было время обеда, мы сидели у костра, хлебали какую-то похлёбку. Покос был на опушке леса. Мы все видели, как по деревьям шныряли бурундучки – мелкие полосатые зверьки, немного похожие на белок. И вот один из них спрыгнул на траву и, оказавшись на небольшой кочке, встал на задние лапки, поджав передние, и, покручивая головой, рассматривал нас. По крайней мере, так нам казалось. Федя, быстро схватив железные вилы, ловко метнул их в сторону бурундука. Расстояние было около десяти метров. Вилы точно попали в бедного зверька, прижав его к земле. Мы с братом Геной и сам Федя бегом ринулись к бурундуку. Тот испуганно крутил головой, издавая характерный для этих зверьков свист. Но вот что самое интересное и доброе в этой истории: вилы хоть и попали в бурундука одним из своих зубьев, но лишь легко задели шкурку на его боку. И когда

Федя вытащил из земли вилы, бурундук с этой лёгкой царапиной резво забежал на ближайшее дерево и уже через секунды был на его вершине. В знак своей вины мы оставили зверьку хлебных сухарей, которые к следующему дню были съедены. Бурундук остался жив, и в другие дни мы наблюдали его, отличая его от других по царапине на правом боку.

Вот такая была история. Она передаётся в нашей семье, как весёлая байка, рассказывающая о ловкости нашего зятя Фёдора Фёдоровича Равдина.

29.07.2018г.

Совята

В шестидесятые годы прошлого столетия многие подростки школьники в семьях нашей деревни как могли, помогали своим родителям в пополнении семейного бюджета. В деревне по материальному достатку жили все как-то ровно. Поэтому работали все. Пристань-Почта была как бы речными воротами Колыванского района. Хлебоприёмный пункт собирал зерно со всего района, делал первичную обработку и просушку зерна. Это зерно баржами по Оби отправляли на Новосибирский мелькомбинат.

Нефтебаза принимала горюче-смазочные материалы, которые на бензовозах развозились по району. К берегам деревни речные суда-толкачи пригоняли баржи с различными продуктами, и мы разгружали их на склады. Помню, все мальчишки работали на разгрузке рассыпной соли, она шла на фермы для животных.

А ещё многие семьи в конце мая и в июне занимались заготовкой дубсырья. Дубы на Пристань Почте не росли, их заменяли ивы – «белотал», «желтотал» – кору с которых мы сдирали, связывали в пучки по 5-10 килограммов, сушили и сдавали в заготовительные пункты по десять копеек за килограмм. Такие ивы-кустарники, достигавшие 5-7 метров в высоту, росли повсеместно и за Уенью – нашей небольшой речкой, и за Обью. В общем, повсеместно. Кора шла для кожевенной промышленности, с её помощью «дубили» кожу, чтобы та становилась прочнее и эластичнее.

Мы с братом Геннадием часто занимались этими заработками. И вот как-то за Уенью мы среди кустарников на высокой черёмухе обнаружили гнездо, очень напоминающее сорочье, то есть немного закрытое сверху веточками. Но оно было не сорочье. Из него вылетела сова. Ни до, не после этого случая, не приходилось видеть гнезда совы. Эти птицы очень осторожные и поэтому строят свои гнёзда вдали от людей. А эта вот совиная пара отчаялась и буквально в километре от деревни смастерила жилище для птенцов. Гена сразу отбросил топор, которым он рубил ивовые жерди и полез смотреть: кто же там в гнезде? Оказалось, там сидели уже оперившиеся совята. Летать они не могли, но уже были довольно шустрые. Полюбовавшись на этих пушистиков, брат взял одного из них, а их было два, и спустился, чтобы показать его мне. Я с восторгом глядел на пушистое чудо. Налюбовавшись, я уже сам положил птенца обратно в гнездо.

Работа наша продолжилась.

На следующий день мы снова пришли на этот же участок, глянули на гнездо – всё на месте. А когда подошли ближе, то увидели страшную картину. Совёнок, которым мы

вчера любовались, лежал на земле под гнездом без признаков жизни. Забравшись на дерево, брат увидел в гнезде одного птенца. Брать в руки он его не стал.

Оказывается, родители этих совят приняли решение и выбросили птенца из гнезда, чтобы запах человека, который мы оставили на нём, не смог привлечь в гнездо тех же сорок и других любителей хищников. В природе устроено всё так, что включаются механизмы защиты детёнышей, как птиц, так и диких животных, от постороннего внимания. Вмешательство человека в этот механизм убийственно. Поэтому, чтобы обезопасить гнездо от посторонних глаз, особенно хищнических, родители совы приняли решение избавиться от совёнка, которого мы брали в свои руки, чтобы не накликать беду на другого и тем самым спасти его от неминуемой гибели. Вот такой суровый закон природы совы выполнили инстинктивно, чтобы сохранить свою популяцию и оставить наследство, продолжив свой совиный род.

27.07.2018г.

Советы, как узелочки на долгую память

Не перестаю удивляться и восхищаться мудростью своей мамы Пелагеи Васильевны. Откуда она, совершенно неграмотная женщина-крестьянка черпала мудрость, которую передавала нам, своим детям, как советы. Эти советы, правила и нормы поведения, мама ненавязчиво утверждала в нас, и с годами они становились нашими привычками...

Когда я уходил из дома в школу, на работу, на какое-то мероприятие, мама всегда говорила: «Сынок, платочек-то

взял? В дороге, в людях ручки вытереть, слюнки, сопельки убрать, а платочка нет. Ты уж возьми носовой платочек». Даже если мамы не было рядом, я сам себя спрашивал: «Толя, платочек то взял?».

Как сейчас помню, мама меня наставляла: «Сделал тебе человек доброе дело, скажи ему не один, а два раза спасибо. Это такое волшебное слово: означает «Спаси, Боже!». С годами я разобрался, что означает это великое слово «Спасибо». Человеку, сделавшему доброе, в ответ желают спасения и поддержки Бога Нашего, а это такая великая Поддержка, на всём белом свете верней и надёжней которой нет.

Помню, когда я работал в Пихтовке, в сельском Совете. Это были лихие 90-е годы. Много в то время не ладилось. Пришёл как-то домой расстроенный – прерасстроенный. В школьной котельной что-то сломалось, в детском саду не можем заменить провалившийся пол – пиломатериала не было.... Из районной администрации строго указали на опоздание с отчётом и ещё что-то. И всё в один день.... И так мне было тяжело. Зашёл в дом, прошёл к окну и стою – одни тяжёлые мысли. Мама подходит ко мне и тихонько говорит: «Сынок, царей ругают...». Это было сказано с таким участием, такой простотой, что мне сразу стало ясно: царей ругают, - а ты Анатолий свет Петрович, - наверное, возомнил себя выше царя, что уже и поругать-то тебя нельзя? Посмотрите-ка, начальник, пуп Земли.... Состояние угнетённости улетучилось мгновенно. И стало так легко, просто и ясно. Жизнь продолжается!

Другой раз, когда она увидела моё угнетённое состояние, также, как бы ни к кому не обращаясь, хотя я стоял возле неё у окна, она произнесла другие лечебные

слова. «Да, - Пихтовка - большое село, раньше сюда людей ссылали, а кое-кто, - и она посмотрела в мою сторону, - приехал сюда добровольно». И всё. «Толенька, - подумал я про себя, - ведь и тебя в Пихтовку никто на канате не тянул». Виктор Михайлович Ноздрюхин, работавший тогда Главой администрации нашего района, пригласил меня в свой кабинет и просто предложил: - «Толя, не поедешь ли в Пихтовку, поработать в сельском Совете, на несколько лет. Обещаю, что по возвращении ты получишь в Колывани благоустроенную квартиру». И я, не раздумывая, согласился. Сам захотел сменить обстановку в своей жизни, да ещё потому, что уважал Виктора Михайловича и доверял ему. Мне хотелось поработать непосредственно под его руководством. Сожалею лишь об одном и горько скорблю, что Виктор Михайлович не дожил до моего возвращения из Пихтовки. Он руководил районом двадцать лет. Был одним из самых ярких руководителей своего уровня, настоящим хозяином нашего района. Так что, Толенька, обижаться тебе не на кого. Как гласит народная мудрость: «Взялся за гуж и не говори, что не дюж». И в этой ситуации мамины слова снова заставили внутренне меня собраться, мобилизоваться и достойно продолжить работу на своём месте.

Хочу ещё раз подчеркнуть для всех моих читателей, особенно юных: волшебное слово «СПАСИБО!» означает особенную благодарность человеку, который сделал для тебя какую-либо услугу. В знак этой благодарности человек обращается к нашему Господу Богу - Спаси, Боже, этого человека, ведь он сделал для меня доброе дело! Наш народный целитель Порфирий Иванов, каждому, кто обращался к нему за помощью исцеления, ставил условия, среди которых обязательное - желать окружающим здоровья

и говорить «Спасибо!». Моя мама не была знакома с Порфирием Ивановым, хотя жила с ним в одно время, но всегда наставляла нас, своих детей: «Сделал тебе человек доброе дело, уважил тебя в чём-нибудь – не раз, а два раза скажи спасибо. Два раза попроси Господа Иисуса Христа помочь ему, а может быть при необходимости спасти его за его доброту». Пожелание здоровья и благодарность словом «Спасибо!» должны быть обязательным правилом общения между нашими людьми. И детей надо учить этому с самого детства. «Привет!», «Салют!», «Пока!» - все-таки надо использовать в общении как можно реже. Пора нам всем вернуться к традициям русского народа и говорить друг другу всегда: «Здравствуйте!», «Спасибо!», «До свидания!»....

А что значит наказ с детских лет – «У соседа чужого не бери»? У «каристянина», так мама произносила слово «крестьянин», всё добывается мозолями. И показывала свои натруженные руки. Эту сцену и её голос слышу до сих пор. Это же говорю уже своим детям и внукам.

Наше детство проходило бедновато. Но питались хорошо, была корова, другая живность, а вот свободных денег как-то не было. Подходил какой-нибудь праздник или день рождения. Помню, я говорю маме: «Мама, сегодня большой праздник, а у нас нет никаких гостинцев из магазина». На что мама отвечала: «Сынок, а у нас деньги только на хлеб да на сахар. А праздничный день как подошел, так и пройдёт». В нашей семье не делалось больших запасов продуктов. Не помню сахар, крупу, лапшу, стоящими мешками да коробками. Папа по этому поводу говорил: «Бог даст день, Бог даст пищу». Только с годами я смог понять эту великую Божественную истину.

Я благодарен своим родителям, что они оставили мне в наследство такие мудрые наставления. Мне бы очень хотелось, чтобы и новое поколение нашей фамилии следовало им. Может быть и кто-то из моих читателей пожелает вернуться к кладезю мудрости русского народа.

октябрь 2018 г.

Лукерьяин квас

Нынешним летом я услышал рассказ об одной женщине-землячке, которая прославилась в нашей деревне. Славу ей принесло мастерство по изготовлению удивительного, исконно-русского напитка. Какого? Давайте же все по порядку. Героиню назовем именем Лукерья.

В молодости Лукерья была, как и все деревенские женщины, трудолюбива, использовала все средства, чтобы накормить, напоить, обшить и обстирать всех членов семьи. Особых разносолов не было, и поэтому Лукерья часто прибегала к использованию такого распространённого в те годы напитка - кваса. Простого деревенского кваса. Для вкуса и резкости добавляла различные травы, для цвета использовала пережжённый сахар, овощные и ягодные соки. Знала ещё с десятков кулинарных секретов, благодаря которым слава о её квасе облетела всю деревню. И заводить квас она стала уже в деревянном бочонке – «лагушке», как его называли в деревне, ведра на полтора-два. Женщины-соседки сами приходили к Луше или присылали своих ребятишек за лукерьиным квасом, чтобы порадовать домочадцев кваском, как бы сейчас сказали: «От Лукерьи».

И вот приходит однажды соседка, просит налить ей литра два кваску. Все для окрошки у неё было готово, ну а квас, как обычно, она планировала взять у Лукерьи. А та ей говорит: «Знаешь, квас-то вчера закончился, а свежий я ещё не успела поставить». Соседка была удивлена такому обстоятельству. Да как это? У Лукерьи и нет кваса. А ей-то сейчас как быть? Дома-то все ждали окрошки. И вот слова, произнесённые соседкой стали верхом оценки качества кваса, который ставила Лукерья.

Уходя, та в сердцах произнесла: «Ну, вот, похлебали окрошки». И по-деревенски взмахивая руками, ещё несколько раз повторяла по дороге в свой дом: «Ну, вот, похлебали окрошки»... Такой был у Лукерьи квас.

2018г.

Песня по заявке

Я всегда любил русские народные песни. В нашей семье пел мой отец – Савельев Пётр Алексеевич. От него я услышал много русских народных песен: «Соловей кукушку уговаривал», «Лучинушка», «Позабыт, позаброшен», «Отец мой был природный пахарь», «Берёзонька»..., а также песни советского периода: «За окном черёмуха колышется», «Ох помирать нам рановато», и некоторые другие. Я сам всегда пел и в детстве: до школы, в школе.... Участвовал в сельских концертах в деревенском Пристань-Почтовском клубе.

В школе одно время учительница русского языка и литературы Людмила Васильевна Колесникова организовала небольшой ученический хор, я и в нём участвовал. Это было

первое пение под музыку. Муж Людмилы Васильевны был баянистом и аккомпанировал нашему хору.

В техникуме в хор меня наш руководитель ансамбля песни и танца «Юность» Владимир Иванович Турыгин не взял, а предложил играть в оркестре русских народных инструментов на домбре тенор, которую я быстро освоил и участвовал во всех концертах ансамбля, даже был участником поездки в 1970 году в г.Москву.

Но любовь к пению пронёс через всю свою жизнь и боготворил всех, кому было суждено прожить жизнь солиста на малой или большой сцене. Мне нравились песни в исполнении К.Шульженко, Л.Руслановой, Л.Утёсова, Л.Зыкиной, Г.Ненашевой и многих наших солистов песни.

Особое чувство восхищения, преклонения перед талантом исполнителя у меня возникло тогда, когда я услышал пение сначала по радио, потом по телевидению, а затем и воочию, солистки Государственного академического Сибирского русского народного хора Галины Меркуловой. Маленькая ростиком, такая вся русская, с красивым лицом и девичьей косой, она покорила меня своим голосом и особенной, свойственной только ей, манерой исполнения. Песни: «Махонька», «У старого колодца», «Может льдиночка растаять» до сих пор звучат в моей памяти. Но есть в её репертуаре песня, которая сразила меня, что называется, наповал. Это песня - «Перепёлка». Какие слова, какая музыка, какая солистка. А артистизм, голос, интонация? Это было великолепно, восхитительно, народно и по-девичьи проникновенно.

Я бывал на концертах с её участием у нас в Кольвани и, наверное, аплодировал громче всех, и восклицал «Браво!» И

вот в один из приездов хора в Колывань летом 1978 года я решился на встречу с солисткой. Был дан концерт в районном доме культуры, а на следующий день коллектив уезжал с выступлениями по району. Был целый вечер, который участники хора провели в нашей гостинице. Этот вечер для меня был подарком свыше, от Бога. Гостиница в то время находилась на улице Рев.Проспект (сейчас в этом здании – контора наших коммунальных служб). Так вот, было ещё не совсем темно, я пришёл в гостиницу и попросил, чтобы на крыльцо вышла Галина Меркулова. Она вышла не одна, со своим мужем Петром, солистом балета. Я объяснил цель своего визита, сказал, что по заданию редакции газеты «Трудовая правда» хотел бы взять у знаменитой артистки интервью. Дело в том, что я действительно тогда был сотрудником районки. Солистка согласилась, и у нас началась беседа. Я слушал певунью, не отрывая от неё своего взгляда. Естественно, ничего не записывал. Просто слушал её рассказ о себе. А сам думал: «Нет, этого не может быть, это не Галина Меркулова, и слушаю её не я. Мне это всё привиделось...».

Я на самом деле не помню ни одного слова из её рассказа. Помню только песню. Песню «Перепёлка», которую я посмел попросить спеть для меня. Было уже темновато. Она согласилась. И вот в летней тишине колыванского вечера звучал её божественный голос. Кто знаком с творчеством Меркуловой, тот помнит, как звонко и чётко она выводила каждое слово, казалось, звучал не её голос, а пела девичья душа, вызывая у слушателей сильнейшие чувства переживания, страдания и слёзы восхищения талантом этой сибирячки.

Песня закончилась. Я сказал что-то невнятное и ушёл. Никакого интервью в газете, конечно, не было. Была и осталась только песня, которая звучит во мне до сих пор. Песня, исполненная по заявке, моей заявке....

14.01.2018 г.

Поздравление

Эта любовная история произошла в начале 90-х годов, когда моральные устои нашего общества заколебались и даже частично начали рушиться. На фоне перестроечных процессов в первую очередь начала страдать семья. В молодых семьях это протекало менее болезненно, а семьи со стажем рушились драматично. Мой рассказ о двух молодых семьях, женщины в которых, как могли, боролись за своё счастье.

Дима и Ирина жили два года. Получили квартиру в колыванских черёмушках. Жили, как и все. Были свои беды и радости. Детей заводить не торопились, хотели пожить «для себя». В этой семье жизнь «для себя» как-то не клеилась. Отсутствие детей переключало супругов на пристальное внимание друг к другу. Это вроде бы хорошо. Но есть и другая сторона. Супруги начинали замечать друг в друге какие-то недостатки, не видимые в начале их совместной жизни. Ирина, кроме этого, была женщиной «собственницей» и страшной ревнивицей. Ей всюду и во всём виделось стремление мужа изменить ей. Ей казалось, что он готов бежать за каждой юбкой, какие-то опоздания с работы она связывала только с любовными интригами Дмитрия.

Честности ради надо сказать, что молодой супруг и не собирался изменять жене. Он был доволен своими отношениями с женой, и всё ему нравилось. Он просто был счастлив, и его общительность всем нравилась. Да и сам он получал удовольствие от общения с теми, кто его окружал.

Другое дело Ирина. До свадьбы у неё была подруга Наташа. Как-то ей показалось, что та восторженно смотрела на Дмитрия, и сразу прекратила отношения с ней. Но до конца порвать отношения с подругой было просто невозможно. Дело в том, что Наташа жила в этом же подъезде, но только на первом этаже. И хочешь, не хочешь, а встречаться приходилось. Это ещё сильнее раздражало Ирину, и ревность овладевала ею по разным мелочам.

Как то из окна своей квартиры она увидела, что муж помог Наташе нести габаритную, но лёгкую телевизионную антенну, которую та купила в универсаме. Ей показалось, что они шли и прямо-таки влюбленно «ворковали» друг с другом. Объяснение Димы, что он случайно встретил Наташу, что кроме антенны у неё было ещё два пакета, на Ирину не возымело никакого действия. Был грандиозный скандал и была бессонная ночь. Другой раз Ира увидела Дмитрия и Наташу, стоящих у подъезда и «мило» разговаривающих. Муж почему-то не торопился домой, а ведь на столе уже всё было готово к ужину. И снова вместо мирного ужина – очередной скандал и опять бессонная ночь. Ирина становилась всё более раздражительной и нервной. А Дмитрий всё угрюмей. Как-то исчезла его прежняя весёлость. Прошёл ещё год. В семейных отношениях ничего не менялось. Ирина, раздираемая ревностью, забыла, что для Дмитрия она в первую очередь жена, и её истерики только

рушат семейный очаг. Всё чаще свои гневные и обличительные слова та заканчивала фразой: «Что, нравится тебе Наташка? Я для тебя плохая, ну и шёл бы к ней жить!»

Дима как-то вскользь сказал об этих пожеланиях своей жены её подруге Наташе. Идея бывшей подружки ей пришлась по душе. Она сделала несколько женских обворожительных усилий. И Дмитрий действительно оказался у неё. На первых порах своё присутствие у Наташи он никак не показывал. По крайней мере, Ирина не знала, куда вдруг исчез её суженый. Прошло две недели и тайное убежище Дмитрия вскрылось. Причём самым необычным образом.

В 90-е годы в Колывани широко использовалось местное телевидение. Делалось много объявлений, передавались телерепортажи о происходящих событиях в жизни Колывани и района. Особой популярностью пользовалась передача поздравлений. Я вспоминаю, какие они были яркие, эффектные. Люди с удовольствием поздравляли друг друга со всевозможными Днями и Юбилеями. Подходил день рождения Ирины. Дмитрий, всё ещё бывший мужем Ирины, и Наташа, не забывшая, что когда-то она запросто отмечала с подругой этот день, решили воспользоваться праздником. В те годы была очень популярна песня «Ты не рви на груди своей рубашку», она была, как тогда говорили «шлягером». Так вот этот шлягер в исполнении Татьяны Овсиенко и заказали имениннице Ирине подруга Наташа и муж Дмитрий. Как уж так получилось, но Ирина смотрела эту передачу поздравлений. И когда Татьяна Овсиенко пропела:

«Ты не рви на груди своей рубашку!

Изменил – так душой не криви!

Уходи и люби свою Наташку:

Обойдусь я как-нибудь без твоей любви!»

... она моментально поняла, где искать мужа. Бросилась на первый этаж и начала кулаками и ногами колотить в дверь бывшей подруги. За дверью молчали и ей не открыли. Ещё некоторое время, побесившись у двери, она, обессиленная, поднялась в свою квартиру, рыдая, пластом упала на кровать. Несколько часов лежала, изредка ударяя кулаками по одеялу и подушке.... Сначала она впала в какое-то беспамятство, а потом крепко уснула...

Вернуть Дмитрия в семью Ирина не смогла. Наташа удержала его, и они поженились. А Ирина вышла замуж вторично и была счастлива в браке. У неё выросли замечательные дочери.

24.07.2018г.

Детские забавы

Я благодарен господу Богу, что моей родиной явилась удивительная деревня Пристань Почта. Расположена она между двух рек - узенькой и шустренькой Уенью и величавой полноводной Обью. Для наших жителей они были кормилицами в самом прямом смысле этого слова – рыба, дичь, обилие диких животных, ягод, произрастающих вдоль берегов этих рек, круглый год питали моих земляков.

Для нас – ребятни, речки служили местом купания, различных игр и отдыха. И тоже – круглый год.

Купальный сезон мы открывали на первое мая и обязательно на Уени. Наш край присмотрел удобное место,

которое мы именовали «зимником». А называли мы его так, потому что оно долго не замерзало с наступлением холодов. Так вот на этом «зимнике» и начинали мы купание весной. На берегу разжигали небольшой костер и, после нескольких минут заплыва и ныряния, мы выскакивали из воды и бежали греться к костру.

В мае же успевали купаться в небольшом озере под горой напротив школы – после уроков и даже во время перемен.

К концу месяца, не забывая Уень, переходили на Обь. Она притягивала ребятню песчаными берегами и отталкивала каменистым дном, неудобным для босых ног. Но все равно выбирались места с песчаным дном и берегом, и там проводилось купание по несколько часов с обязательным отогреванием на горячем песке. А сколько игр было у ребятни во время купания! Плоскими округлыми камешками в броске по водной глади считали «блинчики», и у кого из мальчишек получалось больше, тот выходил победителем из этого состязания. По кромке берега вырастали целые песчаные замки, правда, они были недолговечными – волны от проходящих мимо теплоходов, буксиров, моторных лодок в одно мгновение оставляли от них небольшие бугорки. Мы закапывали друг друга в песок, играли в забавную игру, которую называли «слюнка». Очень простая, но требовавшая от участников смекалки. Насыпался песчаный холмик, на вершину которого кто-нибудь из ребят осторожно сплевывал свою слюнку. Игроки – от двух до четырех – должны были осторожно, подкапывая холмик со своей стороны, не допустить, чтобы комочек слюны с песком скатился в его сторону. Если это происходило, то тот, на чью сторону

скатилась «слюнка», становился проигравшим, и игра начиналась снова. Также играли в воде в «догоняшки», особенно хорошо это удавалось на Уени. По воде пускались самодельные кораблики, плотики. Весной во время ледохода наиболее отчаянные пацаны катались на льдинах, но иногда это заканчивалось непредвиденным купанием. Стоящий на льдине не замечал, как льдина отплывала от берега и в одном прыжке уже не мог соскочить с нее. Приходилось прыгать в воду и быстро выбираться на берег, иначе течением могло унести вместе со льдиной на середину реки, но в мою бытность у нас таких случаев не было.

Вообще, все в деревне ждали, когда на Оби начнется ледоход. Это неопишное природное явление, завораживающее своей красотой, динамикой и грациозностью. Иногда льдины, толкая друг друга, становились «по стойке смирно», а затем с шумом, эффектно уходили под воду, толкая следующую льдину. Иногда же огромные куски льда, нагромождаясь друг на друга, со скрежетом скользили по берегу и своей массой передвигали камни, бревна, деревья и, не дай Бог, оставшиеся по нерасторопности хозяев лодки.

Росточек жестокости

Чуть больше года назад недалеко от моего дома поселилась молодая семья с двумя детьми. Глава семейства, у которого подрастали два сына, был хозяином примерным. Благоустройство своей усадьбы он начал с огорода, большую часть которого он засеял газонной травой и с помощью

электрической косилки добился густой могучей поросли этой зелени. Возле дома посадил декоративный кустарник, и небольшую часть определил под необходимые овощи. Центральное место на усадьбе заняла детская площадка для сыновей с летним надувным бассейном. Внешние работы шли параллельно с внутренним убранством собственного дома. Усадьба и дом за короткое время начали приобретать благоустроенный вид.

Андрей, так звали моего соседа, был, повторю, примерным хозяином и примерным семьянином. Жена, дети были охвачены его вниманием и заботой. Я видел, как он возил на своей автомашине домочадцев по различным надобностям: жену в парикмахерскую и по магазинам, детей в места развлечений, в школу и на дополнительные занятия. Я описываю стороны жизни своего соседа не только с позиции стороннего наблюдателя, но и человека, у которого с Андреем сложились хорошие приятельско-соседские отношения. И - я, мы с ним несколько раз выручали друг друга по возникшим проблемам, оставаясь удовлетворёнными результатами такого взаимодействия. Взяться за перо меня толкнул случай, который произошёл среди белого дня.

Около трёх часов дня я торопился в школу на третий урок во второй смене. И буквально на перекрёстке улицы Щетинкина, где мой дом, и улицы М. Горького я увидел гуляющих по улице Андрея с сыном и женой. Андрей, увидев меня, подходящего к перекрёстку, почему-то кинулся бежать навстречу мне. В недоумении я остановился, смотря на бежавшего соседа, собираясь с ним поздороваться за руку, как мы это делали обычно.

А в это время с противоположной стороны, также навстречу мне, бежала соседская собака — годовалый, средних размеров, без намордника чёрный пёс, но совершенно с другими намерениями.

На высокой собачьей скорости он подскочил ко мне, цапнул меня за штанину, клыком скользнув по коже голени, и так же стремглав кинулся на собаку, мирно лежавшую невдалеке. На команды хозяина пёс никак не реагировал и гнал уже соседскую собаку к подворотне. Там и успел поймать Андрей своего пса. Пристегнув его за ошейник, он направился в сторону своего дома.

Это событие заняло буквально 3–4 минуты. Всё это время я стоял на одном месте, практически без движения, ждал, когда Андрей поймает своего пса. Единственное, я осмотрел место укуса, крови не было, сразу появилась только небольшая опухоль.

Проводя собаку мимо меня, Андрей только и сказал: «Что-то собака невзлюбила Вас...»

Ни жена, ни сынишка не проронили ни одного слова и молча пошли домой.

Повторю: это происходило около трёх часов дня на улице рядом с моим домом, да и домом Андрея.

Получилось так, что собака кинулась на меня в это время только потому, что она невзлюбила меня. Этого, оказывается, достаточно для того, чтобы спокойно оправдать нападение собаки на прохожего.

Поясню, что чёрный пёс у Андрея содержится на привязи и, как охранник, исполняет свою обязанность достойно. Голосом оповещает хозяев о всех приближающихся к усадьбе людей и домашних животных. У собаки достойная

конура и голодной она не бывает. Но это сторожевая цепная собака и отпускать её с такой агрессией на улицу, наверное, было бы неправильно.

Самое страшное в этой истории то, что всё это происходило на глазах малолетнего школьника — сына, который тоже сочтёт оправдательными нападения своей любимой собачки на прохожего, которого она, просто по-собачьи, почему-то невзлюбила...

Не услышал я от молодых супругов слов сочувствия, сожаления, извинения по поводу произошедшего инцидента.

07.03.2019 г.

Семейная бухгалтерия

В одной из бухгалтерий колхоза нашего района работала женщина, назовём её Нина Николаевна.

Из обычной крестьянской семьи, бухгалтер-самоучка, она всегда была в почёте месте у своего руководства. Аккуратная в бумагах, исполнительная в поручениях, коммуникабельная в общении, скромная и ответственная, она была незаменима и авторитетна.

Последние годы своего трудового стажа она работала кассиром, и у неё был в финансах полный порядок. Всё учтено, всё как положено, по документам. В общем, никаких замечаний.

Свои бухгалтерские способности всё учитывать и контролировать она постепенно перенесла на семейную жизнь. Она знала, сколько у неё продуктов, материалов, инструментов. Всё у неё было учтено и, я думаю, даже было

записано. Кроме этого, она вела строгий учёт расхода всех своих домашних запасов и денег.

Кладовая, погреб, сараи были у неё на замках. Кроме неё никто, собственно, туда попасть не мог. Даже в доме практически всё закрывалось. Кухонный шкаф, сервант, шкаф для белья — всё закрыто. Выдача членам семьи только лично хозяйкой и нормированно. Норму, естественно, устанавливала тоже Нина Николаевна.

Надо сказать несколько слов о семье. Муж Нины Николаевны, в прошлом фронтовик, видный мужчина, как из песни: «Орёл степной, казак лихой» — был весельчаком, заведовал колхозной РТМ (ремонтно-тракторной мастерской).

Как специалист своего дела, он разбирался во всех вопросах эксплуатации и ремонта тракторов, сельхозмашин и агрегатов.

Колхозный парк техники был достаточно велик, и поэтому Николай Иванович, так звали мужа нашей героини, был постоянно в работе. Особенно в весенне-летне-осенний период, когда велись основные полевые работы, Николай Иванович редко бывал дома, как загруженный делами специалист. Появлялся только вечерами, а утром снова на производство.

В семье были двое сыновей — шустрые, развитые пацаны. Систему материнского контроля они усвоили рано. Запреты в виде замков и запоров их не совсем устраивали. Им хотелось не три конфетки и два пряника, как выдавала мать, а чуть побольше. Подрастая, они постепенно овладели приёмами незаметного «вскрытия» материнских замков и замочков, и тогда запретное становилось доступным.

Мальчишки хорошо знали, что мама ещё купит, ещё пополнит запасы сладостей и вкусовностей.

В юношеском возрасте свои навыки по вскрытию замков они перенесли уже на колхозные склады и амбары. Несколько раз были замечены и даже пойманы при занятии такими нехорошими делами. Сначала эти шалости сходили с рук под прикрытием родителей. Но по факту крупной кражи из склада они, в конце концов, понесли серьёзное наказание и получили срок.

В жизни у ребят началась другая полоса жизни, связанная с периодическим пребыванием в местах не столь отдалённых. Там они растеряли своё здоровье.

Нина Николаевна похоронила сначала одного, потом и второго сына. Николай Иванович тоже ушёл из жизни рано. Сказывались военные ранения и напряженный труд в мастерской.

Даже оставшись одна, Нина Николаевна не изменила своим бухгалтерским привычкам учёта и контроля.

Постоянный атрибут — связка ключей — всегда была рядом с ней. Только ей одной было понятно, какой ключ от какого замка в доме, кладовой, погреба, сараев, гаража. Нина Николаевна не хотела признавать, что только её скупость толкнула сыновей на стремление найти способы отмычек на повешенные замки. Именно этот факт и подтолкнул их уже на подходящие под серьёзную ответственность поступки, а точнее — преступления...

Детство — очень важный период в формировании личности наших детей. Родители просто обязаны понимать, чувствовать грань в вопросах «можно» и «нельзя», установлении родительских запретов.

Думаю, лучше, когда дети знают проблемы, возможности родителей, принимают участие в обсуждении материальных и финансовых вопросов. Общаясь с родителями своих учеников, хочу отметить, что именно такая демократическая атмосфера царит в большинстве современных семей. И это радует.

20.03.2019 г.

Машинка

Заканчивался 1963 год. Поздняя осень. Я, ученик третьего класса пристаньпочтовой восьмилетней школы, сижу на уроке. Вижу, идёт с чемоданчиком солдат. Сердце у меня ёкнуло. Мы в семье ждали демобилизации брата Юрия. Неужели это он? На перемене уже вся школа знала: к Савельевым из армии вернулся сын Юрий.

Не дождавшись окончания уроков, я побежал домой. Перед собой я увидел высокого, здорового парня, который высоко подбросил меня на руках. Нас с братом Геннадием стал угощать привезёнными гостинцами. Родители были рады-радёшеньки возвращению сына. Юра среди сыновей выделялся ростом. Виктор, Геннадий и я удались в отцовскую родню — все среднего роста, Юра же пошёл в мамину родню. Матыцины — это мамина девичья фамилия — выделялись высоким ростом и крепким телосложением. В этом я лично убедился, когда в 2017 году побывал в с. Пахотный Угол, что на Тамбовщине. Родное село моих родителей. Там фамилии Савельевых и Матыциных по количеству жителей входит в пятёрку самых распространённых.

Юра, как все Савельевские братья, был трудолюбивым, добрым, отзывчивым парнем. Все деревенские работы были известны ему, и любую работу он выполнял с удовольствием.

Взяться за перо меня побудило желание рассказать о том, какие игрушки сделал он нам с братом Геннадием. Надо отметить, что жили мы бедновато. Лишней копейки в доме не было. На покупку игрушек средств не хватало. Да в деревенских домах они как-то не утверждались. Санки, лыжи, ледянки — всё делалось вручную. Были простые, лёгкие, удобные.

Играли, конечно, игрушками, но я хочу отметить, что в то время деревенские дети были заняты посильными работами по дому.

Но вернёмся всё-таки в 1963 год. Мне, третьекласснику, и брату Геннадию, шестикласснику, брат Юрий сделал игрушки, которые запомнились на всю жизнь. Юра сделал нам деревянные, больших размеров, грузовички. Сама машина из деревянных брусочков и досточек. Колёса тоже деревянные из круглых бревёшек диаметром 15–20 сантиметров. В центре кругляшка Юра прожигал небольшое отверстие. Колесо готово. С помощью гвоздя оно крепилось к бруску. Передние колёса готовы, задние колёса готовы — вот вам и грузовичок. Самый что ни есть настоящий. Хорошо помню, что на улице все соседские мальчишки — наши ровесники — были захвачены игрой в эти машинки весь следующий год. Самая слабая запчасть у этой игрушки были колёса. Они либо трескались от наших скоростей и ударов, либо оси — гвозди — быстро изнашивались/прогибались под весом наших тел. Дело в том, что в кузове можно было уместиться малышу двух-трёхлетнего возраста. И мы с удовольствием катали детвору.

Поменять колесо и ось было несложно. Все эти запчасти были под руками. По образцу наших машинок соседи делали свои модели грузовичков.

Следующий 1964 год прошёл в увлечении такими игрушками. Но как обычно, мальчишеский интерес так же быстро и незаметно угас, как когда-то разгорелся. Время принесло другие увлечения и игрушки. Прошло уже много времени, те мальчишки стали дедами и покупают уже своим внукам большие, самодвижущиеся машинки. Азарт и увлечение у современных детей такой же, как и был у нас. Но нам-то те деревянные игрушки казались и кажутся до сих пор такими значимыми, самыми лучшими. Ведь они сделаны своими руками, руками наших родителей и старших братьев. Это, наверное, самое ценное в этих деревянных грузовичках, которыми мы играли на улице далёкого, пристаньпочтового детства.

12.04.2019 г.

Клятва

Перебирая свой семейный архив, я наткнулся на небольшой листок из ученической тетради в клеточку; в центре листочка были выведены детской рукой слова: «Торжественная клятва». А дальше текст этой клятвы, написанный рукой моего сына Пети... Моя память быстро восстановила произошедшее, связанное с возникновением этой торжественной клятвы. Эту поучительную интересную историю я постараюсь сейчас описать. Начну всё по порядку.

У нас с родным братом Геннадием дети примерно одного возраста. И в те далёкие восьмидесятые годы они

были школьниками разных классов. Мои: Людмила и Петя, и дети брата: Алёна и Света, были очень близки. Мы с братом делали очень многое, чтоб они виделись как можно чаще и в самых добрых, разных ситуациях. Брат с женой Людмилой и детьми часто бывали в Колывани, где я жил с семьёй. Мой домик был на земле, и я всегда держал всякую живность: поросят, курочек и даже корову. По этому поводу племянница Алёна даже сочинила небольшую частушку:

Дождик, дождик перестань,
Мы поедем в Колывань,
К дяде Толи в гости,
Глодать свиные кости.

Моя семья с большой радостью ездила в Новосибирск, где жила семья брата. Жили они на Северном посёлке, так называется район в городе, в одной квартире с родителями Людмилы. Нам всегда было там очень удобно, мы чувствовали там себя как дома: нам всегда были рады. Людмилины родители, Василий Александрович и Нина Александровна, были гостеприимными, приветливыми и добрыми людьми. Особенно всем нравилась встреча Нового года и первого января. В первый день Нового года у Нины Александровны был день рождения. Поэтому Новогодний праздник плавно, почти не прерываясь, переходил в чествование именинницы. И вот эти два дня, плюс Новогодняя ночь, наполненные весельем, радостью, непринуждённостью и разнообразием развлекательных занятий, очень нравились нашим детям. Кстати, к детворе присоединялись и дети сестры Людмилы – Натальи, которая тоже жила семьёй в городе и всегда эти дни проводила в родительской квартире. Праздники были яркими, запоминающимися на целый год.

Мои дети знали – Новый год – мы обязательно едем в Новосибирск. Они готовили костюмы, учили стихи, придумывали какие-то детские конкурсы.

История, о которой я хочу вам поведать, произошла в 1986 году. Воспользовавшись внутренними семейными неурядицами, повлекшими и ослабление контроля за успеваемостью и поведением, сынок получил за первую четверть тройки по русскому языку, географии и английскому языку. Это было чрезвычайным происшествием, так как до этого у него оценки были только хорошие. И вот в начале второй четверти я усадил Петю за стол и предложил ему написать Торжественную клятву, не исполнив которую, он получил бы жестокое наказание. Я думаю, вы уже догадались, дорогие читатели, какое. Да, вы угадали. Сынок своей рукой писал, что он исправит во второй четверти эти тройки, а если же он не исправит их, то не поедет на Новый год к дяде Гене. Поставил число, подпись. И этот документ я взял на хранение. Надо сказать, что в течение ноября-декабря я даже не спрашивал сына, как у него дела с успеваемостью. Знал, он свою клятву сдержит, исправит эти злосчастные тройки. Так оно и получилось. Четверть была окончена на «хорошо» и «отлично». Новогодние праздники прошли как обычно, принесли детям столько эмоционального заряда, что хватило на целый год. В завершение отмечу, что дети мои десять классов, а тогда была десятилетка, окончили успешно, без троек.

2017г.

Иду и кланяюсь знакомым...

С автором сборника «Сельские сказы», Анатолием Петровичем Савельевым, я знакома много лет, а вот узнала его позапрошлым летом, в Маслянинском санатории для ветеранов, куда нам, троим ветеранам-учителям выделили, поощрив, путевки. Таких нас набралась из области целая группа. Еще в автобусе, присланном за нами из санатория, мы перезнакомились, а потом и сдружились. Коллектив получился весёлым, задорным: все же активисты! Но бесспорным лидером среди нас стал Анатолий Петрович. Уже в первые дни он со всеми: отдыхающими, персоналом, начальством санатория – перезнакомился, со многими из них успел побеседовать, уже называя всех по имени-отчеству...

То он со знанием дела объясняет что-то огороднице, половшей цветник, то беседует, сидя на лавочке, со старушкой, опирающейся на палочку, то в беседке рассказывает анекдоты отдыхающим помоложе.

Если я, проходя мимо, кивала ему, то он объяснял собеседницам: «Мы из одного колхоза». Неудивительно, что впоследствии его собеседницы пытались узнать о нем побольше. На что я искренне отвечала, что, оказывается, не знала его вовсе.

Не знала, например, что он увлекается археологией. На третий день по приезду он уже исследовал обрывистые берега протекавшей рядом с санаторием реки. И что вы думаете! Ведь раскопки увенчались успехом и каким!

Он нашел зуб мамонтёнка, который передал в местный краеведческий музей, а районная газета на первой странице напечатала его большой цветной портрет, где он сфотографирован со своей находкой, а под фотографией - статья.

Заезд наш был небольшой и поэтому неудивительно, что на танцах, куда я зашла в первый день, царила скука. Потому я решила просто гулять вечерами по территории, что и сделала на следующий день. Каково же было мое удивление, когда я, проходя мимо застекленных дверей танц-пола, услышала взрывы смеха, сопровождавшие реплики. Уже уверенная, что источник этого веселья Анатолий Петрович, я вошла туда. Да, в центре, окруженный помолодевшими развеселыми ветеранками, стоял он, и пел песню, отбивая такт ногой, а «цветник» ему дружно подпевал припев.

Вечерами, когда мы с соседкой, моей коллегой по первой школе, расслаблено, уже лежа на кроватях, смотрели телевизор, едва постучав, стремительно входил и также стремительно, без предисловий, озадачивал нас вопросом: «Что означала у русских традиция рвать рубаху?»

Мы начинали вспоминать классику, цитировали симоновское «по-русски рубаху рванув на груди», но ему надо было что-то другое и, не добавившись от нас внятного толкования, также стремительно, попрощавшись, уходил. На следующий день его волновало уже другое....

Оказывается, вечерами он писал рассказы, и успел их написать за эти две недели отдыха пять или шесть, и уже договорился с руководством санатория о встрече с ним, Анатолием Петровичем. К своему бенефису он тщательно

подготовился, подключив еще четыре человека. Одна из нас, вела вечер, а остальные читали рассказы и стихи. Конечно, самое мастерское чтение рассказов было у него самого. Мне, знакомой с рассказами по рукописи и видевшей в этой рукописи стилистические недочёты, было удивительно, что в устном исполнении они не бросались в глаза. Ведь не зря существует речь устная и речь письменная. То, чем славится хорошая письменная речь, называемая художественной: тропы, сравнения, описания природы - в устной не нужны или почти не нужны, как и не нужна стройность сюжета: ведь рассказчик может и уходить от сюжета.

Я поняла, что все свои истории автор сначала, и не раз, рассказал, а потом их записал.

Незатейливые, короткие эти рассказы можно, назвать байками, случаями. Существовал такой жанр в устном народном творчестве, позднее названный сказами. Многие из этих сказов мы знаем только по фрагментам, вошедшим впоследствии в поговорки.

Ведь гонял куда-то далеко Макар своих телят, и прославилась у какой-то Маланьи свадьба ломившимися от яств столами, и существовал хозяин Бондарев у коровы, которая никогда домой не приходила, а шлялась где ни попадя.

Этот жанр существует и по сей день. В селе, в школе, в институте существуют байки, передающиеся устно. И роль этих незамысловатых баек огромна. Чтобы это доказать, приведу такой пример. Как-то поехала я на курсы усовершенствования учителей. Ночевать нас определили в большой комнате одноэтажного старенького деревянного дома. Вот заняли мы свои кровати, сидим, друг друга не

знаем. И такое горькое чувство одиночества на меня напало, какое бывает только среди незнакомых людей. И вот одна из нас поднимает руку и говорит: «Кто еще закончил наш Новосибирский госпедвуз». И мы, дружно подняв руки, стали вспоминать преподавателей и эти самые байки, передаваемые из поколения в поколение. И вот уже дружно смеёмся, и вот мы уже одна семья, возвращенная нашей альмаматер, и вот уже садимся к столу, достаем припасы и пьём чай.

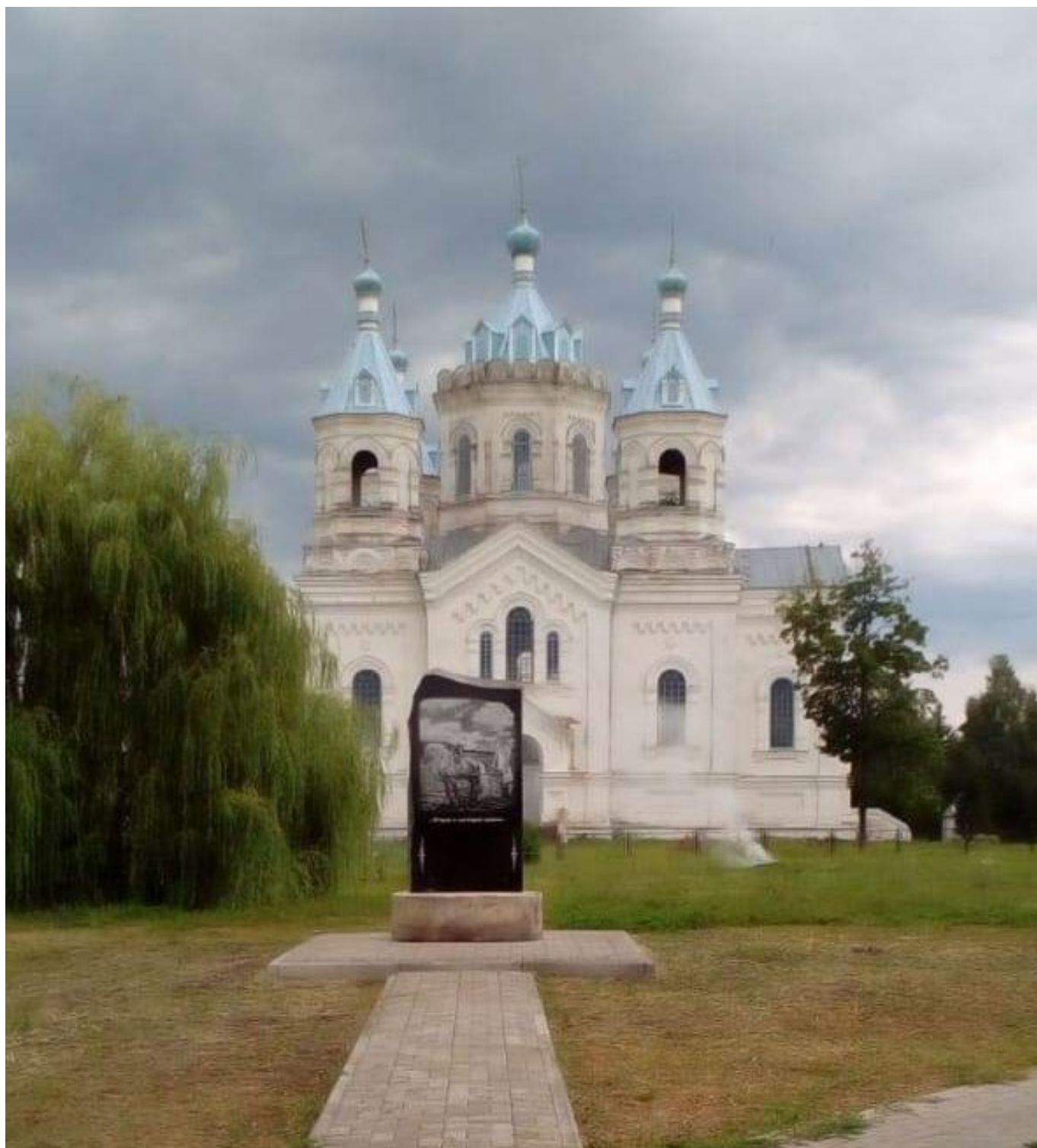
Думаю, что, прочитав книгу сказов, все почтовские, и те, кто до сих пор живет в своей деревне, и те, кто давно сменил место жительства, почувствуют себя единой семьей, да и не только они.

Ведь рассказы имеют обширную географию, огромную протяжённость во времени, они включают рассказы его матери о жизни крестьян, на Тамбовщине еще до революции (оттуда родом родители Анатолия Петровича), историю села Пристань Почта с тридцатых годов по наши дни, и Скала наша там присутствует, и, Пихтовка, и Кандаурово, и Колывань - те места нашего района, где жил и работал Анатолий Петрович. Обычно пишущие люди-непоседы, они легки на ногу, легко меняют и место жительства, и работу. И это им помогает собрать жизненный материал для своего творчества. В этом плане Анатолий Петрович - не исключение.

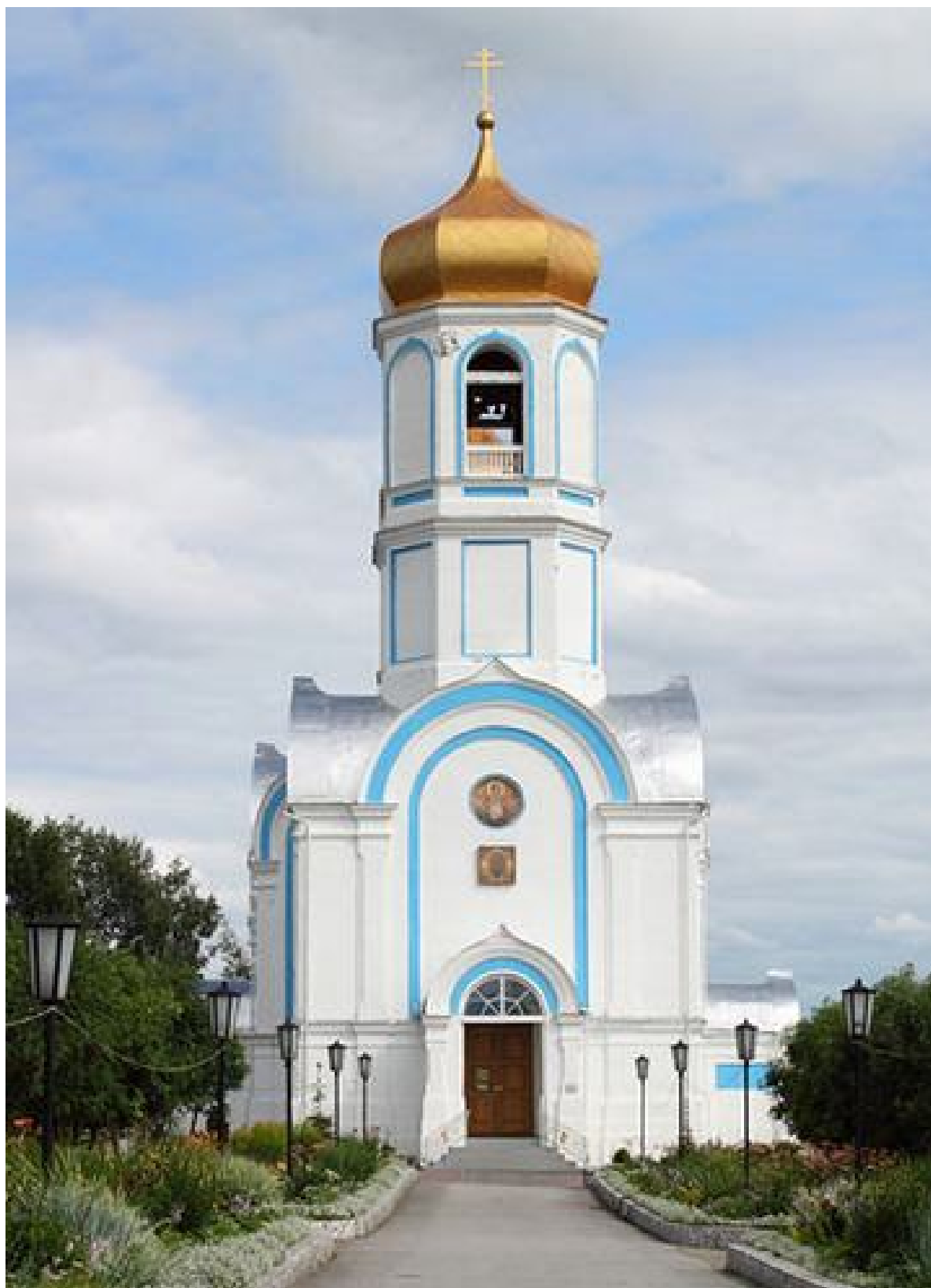
Его рассказы-сказы, из которых выкладывается мозаика, рисующая и быт, и нравы, и язык, и стремления нашего сибирского крестьянства, фундамент которого был заложен в «Расеи», родине большинства из нас, такую родину называют исторической.

Получилась уникальная полифония, огромный хор разных голосов, объединенных общими представлениями о жизненных ценностях, которые идут вразрез с пропагандируемыми сейчас в СМИ идеалами. Терпеть, довольствоваться малым, трудиться, почитать взрослых, уметь радоваться, беречь природу - вот неполный перечень народных ценностных представлений - вот чему учит эта книга.

Грунэ Татьяна Михайловна,
автор книги о современной сибирской литературе, изданной
в журнале «Сибирские огни» в 2007 году,
ветеран педагогического труда Скалинской СОШ
11.01.2021 г.

*Село Пахотный Угол, Бондарский район, Тамбовская область
Богоявленская церковь и памятная стела в честь 325-летия села, 2020 год.*

*Церковь святого благоверного князя Александра Невского.
Колывань, Новосибирская область*

Оглавление

Девяносто копиц.....	4
Новенькие туфли	6
Корыто	9
Иконочка	12
История о простом парне.....	14
Картошечка.....	17
Копеечка	19
Платочек	21
Тыковка	23
Уголечки	25
Самый первый.....	27
Детская логика	31
Помирились	32
Фамильные курьёзы	35
Это любовь	37
С легким паром!.....	40
Испытание водой.....	44
Оригинальная методика выживания	46
Православная обитель.....	50
Одноклассники	55
Календарик	57
Кураж.....	59
Пельмени.....	61
Подруги	63
Детская честность.....	67
Завязочка	68
Рублик	71

Юный жених.....	75
Семечки.....	77
Удачная сделка.....	80
Пожар	81
Щедрый подарок.....	86
Посъет	87
Митенька	92
Вперёд, на врага!.....	94
Детское желание	96
Заказной завтрак.....	98
Инкубатор для ужей.....	100
Кусочек сахара	102
Нитку в иголку.....	104
Переправа, переправа	105
Подсказка.....	109
Юннаты.....	111
Воронье коварство.....	115
Сорочьи сокровища	118
Мой дед	121
Туман	125
Пошла в Тамбов	128
Пристань Почта	131
Поучительная история	133
Ну, как вы там, в Сибири?.....	135
Бурундук.....	137
Совята	138
Советы, как узелочки на долгую память	140
Лукерьян квас	144

Песня по заявке	145
Поздравление	148
Детские забавы	151
Росточек жестокости	153
Семейная бухгалтерия	156
Машинка	159
Клятва	161
Иду и кланяюсь знакомым	164

СЕЛЬСКИЕ СКАЗЫ

Сборник

Автор

Анатолий Петрович Савельев

На обложке: вверху - картина Ю.И. Третьякова

«Весенний разлив в д. Пристань Почта», 2008 г.

Вторая картина П.Л. Поротникова «Село Пристань Почта»

На обороте: картина П.Л. Поротникова «Река Уень весной»